Александр Дугин

Тамплиеры Пролетариата

ЧАСТЬ 1 Неожиданный синтез

МЕТАФИЗИКА НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМА

1. Отложенная дефиниция

Термин «национал-большевизм» может означать несколько довольно различных вещей. Возник он, практически, параллельно в России и в Германии для обозначения догадки некоторых политических мыслителей о национальном характере большевистской революции 1917 года, скрытом за интернационалистской фразеологией ортодоксального марксизма. В русском контексте "национал-большевиками" было принято называть тех коммунистов, которые ориентировались на сохранение Государства и (сознательно или нет) продолжали геополитическую линию исторической миссии великороссов. Такие русские национал-большевики были как среди «белых» (Устрялов, сменовеховцы, левые евразийцы), так и среди «красных» (Ленин, Сталин, Радек, Лежнев и т. д.)[1]. В Германии аналогичное явление было связано с крайне левыми формами национализма 20-30х годов, где сочетались идеи неортодоксального социализма с национальной идеей и позитивным отношением к Советской России. Среди немецких национал-большевиков самым последовательным и радикальным, безусловно, был Эрнст Никиш, хотя к этому движению можно отнести и других консервативных революционеров — Эрнста Юнгера, Эрнста фон Заламона, Августа Виннига, Карла Петеля, Харро Шульцен-Бойсена, Ганса Церера, коммунистов Лауфенберга и Вольффхайма, и даже некоторых крайне левых нацистов — таких, как Отто Штрассер и, в определенный период, Йозеф Геббельс.

На самом деле, понятие «национал-большевизм» гораздо шире и объемнее, чем перечисленные политические течения. Но для того, чтобы адекватно осмыслить его, следует обратиться к более глобальным теоретическим и философским проблемам, касающимся определения «правого» и «левого», "национального" и "социального".

Слово «национал-большевизм» заключает в себе заведомый парадокс. Как два взаимоисключающих понятия сочетаются в одном и том же названии?

Независимо от того, как далеко заходили рефлексии исторических национал-большевиков, с необходимостью ограниченных

спецификой среды, сама идея подхода к национализму слева, а к большевизму справа является удивительно плодотворной и неожиданной, открывающей совершенно новые горизонты в осмыслении логики истории, социального развития, политической мысли. Лучше не отталкиваться от конкретной политической фактологии — Никиш написал то-то, Устрялов оценил некое явление так-то, Савицкий привел такой-то аргумент и т. д., - но попытаться взглянуть на феномен с той неожиданной позиции, которая и сделала возможным существование самого сочетания «национал-большевизм». Тогда мы сможем не просто описать это явление, но постичь его, а через него и многие другие странные аспекты нашего парадоксального времени.

2. Неоценимая помощь Карла Поппера

Трудно представить что-либо лучшее в сложном деле определения сущности «национал-большевизма», чем обращение к социологическим исследованиям Карла Поппера, и особенно к его фундаментальной работе "Открытое общество и его враги". В этом объемном труде Поппер предлагает довольно убедительную модель, согласно которой все типы общества грубо делятся на два основных вида — "открытое общество" и "не-открытое общество" или "общество врагов открытого общества". "Открытое общество", согласно Попперу, основано на центральности индивидуума и его основополагающих характеристик — рациональность, дискретность, отсутствие глобальной телеологии в действиях и т. д. Смысл "открытого общества" в том, что оно отвергает все формы Абсолютного, несопоставимого с индивидуальностью и ее природой. Такое общество является «открытым» именно за счет того, что вариации сочетаний индивидуальных атомов не имеют предела (как не имеют цели или смысла), и теоретически это общество должно стремиться к достижению идеального динамического равновесия. Убежденным сторонником "открытого общества" считает себя и сам Поппер. Второй тип общества Поппер определяет как "враждебный открытому обществу". Он не называет его «закрытым», предвидя возможные возражения, но часто использует термин «тоталитарное». Как бы то ни было, именно исходя из приятия или отрицания "общества открытого" распределяются, по Попперу, те или иные политические, социальные и философские учения.

Враги "открытого общества" — это те, кто выдвигают против индивидуума и его центральной позиции разнообразные модели, основанные на Абсолютном. Абсолютное, даже утвержденное спонтанно и волюнтаристически, мгновенно вторгается в сферу индивидуального, резко меняет процесс ее эволюции, осуще-

ствляет насилие над цельностью атомарной личности, подчиняя ее какому-то внеиндивидуальному импульсу. Индивидуум немедленно ограничивается Абсолютным, а значит общество людей теряет качество «открытости» и перспективу свободного развития во всех направлениях. Абсолют диктует цели и задачи, устанавливает догмы и нормы, насилует индивидуума, как скульптор свой материал.

Поппер начинает генеалогию врагов "открытого общества" с Платона, в котором он видит родоначальника философии тоталитаризма и отца «мракобесия». Далее, он переходит к Шлегелю, Шеллингу, Гегелю, Марксу, Шпенглеру и другим современным мыслителям. Все они объединены в его классификации одним — утверждением метафизики, этики, социологии и экономики, основанных на принципах, отрицающих "открытое общество" и центральность индивидуума. В этом Поппер совершенно прав.

Самое важное в анализе Поппера заключается в том, что в категорию "врагов открытого общества" попадают мыслители и политические деятели совершенно независимо от того, являются ли их убеждения «правыми» или «левыми», "реакционными" или «прогрессивными». Он выделяет иной, более значимый, более фундаментальный критерий, объединяющий на обоих полюсах, на первый взгляд, самые разнопорядковые и противоположные идеи и философии. К "врагам открытого общества" причисляются и марксисты, и консерваторы, и фашисты, и даже некоторые социал-демократы. Вместе с тем, и в друзьях открытого общества могут оказаться либералы типа Вольтера или реакционные пессимисты типа Шопенгауэра.

Итак, формула Поппера такова: "либо "open society", либо "its enemies".

3. Священный Союз Объективного

Самым удачным и самым полным определением национал-большевизма будет следующее: "Национал-большевизм — это сверхидеология, общая для всех врагов открытого общества". Не просто одна из враждебных такому обществу идеологий, но именно его полная сознательная тотальная и сущностная антитеза. Национал-большевизм — это такое мировоззрение, которое строится на полном и радикальном отрицании индивидуума и его центральности, причем Абсолютное, во имя которого индивидуум отрицается, имеет самый широкий и самый общий смысл. Можно рискнуть и сказать, что национал-большевизм стоит за *любую* версию Абсолютного, за *любую* мотивацию отрицания "открытого общества". В национал-большевизме явно проглядывает стремление любой ценой универсализировать Абсолютное,

выдвинуть такую идеологию и такую философскую программу, которые воплощали бы в себе *все* интеллектуальные формы, враждебные "открытому обществу", приведенные к общему знаменателю и интегрированные в единый концептуальный и политический блок.

Конечно, в истории разновидности враждебных открытому обществу направлений часто враждовали и между собой. Коммунисты с негодованием отвергали свое сходство с фашистами, а консерваторы открещивались и от тех и от других. Практически, никто из "врагов открытого общества" не признавал своего родства с аналогичными идеологиями, считая подобные сравнения лишь уничижительной критикой. Однако при этом разнообразные версии самого "открытого общества" развивались солидарно друг с другом, при ясном осознании своей мировоззренческой и философской связи. Принцип индивидуализма мог объединять протестантскую монархию Англии с демократическим парламентаризмом Северной Америки, а в ней самой поначалу либерализм прекрасно сочетался с рабовладением.

Первой попыткой сгруппировать разнообразные идеологии, враждебные "открытому обществу", предприняли именно национал-большевики, которые разглядели, так же, как и их идеологические противники, некую общую ось, объединяющую все возможные альтернативы индивидуализму и обществу, на нем построенному.

На этом глубинном, редко осознаваемом до конца, импульсе и основывали свои теории первые исторические национал-большевики, применявшие стратегию "двойной критики". У «правых» и у «левых» мишенью этой национал-большевистской критики был именно индивидуализм (у правых выражавшийся в экономике, "теории рынка", у левых — в политическом либерализме: "правовом обществе", "правах человека" и т. д.). Иными словами, национал-большевики по ту сторону идеологий схватили сущность и враждебного лагеря и своей собственной метафизической позиции.

На философском языке «индивидуализм» практически отождествляется с «субъективизмом». Если перенести национал-большевистскую стратегию на этот уровень, то можно утверждать, что национал-большевизм выступает категорически *против* «субъективного» и категорически *за* «объективное». Вопрос не в том: материализм или идеализм? Вопрос в том: либо объективный идеализм и объективный материализм (по одну сторону баррикад!), либо субъективный идеализм и субъективный же материализм[2] (по другую!).

Итак, философская линия национал-большевизма утверждает сущностное единство мировоззрений, основанных на признании центральности объективного, приравненного к Абсолютному, причем независимо от того, как эта объективность понимается. Можно сказать, что высшей метафизической максимой национал-большевизма является индуистская формула "Атман есть Брахман". «Атман» в индуизме — это высшее, трансцендентное «Я» человека, стоящее по ту сторону «я» индивидуального, но внутри этого «я», как его самая интимная и таинственная часть, ускользающая от имманентного схватывания. «Атман» — внутренний Дух, но Дух объективный и сверхиндивидуальный. «Брахман» — это абсолютная реальность, охватывающая индивидуума извне, внешняя объективность, возведенная к своему высшему первоисточнику. Тождество «Атмана» и «Брахмана» в трансцендентном единстве есть венец индуистской метафизики и, самое главное, основа пути духовной реализации. Это — пункт, общий для всех сакральных учений, без исключения. Во всех них речь идет о главной цели человеческого существа — самопреодолении, выходе за границы малого индивидуального «я», причем путь по ту сторону этого «я» вовне или вовнутрь ведет к одному и тому же победоносному результату. Отсюда традиционный инициатический парадокс, воплощенный в знаменитой евангельской фразе: "тот, кто погубит душу свою, тот спасет ее". Этот же смысл заключается в гениальном утверждении Ницше: "Человек есть то, что следует преодолеть".

Философский дуализм между «субъективным» и «объективным» исторически отражался в более конкретной области — в идеологии, и далее в политике и специфике социального устройства. Разнообразные версии «индивидуалистической» философии постепенно концентрировались в идеологическом лагере либералов и либерал-демократической политике. Это и есть макромодель "открытого общества", о котором пишет Карл Поппер. "Открытое общество" есть конечный и самый законченный результат индивидуализма, превращенного в идеологию и осуществляемого в конкретной политике. Но закономерно поставить вопрос и о максимально общей идеологической модели сторонников «объективного» подхода, об универсальной политической и социальной программе "врагов открытого общества".

В результате мы получим не что иное, как *идеологию национал-большевизма*.

Параллельно радикальной новизне философского деления, осуществленного в данном случае вертикально по отношению к традиционным схемам (идеализм — материализм), национал-большевики утверждают новый водораздел в политике. Левые и

правые делятся, в свою очередь, на два сектора. Крайне левые, коммунисты, большевики, все наследники Гегеля «слева» сливаются в национал-большевистском синтезе с крайними националистами, этатистами, сторонниками "нового Средневековья", короче, всеми наследниками Гегеля "справа"[3].

Враги открытого общества возвращаются в свое метафизическое лоно, общее для всех.

4. Метафизика большевизма (Маркс, взгляд "справа")

Теперь обратимся к прояснению того, что следует понимать под двумя составляющими термина «национал-большевизм» в сугубо метафизическом смысле.

Термин «большевизм» изначально возник, как известно, во время дискуссий в РСДРП для определения той фракции, которая встала на сторону Ленина. Напомним, что ленинская линия в российской социал-демократии заключалась в ориентации на предельный радикализм, отказ от компромиссов, акцентировку элитарного характера партии и на «бланкизм» (теорию "революционного заговора"). Позже «большевиками» стали называть коммунистов, осуществивших Октябрьскую революцию и захвативших власть в России. Почти сразу после революции термин «большевизм» утратил свое ограниченное значение и стал восприниматься как синоним «большинства», "всенародности", "национальной интеграции". На определенном этапе «большевизм» воспринимался как сугубо русская, национальная версия коммунизма и социализма, противопоставленная отвлеченной догматике абстрактных марксистов и, одновременно, конформистской тактике других социал-демократических течений. Такое понимание «большевизма» было, в значительной мере, характерно для России и почти однозначно доминировало на Западе. Однако упоминание «большевизма» в сочетании «национал-большевизм» не ограничивается этим историческим смыслом. Речь идет о некой линии, которая является общей для всех радикально левых тенденций — социалистического и коммунистического толка. Можно назвать эту линию «радикальной», "революционной", «антилиберальной». Имеется в виду тот аспект левых учений, который Поппер причисляет к "тоталитарным идеологиям" или к учениям "врагов открытого общества". «Большевизм», таким образом, не просто следствие влияния русской стихии на социал-демократическую доктрину. Это некий постоянно присутствовавший во всей левой философии компонент, который смог полноценно и открыто развиться только в русских условиях.

В последнее время наиболее объективные историки все чаще задаются вопросом: "А является ли фашистская идеология, дей-

ствительно, "правой"?" И наличие сомнения, естественно, указует на возможность трактовать «фашизм» как более сложное явление, имеющее множество типично «левых» черт. Насколько нам известно, симметричного вопроса — "А является ли коммунистическая идеология, действительно, "левой"?" — пока еще не возникает. Но этот вопрос все более актуален. Поставить его необходимо.

Трудно отрицать в коммунизме подлинно «левые» черты — апелляции к рациональности, прогрессу, гуманизму, эгалитаризму и т. д... Но вместе с этим есть в нем аспекты, которые однозначно выпадают за рамки «левого», относятся к сфере иррационального, мифологического, архаического, антигуманистического и тоталитарного. *Этот комплекс «правых» компонентов в коммунистической идеологии и следует назвать «большевизмом» в самом общем смысле*. Уже в самом марксизме две составляющие части представляются довольно сомнительными, с точки зрения подлинно «левой» прогрессистской мысли. Это наследие социалистов-утопистов и гегельянство. Лишь этика Фейербаха выпадает из этой «большевистской» по сути идеологической конструкции Маркса, придавая всему дискурсу терминологическую окраску гуманизма и прогрессизма.

Социалисты-утописты, которых Маркс однозначно включает в число своих предшественников и учителей, являются представителями особого мистического мессианства и глашатаями возвращения "золотого века". Практически, все они — выходцы из эзотерических обществ, в среде которых царил дух радикального мистицизма, эсхатологии и апокалиптических предчувствий. В этом мире перемешались сектантские, оккультные и религиозные мотивы, суть которых сводилась к следующей схеме: "Современный мир безнадежно плох, он потерял свое сакральное измерение. Религиозные институты выродились и утратили благодать (тема общая для крайних протестантских сект, «анабаптистов» и русского раскола). Миром правит зло, материализм, обман, ложь, эгоизм. Но посвященные знают о скором приходе нового золотого века и содействуют этому приходу своими таинственными ритуалами и оккультными действиями."

Социалисты-утописты спроецировали этот общий для западного мессианского эзотеризма мотив на социальную действительность и придали грядущему золотому веку социально-политические черты. Конечно, в этом был момент рационализации эсхатологического мифа, но вместе с тем, сверхъестественный характер грядущего Царствия, Regnum, явно ощущается в их социальных программах и манифестах, где нет-нет да и проскользнет упоминание о грядущих чудесах коммунистического общества (плава-

ние на дельфинах, управление погодой, общность жен, полеты в воздухе людей и т. д.). Совершенно очевидно, что эта линия имеет откровенно традиционный характер, и такой радикальный эсхатологический мистицизм, идею возврата к Истоку, совершенно логично назвать не просто «правым» компонентом, но даже "крайне правым".

Теперь Гегель и его диалектика. Политические убеждения самого философа были крайне реакционными, это общеизвестно. Но не в этом суть. Если внимательно присмотреться к диалектике Гегеля, к методу, лежащему в основе его философии (а именно диалектический метод заимствовал Маркс в большей степени), мы увидим сугубо традиционалистскую и также эсхатологическую доктрину, облеченную в особую специфическую терминологию. Более того, эта методология выражает структуру именно инициатического, эзотерического подхода к проблемам познания, в отличие от сугубо профанической, обыденной логики Декарта и Канта, опиравшихся на «здравомыслие», гносеологические нормативы "обыденного сознания", ярыми апологетами которого, заметим a propos, являются все либералы и, в частности, Карл Поппер.

Философия истории Гегеля — это версия традиционного мифа, сопряженная с сугубо христианской телеологией. Абсолютная Идея отчуждается от самой себя и становится миром (вспомним кораническую формулировку: "Аллах был тайным сокровищем, которое пожелало быть узнанным"). Объективируясь в историю, Абсолютная Идея действует на людей извне, как "хитрость мирового разума", предопределяя провиденциальность событийной ткани. Но в конечном счете, через пришествие Сына Божьего, открывается апокалиптическая перспектива полного осознания Абсолютной Идеи на субъективном уровне, который перестает быть от этого «субъективным» и становится «объективным». "Бытие и мысль становятся одним". Атман совпадает с Брахманом. Причем происходит это в особом избранном царстве, в Империи Конца, которую немецкий националист Гегель отождествлял с Пруссией. Абсолютная Идея — тезис, ее отчуждение в истории — антитезис, ее осознание в эсхатологическом царстве — синтез. На таком видении онтологии базируется и гносеология Гегеля. В отличие от обычной рациональности, основанной на законах формальной логики, оперирующей только с позитивными утверждениями, связанными актуальными причинно-следственными отношениями, "новая логика" Гегеля, учитывает особое онтологическое измерение, сопряженное с потенциальным аспектом вещи, недоступным "обыденному сознанию", но активно использовавшимся мистической школой Беме, герметиков и розенкрейце-

ров. Факт предмета или утверждения (которым исчерпывается кантианская «обыденная» гносеология) для Гегеля есть лишь одна из трех ипостасей. Второй ипостасью является «отрицание» этого факта, причем понятое не как чистое *ничто* (как это видит формальная логика), но как особый сверхрассудочный модус существования вещи или утверждения. Первая ипостась — Ding fuer uns ("вещь для нас"), вторая — Ding an sich ("вещь в себе"). Но в отличие от Канта эта "вещь в себе" понимается не как нечто непознаваемое и чисто апофатическое, не как гносеологическое небытие, но как гносеологическое инобытие. И обе эти относительные ипостаси разрешаются в третьей, которая есть синтез, охватывающий и утверждение и отрицание, тезис и антитезис. При этом если рассмотреть процесс мышления последовательно, то синтез происходит после «отрицания», как второе отрицание, т. е. "Отрицание отрицания". В синтезе одновременно берется и утверждение и отрицание, в нем вещь сосуществует со своей собственной смертью, расцененной в особой онтологической и гносеологической шкале не как пустота, но как инобытие жизни, душа.

Кантовский гносеологический пессимизм, корень либеральной метаидеологии, опрокидывается, разоблачается как «недомышление», а Ding an sich ("вещь в себе") становится Ding fuer sich ("вещь для себя"). Причина мира и сам мир сливаются в эсхатологическом синтезе, где существование и несуществование соприсутствуют, не исключая друг друга. Земное Царство Конца, управляемое кастой посвященных (идеальная Пруссия), сопрягается с нисходящим Новым Иерусалимом. Начинается конец Истории и эра Святого Духа. Этот эсхатологический мессианский сценарий заимствовал Маркс, применив его к несколько иной сфере — к области производственных отношений. Интересно, почему он так поступил? Обычные «правые» объясняют это "недостатком идеализма" или "грубостью натуры" (если не субверсивными намерениями). Удивительно глупое объяснение, которое, тем не менее, пользуется популярностью у нескольких поколений реакционеров. Скорее всего, Маркс, внимательно изучавший английскую политэкономию, был шокирован соответствиями между либеральными теориями Адама Смита, который видел историю как прогрессивное движение к открытому рыночному обществу и универсализации материального денежного общего знаменателя, и концепциями Гегеля относительно исторического антитезиса, т. е. отчуждения Абсолютной Идеи в истории. Предел этого отчуждения Абсолюта от самого себя Маркс гениально отождествил с *Капиталом*, с той общественной формацией, которая активно подминала под себя современную ему Европу. Анализ

структуры капитализма, история его становления давали Марксу знание механики отчуждения, алхимическую формулу того, по каким законом оно протекает. А постижение этой механики, "формулы антитезиса", и являлось первым и необходимым условием для Великой Реставрации или Последней Революции. Царство грядущесо коммунизма было для Маркса не просто «прогрессом», но результатом *переворота,* «революции» в этимологическом смысле этого слова. И не случайно, начальную стадию развития человечества он называет "пещерным коммунизмом". Тезис — "пещерный коммунизм", антитезис — Капитал, синтез — мировой коммунизм. Коммунизм — синоним Конца Истории, эры Святого Духа. Материализм и акцент, сделанный на экономике и производственных отношениях, свидетельствуют не о приземленности интересов Маркса, но о стремлении его к магическому преображению действительности и радикальному отказу от компенсаторных грез безответственных мечтателей, своим бездействием лишь усугубляющих стихию отчуждения. С таким же успехом можно было бы упрекнуть средневековых алхимиков в «материализме» и жажде наживы, если упустить из виду глубоко духовный и инициатический символизм, скрытый за их рассуждениями о дистилляциях мочи, получении золота, превращении минералов в металлы и т. д.

Именно эта гностическая линия Маркса и его предшественников была подхвачена русскими большевиками, воспитывавшимися в среде, где против отчужденного, светского, выродившегося монархического режима копились таинственные силы русского сектанства, мистицизма, народного мессианства, тайных обществ и страстных романтических натур русских бунтарей. "Москва — Третий Рим, русский народ — богоносец, нация Всечеловека. Россия призвана спасти мир." Все эти идеи пропитывали русскую жизнь, резонируя с заложенными в марксизме эзотерическими сюжетами. Но в отличие от чисто спиритуальных формулировок, марксизм предлагал экономическую, социальную и политическую стратегию, ясную и конкретную, понятную даже простому человеку и дающую основание для социально-политических шагов. В России восторжествовал именно "правый марксизм", получивший название «большевизма». Но это не значит, что так дело обстояло только в России. Подобная линия присутствует во всех коммунистических партиях и движениях во всем мире, если, конечно, они не вырождаются в парламентскую социал-демократию, конформирующую с либеральным духом. При этом не удивительно, что социалистические революции кроме России произошли только на Востоке — в Китае, Корее, Вьетнаме и т. д. Это еще раз подчеркивает, что именно традиционные, непрогрессив-

ные, наименее «современные» ("отчужденные от духа") и, значит, наиболее «консервативные», наиболее «правые» народы и нации, распознали в коммунизме его мистическую, духовную, «большевистскую» суть. Национал-большевизм преемствует именно такую большевистскую традицию, линию "правого коммунизма", которая уходит вглубь веков к древнейшим инициатическим обществам и духовным учениям. При этом экономический аспект коммунизма не умаляется, не отрицается, но рассматривается как механизм теургического, магического праксиса, как конкретный инструмент преображения реальности. Единственно, что следует здесь отбросить — это неадекватный, исторически исчерпанный дискурс марксизма, в котором часто наличествуют случайные, свойственные прошедшей эпохе гуманистические и прогрессистские темы. Марксизм национал-большевиков — это Маркс минус Фейербах, т. е. минус эволюционизм и иногда встречающийся инерциальный гуманизм.

5. Метафизика нации

Другая половина термина «национал-большевизм» — «национал» — тоже нуждается в пояснении. Само понятие «нация» далеко не однозначно. Существует его биологическая, политическая, культурная, экономическая интерпретации. Национализм может означать как акцентирование "расовой чистоты" или "этнической однородности", так и объединение атомарных индивидуумов ради достижения оптимальных экономических условий в ограниченном социально-географическом пространстве. Национальная составляющая национал-большевизма (и исторического, и метаисторического, абсолютного) является совершенно особенной. Исторически национал-большевистские круги отличались устойчивой ориентацией на имперское, геополитическое понимание нации. Последователи и единомышленники Устрялова, левые евразийцы, не говоря уже о советских национал-большевиках, понимали «национализм» как явление сверхэтническое, связанное с геополитическим мессианством, с «месторазвитием», с культурой, с континентальным масштабом государства. У Никиша и его немецких сторонников мы также сталкиваемся с идеей континентальной империи "от Владивостока до Флессинга", а также с идеей "третьей имперской фигуры" ("Das dritte imperiale Figur"). Во всех случаях речь идет о геополитическом и культурном понимании нации, свободном даже от намеков на расизм, шовинизм или "этническую чистоту".

Это геополитическое и культурное понимание «нации» основывалось на фундаментальном геополитическом дуализме, впервые ясно обозначенном в работах Макиндера и подхваченном

школой Хаусхофера в Германии и русскими евразийцами. Имперский конгломерат народов Востока, сплотившихся вокруг России-"хартленда", составлял остов потенциального континентального государства, объединенного выбором «идеократии» и отвержением «плутократии», ориентацией на социализм и революцию против капитализма и «прогресса». Показательно, что Никиш настаивал на том, что в рамках самой Германии "Третий Райх" должен основываться на потенциально социалистической и протестантской Пруссии, генетически и культурно связанной с Россией и славянским миром, а отнюдь не на западной католической Баварии, тяготеющей к романскому и капиталистическому образцу[4].

Но параллельно этой "великоконтинентальной" версии национализма, которая, кстати, точно соответствует универсалистским мессианским претензиям сугубо русского национализма, эсхатологического и «всечеловеческого», в национал-большевизме существовало и более узкое понимание нации, не противоречащее имперскому масштабу, но уточняющее его на более приземленном уровне. В этом случае «нация» понималась аналогично тому, как понимали термин «народ» русские народники, т. е. как некое органическое, целостное существо, принципиально не поддающееся анатомическому дроблению, обладающее собственной специфической судьбой и уникальной конституцией.

Согласно учению Традиции, к каждому народу земли приставлен определенный ангел, небесное существо. Этот ангел есть смысл истории данного народа, стоящий вне времени и пространства, но постоянно присутствующий во всех исторических перипетиях народа. На этом основывается мистика нации. Ангел нации не есть нечто смутное или сентиментальное, неясно расплывчатое. Это сущность световая, интеллектуальная, это "мысль Бога", по выражению Гердера. Ее структуру можно разглядеть в исторических свершениях народа, в определяющих его социальных и религиозных институтах, в его культуре. Вся ткань национальной истории и есть текст повествования о качестве и форме этого светового национального ангела. В традиционном обществе национальный ангел имел персонифицированное выражение — в «божественных» царях, великих героях, пастырях и святых. Но будучи сверхчеловеческой реальностью, этот ангел сам по себе не зависит от человеческого носителя. Поэтому после крушения монархических династий он может воплощаться в коллективной форме, например, в ордене, классе или даже партии.

Таким образом, «народ», взятый как метафизическая категория, отождествляется не с конкретной массой индивидуумов одной крови, культуры и говорящей на одном языке, но с таинствен-

ной ангелической личностью, проступающей сквозь всю историю. Это аналог Абсолютной Идеи Гегеля, только в малой форме. Национальный разум, отчуждающийся в индивидуальном множестве и вновь собирающийся (в осознанном, «отснятом» виде) в элите нации в определенные эсхатологические периоды истории. Здесь мы подходим к очень важному моменту: эти два понимания «нации», одинаково приемлемые для национал-большевистского мировоззрения, имеют точку соприкосновения, магический пункт, в котором они сливаются воедино. Речь идет о России и ее исторической миссии. Показательно, что немецкий национал-большевизм в качестве краеугольного камня имел именно русофилию, из которой проистекали и геополитические, и социальные, и экономические воззрения. Русское, и в еще большей степени советское, понимание "русского народа" как открытой мистической общины, призванной дать свет спасения и истины всему миру в эпоху конца времен, удовлетворяет и великоконтинентальному и культурно-историческому аспекту нации. Русско-советский национализм и становится в таком случае фокусом национал-большевистской идеологии, причем не только в рамках России или Восточной Европы, но на планетарном уровне. Ангел России открывается как ангел интеграции, как некое особое световое существо, стремящееся телеологически объединить в себе иные ангелические сущности, не стирая их индивидуальность, но возвышая ее до универсальных имперских масштабов. И не случайно Эрих Мюллер, ученик и ближайший сподвижник Эрнста Никиша, в своей книге «Национал-большевизм» писал: "Если Первый Райх был католическим, а Второй Райх — протестантским, то Третий Райх должен быть православным". Православным и советским одновременно.

В данном случае мы сталкиваемся с очень любопытным вопросом. Так как ангелы наций суть различные индивидуумы, то судьбы народов в истории, и соответственно, их социально-политические и религиозные институты, отражают картину диспозиции сил в самом ангелическом мире. Поразительно, но эта чисто теологическая идея блестяще подтверждается геополитическими исследованиями, которые демонстрируют взаимосвязь между географическими и ландшафтными условиями существования народов и их культурой, психологией и даже социально-политическими предпочтениями. Так постепенно проясняется дуализм между Востоком и Западом, который дублируется этническим дуализмом: сухопутная «идеократическая» Россия (славянский мир плюс другие евразийские этносы) против островного «плутократического» англо-саксонского Запада. Ангельское полчище Евразии против атлантических воинств капитализма. При этом

о подлинном качестве «ангела» Капитала (в Традиции его имя — "Маммона") легко догадаться...

6. Традиционализм (Эвола, взгляд "слева")

Когда Карл Поппер «изобличает» врагов "открытого общества", он постоянно использует выражение «иррационализм». Это логично, так как само "открытое общество" основывается исключительно на нормативах рассудка и постулатах "обыденного сознания". Как правило, даже самые откровенно антилиберальные авторы стремятся оправдаться в этом и снять с себя обвинение в «иррационализме». Национал-большевики, последовательно принимающие схему Поппера, взятую с обратным знаком, принимают и этот упрек. Действительно, основная мотивация "врагов открытого общества" и его самых яростных и самых последовательных врагов — национал-большевиков — никоим образом не проистекает из рационалистических установок. И в этом вопросе особенно помогают труды традиционалистов, и в первую очередь, Рене Генона и Юлиуса Эволы. У Генона и Эволы содержится подробное изложение механики циклического процесса, в котором происходит деградация земной среды (и, соответственно, человеческого сознания), десакрализация цивилизации, а как один из последних этапов деградации рассматривается сам современный «рационализм» со всеми своими логическими следствиями. Иррациональное понимается традиционалистами не как чисто отрицательная и уничижительная категория, но как гигантская область реальности, не поддающаяся исследованию чисто аналитическими, рассудочными методами. Следовательно, традиционалистская доктрина в этом вопросе не оспаривает остроумные выводы либерала Поппера, но соглашается с ними, переставляя знаки на прямо противоположные. Традиция основана на сверхрассудочном знании, на инициатических ритуалах, провоцирующих разрыв сознания, и доктринах, выраженных в символах. Дискурсивный разум носит лишь вспомогательный характер, а следовательно, не имеет никакого решающего значения. Центр тяжести Традиции лежит в сфере не только нерационального, но и Нечеловеческого, причем речь идет не об интуитивных догадках, предчувствиях и предположениях, но о достоверности опыта особого инициатического типа. Иррациональное, вскрытое Поппером в центре доктрин врагов открытого общества, на самом деле, есть не что иное, как ось сакрального, основа Традиции. Если это так, то различные антилиберальные идеологии, и в том числе «левые» революционные идеологии, должны иметь некоторое отношение к Традиции. Если в случае "крайне правых" и гиперконсерваторов это очевидно, то в случае

«левых», это проблематично. Мы уже коснулись этого вопроса, когда говорили о понятии «большевизма». Но есть и еще один момент: революционные антилиберальные идеологии, особенно коммунизм, анархизм и революционный социализм, предполагают радикальное уничтожение не просто капиталистических отношений, но и таких традиционных институтов, как монархии, церкви, религиозные культовые организации. Как совместить этот аспект антилиберализма с традиционализмом?

Показательно, что сам Эвола (и в некоторой степени, Генон, хотя с определенностью о нем это утверждать трудно, так как его отношение к «левым» не было столь однозначно сформулировано, как у Эволы, открыто относившего себя к радикальным консерваторам и крайне правым) отрицал традиционный характер революционных доктрин и считал их максимальным выражением духа современности, деградации и упадка. Однако в личной судьбе Эволы были периоды, — самый ранний и самый поздний-, — когда он занимал почти нигилистические, «анархистские» позиции в отношении окружающей реальности, предлагая ни больше ни меньше, как "оседлать тигра", т. е. солидаризоваться с силами разложения и хаоса, чтобы преодолеть критическую точку "заката Запада". Но дело не только в подобном историческом опыте Эволы как политической фигуры. Гораздо важнее, что в его работах даже среднего, максимально «консервативного» периода постоянно акцентируется необходимость обращения к особой эзотерической традиции, которая, мягко говоря, не совсем вписывается в монархо-клерикальные модели, свойственные близким к нему политически европейским консерваторам. Дело не только в его антихристианстве, но и в повышенном интересе к тантрической традиции и буддизму, которые в рамках индуистского традиционалистского консерватизма считаются довольно еретическими и субверсивными. Кроме того, совсем скандальны симпатии Эволы к таким персонажам, как Джулиано Креммерц, Мария Нагловска и Алистер Кроули, которых Генон однозначно причислял к «контринициации», к негативному, разрушительному течению в эзотеризме. У Эволы, постоянно говорящего о "традиционалистской ортодоксии" и бичующего субверсивные учения «левых», таким образом, постоянно встречаются прямые обращения к откровенной гетеродоксии. И еще выразительнее тот факт, что самого себя он причислял к эзотерикам, идущим по "пути *левой* руки". Здесь мы подходим к особому моменту, связанному с метафизикой национал-большевизма. Дело в том, что в этом течении парадоксальным образом сочетаются не просто политические противоположности — ("правые" и "левые"), не просто взаимоисключающие, на первый взгляд, философские системы

(идеализм и материализм), но и две линии в самом традиционализме — утвердительная (ортодоксальная) и отрицательная (субверсивная). И Эвола в этом отношении является автором в высшей степени показательным, хотя между его метафизическими доктринами и политическими воззрениями существует определенный диссонанс, основанный, на наш взгляд, на некоторых инерциальных предрассудках, свойственных "крайне правым" кругам Средней Европы того времени.

В своей великолепной книге о тантре "Йога Могущества" Эвола описывает инициатическую структуру тантрических организаций (каула) и свойственную им иерархию[5]. Эта иерархия является вертикальной по отношению к также сакральной иерархии, свойственной индуистскому обществу. Тантра (равно как и буддистская доктрина) и участие в ее травматическом инициатическом опыте как бы отменяет всю систему обычного уклада, утверждая, что "идущий по короткому пути не нуждается во внешней поддержке". В тантрической цепи абсолютно не важно, кто — брамин (высшая каста), а кто — чандала (низшая каста неприкасаемых). Все зависит от успеха в осуществлении сложных инициатических операций и от реальности трансцендентного опыта. Это своего рода "левая сакральность", основанная на убежденности в недостаточности, дегенерации и отчужденности обычных сакральных институтов. Иными словами, "левый эзотеризм" противопоставляет себя "правому эзотеризму" не из чистого отрицания, а из особого парадоксального утверждения, настаивающего на аутентичности опыта и конкретике преображения. Безусловно, с этой реальностью "левого эзотеризма" мы имеем дело и в случае Эволы, и в случае тех мистиков, которые стояли у истоков социалистических и коммунистических идеологий. Разрушение Церквей не есть просто отрицание религии, это особая экстатическая форма религиозного духа, настаивающая на абсолютности, конкретности преображения "здесь и сейчас". Феномен староверческих самосожжений или хлыстовских радений относится к этой же категории. Сам Генон в статье "Пятая Веда", посвященной тантризму, говорит, что в особые циклические периоды, вплотную прилегающие к концу "железного века", «кали-юги», многие древние традиционные институты теряют жизненную силу и метафизическая реализация требует особых неортодоксальных путей и методов. Поэтому учение Тантр и называется «пятой» Ведой, хотя Вед всего четыре. Иными словами, по мере дегенерации традиционных консервативных институтов — таких, как монархия, церковь, социальная иерархия, кастовая система и т. д. — наиболее актуальными становятся особые, опасные и рискованные, инициатические практики, связанные с "путем левой

руки".

Традиционализм, свойственный национал-большевизму в самом общем смысле, это, безусловно, "левый эзотеризм", повторяющий в основных чертах принципы тантрической каулы и доктрины "разрушительной трансцендентности". Рационализм и гуманизм индивидуалистического толка изнутри поразил даже те организации современного мира, которые носят номинально сакральный характер. Утверждение подлинных пропорций Традиции невозможно путем постепенного улучшения состояния среды. Этот путь "эзотеризма правой руки" заведомо обречен в эсхатологической обстановке. Более того, апелляция к эволюции и постепенности играет лишь способствует либеральной экспансии. Поэтому национал-большевистское прочтение Эволы заключается в акцентировании тех моментов, которые напрямую сопряжены с доктринами "левой руки", травматической духовной реализацией в конкретном революционном и преображающем опыте по ту сторону конвенций и обычаев, утративших свое сакральное оправдание.

"Иррациональное" национал-большевики понимают не просто как «нерациональное», но как "агрессивное и активное разрушение рационального", как борьбу с "обыденным сознанием" (и "обыденным поведением"), как погружение в стихию "новой жизни", особого магического существования "дифференцированного человека", отбросившего все внешние запреты и нормы.

7. Третий Рим — Третий Райх — Третий Интернационал

Среди многообразных доктрин "врагов открытого общества" только две смогли одержать временную победу над либерализмом: это советский (и китайский) коммунизм и среднеевропейский фашизм. Между ними как уникальная и нереализованная историческая возможность, как тонкая прослойка политиков-ясновидцев находились национал-большевики, вынужденные действовать на периферии фашистов и коммунистов и обреченные на провал своей интеграционной идеологической и политической деятельности. В германском национал-социализме роковым образом возобладала провальная баварско-католическая линия Гитлера, а Советы упрямо отказывались открыто провозгласить мистическую подоплеку своей идеологии, обескровив духовно и оскопив интеллектуально большевизм. Вначале пал фашизм, затем пришла очередь последней антилиберальной цитадели — СССР. На первый взгляд, в 1991 году закрыта последняя страница геополитического противостояния Маммоне, демону атлантического Запада, первертному "ангелу космополитического Капита-

ла". Но вместе с тем становится кристально ясной не только метафизическая истинность национал-большевизма, но и абсолютная историческая правота его первых представителей. Единственный политический дискурс 20 — 30-х годов, не утративший актуальности и по сей день, это тексты русских евразийцев и немецких «левых» консервативных революционеров. Национал-большевизм — последнее прибежище "врагов открытого общества", если они не хотят упорствовать в своих изжитых, не адекватных исторически и совершенно не эффективных доктринах. Если "крайне левые" отказываются быть придатками продажной и оппортунистической социал-демократии, если "крайне правые" не желают служить средой для вербовки экстремистского крыла аппарата репрессий либеральной системы, если люди, одержимые религиозным чувством, не находят удовлетворения в тех моралистических убогих суррогатах, которыми потчуют их жрецы оглупленных культов или примитивного неоспиритуализма — у всех них один путь: Национал-Большевизм.

По ту сторону «правых» и «левых», единая и неделимая Революция, в диалектической триаде "Третий Рим — Третий Райх — Третий Интернационал".

Царствие национал-большевизма, Regnum, их Империя Конца — это совершенная реализация величайшей Революции истории, континентальной и универсальной. Это возвращение ангелов, воскрешение героев, восстание сердца против диктатуры рассудка. Эта Последняя Революция — дело ацефала, безголового носителя креста, серпа и молота, коронованного вечной свастикой солнца.

Статья написана в 1994 г., оригинал по-французски, впервые опубликована в 1997 г. в жле «Элементы» № 8 (досье "национал-большевизм")

ЧАСТЬ 2 Русь Революционная

"ЯКО НЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ЧИСЛО ЗВЕРИНОЕ..."

Книга Сергея Зеньковского

В 1995 году была переиздана книга историка религии, известного слависта Сергея Зеньковского "Русское старообрядчество (духовные движения семнадцатого века"). В ней дано детальное описание духовной истории русского раскола — важнейшего, переломного момента сакральной истории Руси. В своем труде Зеньковский затрагивает самые существенные аспекты раскола, связанные с центральными понятиями традиционализма — соотношение духовного владычества и временной власти, понимание эсхатологии, геополитические влияния, роль обряда и доктрины и т. д.

Русь, Богом избранная

Зеньковский совершенно точно указывает на то, что "в России, в древней Руси, идея особого положения русского народа в мире как народа, удостоенного православной веры, развивается уже в первый же век по принятии христианства". Уже в своем "Слове о законе и благодати" митрополит Илларион, первый этнически русский глава Русской Православной Церкви, писал об особой богоизбранности русской нации: "сбысться о нас (разрядка наша — А.Д.) языцех реченое: открыет Господь мышцу свою святую пред всеми языки и узрят все концы земли спасение, еже от Бога нашего".

После падения Византии интуиции о национальной избранности русских становятся фактически официальной религиозной доктриной. Так, в "Слове о восьмом соборе" в 1461 году уже официально записано: "в восточной земле суть большее православие и высшее христианство — Белая Русь". В 1492 году митрополит Зосима развивает эту идею и говорит об Иване III как о прямом наследнике мистической и эсхатологической миссии византийских императоров; он называет его "новым царем Константином нового града Константинополя — Москвы и всея Руси". Сходную идею мы встречаем и у современника Зосимы знаменитого русского святого Иосифа Волоцкого, который говорит в своем «Просветителе»: "... яко древние нечестие м превзыде русская земля, так ныне благочестием всех одоле."

Особенно законченную форму идея мессианской избранности Руси получает в "Повести о Белом Клобуке", которая впервые ис-

торически зафиксирована в то же время и, возможно, была записана в круге архиепископа новгородского Геннадия, сподвижника Иосифа Волоцкого по разгрому ереси "жидовствующих".

Зеньковский пишет: "Белый клобук" — символ чистоты православия и "светлого тридневного Воскресения Христова", — был, по словам легенды, дарован императором Константином папе Сильвестру. Из Рима Белый Клобук попал в Константинополь, — второй Рим, — который в течение долгих веков был центром православия. Оттуда Клобук был "переслан [опять-таки, по словам легенды] в Новгород", на Русь, так как "там воистину есть славима вера Христова". Нахождение Белого Клобука на Руси очень многозначительно, по словам легенды, так как оно указывает не только на то, что "ныне православная вера там почитается и прославляется больше, чем где-либо на земле", но и обещает духовную славу России. По мнению авторов легенды, ".. в третьем же Риме, еже есть на русской земле — благодать святого Духа воссия". Другим аргументом в пользу избранности Руси служила апокрифическая история о пророчестве апостола Андрея, проповедовавшего Евангелие на севере Греции и в Скифии. По словам летописца, апостол, остановившись на берегах Днепра, предсказал: "На сих горах воссияет благодать Божия, имать град великий и церкви многи Бог воздвигнути имать." Окончательную формулу богоизбранности Руси дал псковский инок старец Филофей, в самом начале XVI века. Филофей особо уточнил сакральную миссию Москвы и московского царя, развивая линию митрополита Зосимы. Обращаясь к великому князю московскому, Филофей писал:

"Старого убо Рима церкви падося неверием аполинариевы ереси; второго же Рима, Константинова града церкви, агаряне-внуци секарами и оскордми рассекоша двери. Сия же ныне третьего нового Рима державного твоего царствия святая соборная апостольская церковь, иже в концах вселенныя в православной христианской вере во всей поднебесной паче солнца светится... два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти: уже твое христианское царство инем не останется."

Третий Рим — Москва и православный царь наделены эсхатологической функцией, собрать под свою спасительную сень все народы мира перед концом света. — "Все христианские царства снидоша, придоша в конец и снидошася во единое царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть Российское царство. Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти," — писал тот же Филофей.

Эти эсхатологические доктрины относительно богоизбранности Руси нашли свое отражение и в идее особой чистоты русского церковного обряда, сохранившего, по мнению русских XVI века,

древнюю структуру, утраченную или попорченную во всех остальных православных церквях. Все эти учения — и о национальной избранности, и о совершенстве русского обряда — были закреплены постановлением "Стоглавого собора" 1551 года. Зеньковский справедливо указывает на важность циклологических аспектов понимания русскими своей священной истории.

Константинополь, твердыня православия, пал в 1453 году, т. е. незадолго перед окончанием седьмого тысячелетия по православному летоисчислению, основанному на библейской хронологии. Этот конец должен был наступить в 1492 году. Следовательно, Святая Русь как бы замыкала своей верностью православию и своей политической независимостью всю священную историю мира. К ней от павшей Византии переходила миссия быть "избранной землей", эсхатологическим пространством Нового Израиля, уготованного для того, чтобы служить проводником Второго Пришествия, явления Нового Иерусалима. Но так как сама Византия, в согласии с православной доктриной, была универсальным царством, вмещавшем в себя и хранившем в себе полноту спасения, замыкавшем всемирную историю, то Москва, став наследницей Византии, также обретала всемирно-историческую функцию. Белый Русский Царь отождествлялся с Царем Мира, а русский народ становился избранным сосудом благодати, спасителем, богоносцем, нацией Святого Духа.

В некоторых версиях эсхатологических пророчеств — в частности, в т. н. "Кирилловой книге" — указывалась иная дата 1666 год. Так расшифровывали некоторые богословы указание Апокалипсиса на секрет цифры 666. В этом случае, эсхатологическое ожидание несколько отодвигало дату Конца Света, но общее настроение оставалось тем же. Ко всем этим моментам стоит добавить, что проблема эсхатологического Царства была изначально центральной в христианском мировоззрении. Единое православное царство, отмеченное симфонией властей, т. е. гармонией между церковным владычеством и императорской властью, рассматривалось христианами как важнейший богословский элемент — как «катехон», "удерживающий", о котором говорит апостол Павел. Отпадение Запада, католичества от Византии распознавалось как следствие нарушения симфонии, как неправомочная узурпация Римом светских функций. Иными словами, католичество воспринималось как «ересь», искажавшая сотериологические пропорции в структуре последнего царства, как удар, нанесенный по "катехону".

Сама Византия (нерасторжимое единство Восточной Церкви и восточного Царства) оставалась «катехоном» и после отпадения Запада. Однако политические мотивы (не являлись ли они отра-

жением провиденциальных, циклологических закономерностей?!) заставили Константинополь перед лицом турецких завоевателей подписать Флорентийскую унию, что означало ни больше ни меньше как отказ от однозначности полноценного эсхатологического учения. За этим отчаянным шагом, символически снимавшим с Византии особую мессианскую функцию, последовала утрата политической независимости в результате турецкого завоевания. Так как в православном сознании светская власть была неразрывно связана с церковно-религиозной сферой, и вместе они прямо сопрягались с расшифровкой циклического момента священной истории, то эти события — Флорентийская уния и падение Константинополя — воспринимались как грани единого апокалиптического процесса: отход от среды «держащего» и полный триумф сына погибели. Без священного христианского царствия и симфонии властей обычные пути спасения были более неприемлемы... Христианское сознание сталкивалось с труднейшей проблемой — существования в мире восторжествовавшего антихриста.

Единственным исключением из этого поствизантийского периода была православная Русь, уникальное царство, в котором сохранились оба аспекта «катехона» — политическое могущество, крепкая и независимая ни от кого политически царская власть и православная вера как единственная и главенствующая, канонизировавшая симфонию властей и твердо держащаяся обрядов и догм древности.

Профанические историки могут списать все эти совпадения и сопутствующие им мировоззренческие сдвиги на «случайности» или "искаженное отражение социальных трансформаций"... Традиционалистское сознание понимает их как глубинный онтологический и циклологический факт.

Русь, действительно, стала избранным царством, русские, действительно, приняли на себя эсхатологическую миссию.

Церковь и Царство перед концом света

Уже перед первым предполагаемым концом света в 1492 году в русской церкви проявились тревожные признаки: с одной стороны, возникновение ереси жидовствующих, с другой — спор иосифлян с заволжскими старцами относительно монастырских имений. Близость конца активизировала в религиозном сознании идею о «порче» христианства, которая логически должна была бы присутствовать в последней, «лаодикийской» церкви, о которой говорил Апокалипсис. Реальные недостатки иерархии, частные просчеты и т. д. воспринимались гипертрофированно. Тень ангела лаодикийской церкви, который "не холоден и не горяч, а

тепл", падала на все русское православие.

С одной стороны, потребность в реформе, в очищении веры пошла по "ветхозаветному пути". Ересь «жидовствующих» предлагала в качестве возврата к истокам христианства обращение к иудейским источникам. Возможно, речь шла о некоем эзотерическом направлении, пришедшем с Запада, а не о настоящем иудаистическом влиянии. Характерно упоминание в деле об этой ереси о «звездозаконии», "астрологии", которая была свойственна скорее герметическим европейским организациям, чем ортодоксальному иудаизму. Как бы то ни было, для «жидовствующих» критика церковной иерархии была тесно связана с эсхатологическими аспектами. «Жидовствующие» предлагали свой путь для исправления положения. Одновременно, во всем этом ясно чувствуются латинские веяния, и весьма вероятно, что агенты Ватикана постарались воспользоваться эсхатологическими настроениями на Руси, чтобы внедрить свою (предельно политизированную и в высшей степени корыстную) версию конца истории — объединение всех христиан под властью Папы. Вторым эсхатологическим течением было движение исихаста Нила Сорского, который настаивал на отказе церкви от светских владений, на необходимости возврата монашества к абсолютной бедности, на десоциализации церкви. Не исключено, что на Нила Сорского и заволжских старцев повлияла ситуация на греческом Афоне, где православные исихасты, геополитически принадлежащие отныне неправославной державе, разрабатывали предпочтительно пути личной духовной реализации, индивидуального спасения, полностью отвернувшись от социальных проблем. Ведь они уже пребывали в десакрализованном царстве, в мире апостасии, под светской властью антихриста... Русским же только предстояло то же самое, причем эсхатологические оптимисты — подобные Иосифу Волоцкому или новгородскому митрополиту Геннадию — вообще склонны были отрицать грядущее падение Руси, которая могла, по их мнению, чудесно избежать апостасии и слиться с Новым Иерусалимом в последний момент священной истории.

Но в 1492 году конца света не наступило.

Русь оставалась православной державой, а впереди зловеще сияла новая страшная дата — 1666 год. В преддверии этого года эсхатологическая проблематика разгорелась с новой силой. По мере приближения к середине XVIII века снова начинают нарастать подозрения о «порче» церковной иерархии. С одной стороны, это проявляется в движении "лесных старцев", учеников некоего Капитона. Оно было особенно активно в 1630-1640-х годах. "Лесные старцы" распространились именно в Заволжье, излюбленном месте тех монахов и отшельников, которые искали спасения

от мира. Не исключено, что к Капитону тянулись нити и от последователей Нила Сорского. "Лесные старцы" отличались крайним аскетизмом, предельно строгим постом, полной сосредоточенностью на духовной практике, оставлением всех мирских попечений. Одно время Капитон был лично близок к царю Михаилу Федоровичу, который ценил старца за дар пророчества и предвидения. На определенном этапе к нему благоволили и церковные власти, но потом радикальность его аскезы и довольно высокомерное отношение к церковной иерархии вызвало их немилость. Он и его последователи были объявлены еретиками, на них начались гонения. Скрывшиеся в леса старцы видели в гонениях властей лишь подтверждение своей духовной правоты и повод для дополнительных страданий. Нарастало и эсхатологическое напряжение.

"Лесные старцы" и их последователи уже тогда практиковали строжайший пост, нередко приводивший к смерти, и иные крайние формы аскезы.

Другим, более оптимистическим, течением того же периода было движение боголюбцев, возглавляемое Иваном Нероновым. Это были представители белого духовенства, — попов и протопопов, — которые в отличие от "лесных старцев" наследовали линию иосифлян, т. е. ориентацию на благодатность православного царства, на мироустроительство в согласии с эсхатологическим предназначением Святой Руси. Но и у них присутствовала резкая критика церковных властей, идея о порче иерархии и даже элементов обряда.

Так, боголюбцы настаивали на «единогласии», т. е. последовательном произнесении всех частей литургии, тогда как в современной им церкви сплошь и рядом практиковалось «многогласие», одновременное чтение причтом разных фрагментов службы_в целях сокращения ее длительности. Кроме того, боголюбцы были крайними моралистами, настаивали на буквальном соблюдении норм христианской этики. Несмотря на истовую приверженность православному обряду, у них заметны многие «протестантские» черты.

К боголюбцам благоволил сам царь Алексей Михайлович. К их кругу принадлежали, кроме Неронова, духовник царя Вонифатьев, будущий патриарх Никон, протопоп Аввакум и другие яркие религиозные деятели. Боголюбцам, несмотря на противодействие многих архиереев, удалось воплотить в жизнь свои реформы. Но параллельно с этим они довольно сильно потревожили духовную жизнь на Руси, поставив под вопрос те аспекты, которые казались ранее незыблемыми и освященными авторитетом старины. Боголюбцы дали прецедент обращения к прошлому, к традиции, к

древности в целях осуществления перемен, «нововведений» в настоящем. В дальнейшей истории русского православия этот ход повторится еще не раз.

Все с новой силой становится в русском обществе вопрос о соотношении между Церковью и Царской Властью. "Лесные старцы" де факто отрицают сакральный характер царской власти и внешней церкви, считая единственным духовным путем крайний аскетизм. Но это уже за гранью православия. Боголюбцы же настаивают на увеличении удельного веса религии в обществе и на буквальном соблюдении христианских правил мирянами и клиром. Иногда у них проявляются мотивы "превосходства церкви над царством", что свидетельствует о некотором влиянии католицизма... Но все же верность православной симфонии властей сохраняется.

Первым серьезным отходом от этой симфонии становится деятельность патриарха Никона. У него явно сквозят нотки полного и прямого превосходства церкви над государством. В период отсутствия царя он ведет себя как русский самодержец. В Никоне теократические черты, заложенные в боголюбческом движении, проявляются со всей силой.

К середине XVII века незадолго до фатальной даты 1666 патриарх Никон резко нарушает гармонию властей. Книжная справа, которую он затевает, имеет своей целью ту же теократическую мечту — превратить престол московского патриарха в главную инстанцию православного мира, стать православным «папой». Средством для этого Никон выбирает униформизацию православного обряда, которая выражается в подстройке русского обряда под современный ему новогреческий (распространенный также среди православного населения Польши, Малороссии, Белоруссии и у южных славян).

Догматические основания раскола

Никон явился не только проводником радикально боголюбских тенденций. Он совершил (причем, скоропалительно, по ходу дела, как убедительно показывает Зеньковский) важнейшую обрядовую реформу. Относительно обрядовых споров, послуживших главным поводом для русского раскола, существует множество различных мнений, в зависимости от того, какой позиции (никонианской или старообрядческой) придерживаются авторы. Зеньковский ставит в этом вопросе все точки над i.

К началу XX века труды русских историков Каптерева, Бороздина и Голубинского окончательно прояснили смысл обрядовых споров XVII века. Зеньковский пишет по этому поводу: "В годы принятия христианства Русью, в Византии господствовало два

близких друг к другу, но все же несколько различных между собою устава: на востоке Византии наиболее распространенным был так называемый устав Иерусалимский, составленный св. Саввой Освященным, а на западе, наоборот, преобладал так называемый Студийский или Константинопольский устав. По принятии Россией христианства греки принесли туда Студийский или Константинопольский устав, который и стал основой русского устава, в то время, как в Византии, в двенадцатом и тринадцатом веке, преобладающим стал устав св. Саввы (Иерусалимский). В конце четырнадцатого и начале пятнадцатого веков, митрополиты московские Фотий и Киприан (первый из них — грек, а второй — болгарин греческой школы) стали вводить в России устав св. Саввы (Иерусалимский), заменяя им Студийский устав, но они не успели довести свою реформу до конца. Поэтому в русском уставе осталось много древних, более архаических ранневизантийских черт из Студийского устава, чем в уставах, которыми пользовались греки четырнадцатого и пятнадцатого века. Так как после 1439 года в России больше не было греческих митрополитов, то русская церковь так и сохранила до середины семнадцатого века этот переходный устав, в котором более архаические элементы устава Студийского отличали его от во всем нового греческого Иерусалимского устава. Но, к сожалению, история перемены уставов, и в греческой церкви и в русской, была забыта, и греки, забывшие Студийский устав, считали старые черты русского устава русскими нововведениями." Таким образом, русский устав был архаическим и истинно православным византийским уставом, а никаким не отклонением церкви поместной от универсальной линии всей восточной церкви.

Следовательно, идея отказа от русского устава и от двухперстного, изначально-христианского, ранневизантийского перстосложения была ничем не оправданным, с историко-богословской точки зрения, нововведением. Более того, идея унификации православного обряда по новогреческому образцу — Зеньковский правильно отмечает, что Никон правил русские богослужебные тексты по новогреческим изданиям итальянской печати — идет радикально против основной для того времени мировоззренческой церковной позиции, отождествлявшей Русь с единственной державой, сохранившей православие в чистоте.

Безусловно, самого Никона вдохновляло именно русское мессианство, надежда на то, что русский патриарший престол станет первым в православном мире, а русская империя освободит православные нации и объединит их под владычеством России. Сам Никон определенно видел унификацию обряда как прагматический ход для распространения влияния именно русской церкви.

Но такой ход нес в себе слишком важное отступление от русских эсхатологических традиций. Одно дело, если отпавшие народы и церкви сами придут к Святой Руси и русскому Царю как к оплоту спасения и чистоты, как к избранному народу и обетованной земле; другое дело, если в угоду геополитической экспансии царства приносятся в жертву важные основы русского православия. Действительно, в Никоне нельзя не заметить того явного отступления от православной симфонии и русской эсхатологии Москвы-Третьего Рима, которого так опасались "эсхатологические пессимисты".

Но Никон был еще не последней точкой в расколе, хотя его борьба со сторонниками старого обряда носила отвратительно жестокий, несдержанный и грубо насильственный характер (чего стоят гонения на Неронова, одного из самых уважаемых духовных авторитетов тогдашней Руси). Особенно возмущало русских традиционалистов, что книжной справой ведали совершенные проходимцы типа греческого авантюриста Паисия Легарида, не раз менявшего свою конфессию в зависимости от материальных выгод. Реформы Никона были прелюдией к воистину страшному событию — к церковному собору 1666-67 годов. К этому времени Никон уже был низложен. На первой части собора присутствовали одни русские архиереи, хотя царь непосредственно перед собором, проверяя их на верность церковной реформе, особенно настаивал на авторитете иностранных православных патриархов — константинопольского, антиохийского и иерусалимского. Иными словами, в данном случае от имени Руси на соборе выступал теперь сам царь Алексей Михайлович, а высшим духовным авторитетом признавались православные патриархи из стран (это крайне важно!), где православной симфонии властей уже давно не существовало, и где отношения между духовными православными авторитетами и светской властью не имели ничего общего с православным учением об эсхатологической функции христианского царства как "катехона".

Иными словами, собор 1666 года был первым радикальным шагом к секуляризации царской власти, к переходу Руси от православной модели эсхатологического царства к светской империи почти европейского образца, православие которого было лишь номинальным. От не совсем православной теократии Никона собор 1666 года сделал решительный шаг к совсем неправославной светской империи полупротестантского типа. Вторая половина собора — конец 1666 года — начало 1667 — была совсем ужасной. Греческие православные патриархи подвергли анафемствованию практически весь период Святой Руси, осудив «Стоглав», отвергнув эсхатологическую функцию Москвы как Третье-

го Рима, подвергнув беспощадной критике русский устав как "еретическое нововведение", хотя речь шла о ранневизантийском Студийском уставе(!), поставив вне церковного общения всех сторонников "древлей веры" и утвердив совершенно не православное почитание царя, поставляемого выше (или почти выше) религиозного духовного владычества. Хотя аргументация греков была формально православной (борьба с «папистским», теократическим уклоном Никона), вместо возврата к полноценной симфонии был канонизирован квазиангликанский суррогат, агрессивно отвергающий все то, что составляло уникальность и высшую чистоту религиозного опыта Святой Руси. Петр и остальные Романовы пришли не на пустое место. Все они — наследники 1666-го года и его метафизической русофобии, к которой особо приложили руку иностранные проходимцы, многократные ренегаты, агенты враждебных России держав и церквей.

Если еще добавить к этому установленные на сегодняшний день достоверные факты о полной справедливости позиций защитников старообрядчества относительно древности русского устава, то весь этот собор, роковым образом приходящийся именно на 1666 (!) год, выглядит, действительно, дьявольским наваждением, национальной апостасией, странным помутнением эсхатологического сознания, столь ясного до этого момента у русских архиереев и царей. Будто прелесть — теократическая ли, абсолютистская ли, индивидуалистическая ли — охватила Русь в 1666… И все грозные, могущественные, мученические, героические воззвания старообрядцев, их отчаянное сопротивление апостасии, их абсолютная преданность идее Святой Руси не смогли переломить навязчивого вторжения антихриста, коварно оперирующего "благими намерениями", спекулируя на национальных чувствах великого богоносного народа… С догматической православной точки зрения, староверы — особенно в первые моменты своего сопротивления — были абсолютно правы, тогда как их противники утверждали и творили дела под явным знаменем апостасии. Цари и архиереи Москвы своими руками и при участии международных авантюристов уничтожали последний эсхатологический оплот Белого Царства… После 1666 года Святой Руси больше не стало. Она ушла в бега, в леса, в гари, в далекие провинции России.

Эсхатологическое пророчество сбылось, хотя период между отступлением и Вторым Пришествием оказался неожиданно долгим. Впрочем, с чем-то подобным столкнулись в свое время и первые христиане, ожидавшие Конца Света в самом скором времени. Но окончательных сроков не знает никто. Хотя определенные эсхатологические знаки оказываются поразительно верны-

ми.

Святая Русь в бегах и гарях

С того момента, как старообрядцы оказались поставленными вообще вне закона, — религиозного и социального, — они были вынуждены каким-то образом определить свое отношение к окружающей их реальности. Ясно, что их внутренний духовный мир был несовместим с современной им Россией, альтернативен ей, как альтернативна Святая Русь Руси отпавшей. Поэтому часто старообрядцев можно найти среди политических радикалов — у бунтующих казаков, в отрядах Степана Разина и т. д. Но какой бы путь они отныне ни выбрали, сущность их позиции сводилась к абсолютному отвержению своей страны, ее церкви, ее быта, ее политического истэблишмента, ее властей...

Старообрядчество очень скоро разделилось на множество толков или согласий. Их учения различались в деталях, но сущность — отвержение существующего строя — была общей для всех. В целом все толки можно разделить на два основных направления: поповцы и беспоповцы. Поповцы признавали священство, но считали, что необходимо подвергать попов, переходящих в старообрядчество, очистительному ритуалу. Но у поповцев в скором времени встал важнейший вопрос относительно того, где найти основание для своей собственной иерархии, так как среди старообрядцев не было ни одного деятеля в сане епископа. Следовательно, поставление в попы и создание своей религиозной иерархии было невозможно, а рассчитывать только на перебежчиков из официальной церкви — трудно.

Поповцы были наименее радикальны в своих богословских установках и, признавая апостасию внешней церкви, не отвергали брака и таинств, считали изуверством самосожжение в гарях, воздерживались от прямого социального сопротивления властям. У них особенно ясно прослеживаются многие мотивы боголюбского движения — крайний морализм, любовь к ритуалу, детальное исполнение всей обрядовой стороны. Для поповцев Святая Русь ушла в скиты, в староверческие поселения. Но она живет, хотя бы и в подпольном состоянии, и должна смиренно ожидать лишь Второго Пришествия, стараясь сохранить во всем объеме верность традиции, ее ритуалам, обрядам и т. д.

Беспоповцы, делящиеся, в свою очередь, на множество толков, были более радикальны. Они считали, что апостасия Руси как последнего прибежища означает полное торжество мира антихриста. Следовательно, спасение становится проблематичным не только в официальной церкви (об этом и говорить не приходится), но и вообще как таковое. Апостольская передача благодати

иссякла. Таинства потеряли мистическую силу. Поэтому ситуация человека — русского человека — отныне в высшей степени трагична. Ему остается только отрицание внешнего мира и упование на неизреченную и сверхразумную благодать Христа.

Самые крайние беспоповцы, чья линия восходит к последователям Капитона и "лесным старцам" (не исключено, что и к заволжцам Нила Сорского), стояли за жесточайшую аскезу, отказывались от браков и поощряли добровольное самоубийство — либо через запащивание до смерти, либо через самосожжение. Спасение перед концом мира достигается чрезвычайными средствами. Любовь к Святой Руси, удалившейся, ставшей недоступной, была так велика, что только очистительный огонь гарей мог быть путем к спасительному свету. Сам Аввакум говорил: "иже сами себя сжигают, тому же прилично; яко и с поста умирают, добре творят". Он же писал о проповедниках самосожжения: "русачьки же, миленькия, не так! — во огнь лезет, а благоверия не предает..." Сравнивая самосожженцев с комарами, Аввакум говорил: "так же и русаки бедные, пускай глупы, рады: мучителя дождались; полками во огнь дерзают за Христа Сына Божия — света".

В физический огонь ради метафизического света. Это тождество огня и света в эсхатологической ситуации как бы предвосхищает сам миг Второго Пришествия. Возвращение на Святую Русь, путь в Новый Иерусалим через огонь.

Описания гарей поражают: матери бросались в костер вместе с новорожденными младенцами, сестры прыгали в пламя, взявшись за руки, мужчины плакали слезами восторга и безмятежной радости... Столь ощутимой, конкретной, плотски достоверной была для аввакумовских «русачков» их Святая православная родина, Русь Святого Духа, последнее Царство. В сравнении с этой реальностью обычная земная жизнь превращалась в ад; ее утрата была страшнее пыток и смерти. Неудивительно, что старообрядцы встречали с радостью палачей. Так они избегали еще и греха самоубийства.

Но это касалось лишь самых радикальных беспоповцев, оживляемых, к тому же, уверенностью в наступающем конце света и в близости Второго Пришествия, которое они лишь немножечко приближали...

Другие беспоповцы были не столь радикальны. Некоторые признавали брак, осуждали самоубийство и т. д. Однако для всех них был общим полный отказ от священства и таинств, считавшихся потерявшими силу.

Из беспоповщины вышли позже многие русские секты — от скопцов до бегунов, хлыстов и т. д. Хотя на некоторые из них серьезное влияние оказали и неправославные — особенно проте-

стантские — ереси.

В любом случае парадигма старообрядчества стала с некоторых пор основной формулой духовной оппозиции, духовной революции в России, причем революции глубоко консервативной, противопоставляющей актуальному миру антихриста и апостасии сверхконсервативный идеал Святой Руси.

Начиная с 1666 года раскол становится духовной базой всех радикальных социальных и религиозных движений в России, даже в том случае, если внешне они заимствуют западные учения и воодушевляются вопиющей социальной несправедливостью. Старообрядцем был Пугачев, к старообрядчеству апеллировали революционные демократы (Герцен), позже народники, многие староверы поддержали на ранних этапах большевиков. Вообще русский «нигилизм» в отличие от западного был глубинно родственен именно национальной религиозной стихии, структурно близок к радикальному беспоповству, один из толков которого (Спасово согласие) так и назывался «нетовщина», так как его сторонники вообще отрицали всякую возможность спасения, кроме прямой и немотивированной воли Господа.

Раскол в оптике интегрального традиционализма

История русского раскола, если выразить ее смысл на языке традиционализма геноновского типа, представляет собой разрыв между эпохой традиции и началом современного мира в рамках России. Если не учитывать особости христианства как уникального религиозного и метафизического учения и если рассматривать Россию просто как одну из европейских (или евроазиатских) стран, то в расколе мы фиксируем разрыв общественного бытия и государственного строя с полноценной духовной традицией. Кстати, сам Генон считает, что окончательно представители эзотерической традиции исчезли из Европы практически в это же время — в 1648 году, по окончании 30-летней войны. Сразу же после этого Запад активно двинулся по пути профанизма, рационализма, индивидуализма — стал "современным миром", как его понимают традиционалисты, т. е. полным и всесторонним отрицанием Традиции и ее вечной надчеловеческой истины.

Вместе с тем, старообрядцев нельзя рассматривать как полноценных носителей традиции в последующие за расколом века, так как они вынуждены были вести подпольное существование, скрываться от преследований властей, и с неизбежностью их учение обрело мало помалу характер сектантский, во многом еретический. Дробление на толки и согласия только усугубило дело. Подобно протестантизму, искренний и метафизически обоснованный духовный порыв постепенно превратился почти в

свою противоположность. Однако это вовсе не исключает возможности сохранения староверами многих эзотерических аспектов, утраченных официальным православием последующих времен. Кстати, то же самое справедливо и для различных (особенно исконно православных) сект, сохранивших подчас в поразительной чистоте некоторые эзотерические доктрины и культы. Особенно это касается исихастских практик, которые были чрезвычайно распространены в среде радикальных староверов. О делании "молитвы Иисусовой" настойчиво повторяют многие авторитеты старообрядчества, начиная с самого протопопа Аввакума.

Таким образом, в оптике строгого традиционализма старообрядчество представляет собой фрагментарное наследие полноценной традиции, тогда как официальное русское православие отождествляется с середины XVII века с чистым экзотеризмом, а само русское общество все больше профанизируется. Иными словами, русский раскол есть ни больше ни меньше как один из моментов общей циклической деградации христианского мира и один из многочисленных знаков приближающегося конца цикла.

Но если взглянуть на то же самое с сугубо православной точки зрения, то все приобретает еще более трагический и драматический смысл. В этой перспективе католический Запад даже в самые лучшие свои периоды (Средневековье) был фактически ересью и заблуждением, миром апостасии с испорченной по духу и букве верой. Если перевести это на традиционалистский язык, то можно сказать, что католичество (а о «католичестве» идет речь только после отпадения Запада от православия) изначально было лишь экзотеризмом, отрицавшим эзотеризм в отличие от полноценной православной христианской традиции Востока, всегда сохранявшей в неприкосновенности оба измерения — внутренее (эзотерическое) и внешнее (экзотерическое). Даже в последние века Византии православный мир знал подъем исихазма вместе с св. Григорием Паламой, а исихазм является не только инициатической практикой христианского делания, но и полноценной православной метафизикой. Именно инициатическая неполнота западной церкви и привела к возникновению внецерковных инициатических организаций — орденов, тайных обществ, герметических братств, цехов, ателье и компаньонажа.

Далее. Если Византия являлась "тысячелетним царством", в котором на некоторое время древний змей был укрощен и скован (на эзотерическом уровне это расшифровывается как достижение симфонического соотношения между духовным владычеством и светской властью), то судьба восточной Церкви и православного учения (включая обряд) является, действительно, резюме мировой истории, главнейшим и центральным событием священного

космоса, основным звеном екклесиастической реальности. В этом случае циклы византийской истории становятся гораздо более важными и исполненными эсхатологического смысла, нежели все остальные события христианского и нехристианского мира. Богословское отступничество Константинополя (Флорентийская уния) и последовавшее вскоре военное поражение от рук турок означают объективно и строго конец "хилиастического режима", завершение триумфального периода екклесиологического становления. Одним словом, исторически начало апостасии датируется серединой XV века. Именно отсюда полноценная православная доктрина должна отсчитывать эпоху воцарения антихриста, прихода сына погибели. Если бы падение Византии сопровождалось потерей политической независимости всеми остальными православными государствами или если бы эти государства сменили конфессию и отказались от основополагающих догматов православной церкви, то отныне все православные оказались бы в равном положении, и им ничего не оставалось бы делать, как отделить духовное от светского и либо восстать против неправославной власти, либо примириться с ней и приспособиться к бытию в мире, где властвует сын погибели. Но существовало русское царство, которое являлось исключением из апокалиптической ситуации на православном Востоке. Поэтому логично было отодвинуть окончательный приход сына погибели еще на некоторый срок, а Святая Русь, Москва-Третий Рим, переняв эсхатологическую функцию, должна была продолжить на "малое время" полноценный екклесиастический эон, период "тысячелетнего царства". Иными словами, в Святой Руси как бы воплотился итог этого "тысячелетнего царства". Русский Царь на какое-то время стал единственным персонифицированным носителем миссии катехона, «удерживающего», а судьба русского народа и русской церкви стала выражением судьбы всего творения. Отсюда универсалистские мотивы русской национальной идеи.

Так — несмотря на сотрясения, смутное время, несчастья и катастрофы — продолжалось вплоть до середины XVII века, когда вместе с реформами Никона заканчивается история Святой Руси, т. е., на самом деле, наступает подлинный конец света, поскольку для православного сознания последние века русской истории были последними веками истории вообще, резюмированными в драматических событиях последнего подлинно христианского царства. То, что происходило в России после 1666 года, не обладало больше и близко тем смыслом, которым были насыщены предыдущие события. Свет действительно кончился, и его последними отблесками были зарева староверческих гарей...

"Полками во огнь дерзают за Христа Сына Божия — света".

Страшен смысл русского раскола, даже если понимать его в терминах традиционализма — гораздо страшнее и однозначнее большевистской революции, формально отменившей последние внешние атрибуты традиционного общества. Но если видеть в христианстве и православии последнюю истину, высшую и единственную метафизическую весть, завершающую мировую историю, сущность русского раскола открывается в совершенно жутком свете. Все апокалиптические аллегории и утверждения старообрядцев обретают объективный смысл. Видения протопопа Аввакума из метафор и стилистических фигур становятся ужасными и возвышенными откровениями, описания антихриста воспринимаются буквально.

Высший авторитет старообрядчества и автор "Ответа Православных" дьякон Феодор писал: "И в наше православное русское царство, до сих времен многажды вселукавый враг заглядывал, мысля от веры правыя отступити нас, но непопустившу Бога тогда, яко не у исполнися писание и число звериное, по тысяче лет 666 (т. е. 1666)"

Иными словами, мученичество ревнителей древней веры было циклологически оправданным, их понимание эсхатологического символизма было совершенно справедливым, и дальнейшие события — царствование Петра, отменившего патриаршество и перенесшего столицу из священной Москвы-Третьего Рима в северную болотистую пустыню; профанизм и европейская культура последующих за ним царей и цариц, наконец, падение трона и большевистские гонения на церковь_- представляются лишь простым развертыванием единого фатального апокалиптического события, — 1666 года, — после которого ни в России, но строго говоря, во всем мире вообще ничего существенного не произошло.

Не изуверство, не фанатизм, не религиозная истерика двигали старообрядцами в их отчаянном духовном подвиге: они душой и телом прониклись смыслом священной русской истории, они были воистину русскими людьми, богоизбранной святой нацией, жизнь которой неотделима от бытия Святого Духа и от драматизма его домостроительной судьбы.

Статья написана в 1995 г., впервые опубликована в 1996 г. в ж-ле «Милый Ангел» № 3 («Конец Света»)

КАТЕХОН И РЕВОЛЮЦИЯ

1. Третий Рим

История русского национал-большевизма уходит вглубь русской истории. И несмотря на то, что по видимости национал-большевизм — явлением весьма современное и оперирующее «прогрессивной» западной терминологией, дух и его содержание являются столь же древними, как сам русский народ.

Русский национал-большевизм — это модернистическое выражение мессианских чаяний, присущих русскому народу с момента падения Константинополя, но выраженных при этом в социально-экономических представлениях о создании в России эсхатологического общества, основанного на принципах справедливости, правды, равенства и других атрибутах "тысячелетнего царства", переведенных в новейшие социально-политические доктрины.

Русское мессианство восходит к XV веку, т. е. к тому моменту, когда последней могущественной православной державой осталась только Святая Русь, и в соответствии с православным учением о симфонии русский народ и русский царь переняли от Византии призвание "служить преградой приходу сына погибели". Святая Русь стала «святой», и русский народ превратился в богоносца строго в XV веке. Это не эмоции и не официозная доктрина укрепления национальной самостоятельности — это совершенно очевидный и строго ортодоксальный богословский факт православного вероисповедания. Формула старца Филофея "Москва — Третий Рим" есть основа русского церковного самосознания, предопределившая саму идентичность национальной души русских. "Быть русским" со времени падения Византийской империи означает "быть избранным для апокалиптического противостояния раскрепощенному сатане непосредственно перед Концом Света".

При этом акцентируется именно факт полноценной православной государственности с православным Патриархом и православным Царем во главе, причем государственности не зависящей ни геополитически, ни духовно, ни культурно от каких бы то ни было внешних факторов. Такая избранность и есть эсхатологическое мессианство.

Следует отличать эсхатологическую функцию последней православной империи, «катехона», "держащего" из "2-го послания св. апостола Павла к Фессолоникийцам", от хилиазма, т. е. идеи "тысячелетнего царства", которое, согласно иудаистической доктрине, должно наступить в будущем. На самом деле, Православная Церковь учит, что "тысячелетнее царство" уже осуществилось после прихода Исуса Христа в Византийской Империи. И эта "Новая Империя" — со столицей в Константинополе, "Новом Риме" — была чудесным временем, когда дракон, древний змий был связан. Падение Византии было концом "Тысячелетнего царства", и

лишь православная Россия, переняв эту миссию от Нового Рима, стала на некоторое время оплотом ортодоксии в мире всеобщего отступничества. Святая Русь (Третий Рим) была как бы чудесным продлением "тысячелетнего царства", но отнюдь не в его расцвете или начале, а, в некотором смысле, после его конца, как его парадоксальное сохранение на особой богоизбранной, провиденциальной территории, в геополитическом ковчеге.

Печать Третьего Рима в душе каждого русского. Это центральная парадигма нашего исторического сознания. И уже здесь важно подчеркнуть теснейшую связь национально-государственно фактора с эсхатологической и метафизической истиной православной веры. Иными словами, уже в самых изначальных своих формах русское национальное самосознание прямо сопряжено с мистическим и эзотерическим пониманием социального и политического факторов. Святая Русь не просто одно из государств, и русские не просто один из православных народов со своими героями, преданиями, своеобразными институтами и обычаями. Это единственный на земле Новый Израиль, ставший таковым строго в середине XV века, но избранный к исполнению своей миссии от века. Следовательно, общественная жизнь русских должна быть основана на некотором «фантастическом», уникальном компоненте, на Христовой Правде и Фаворском Свете.

2. Раскол как национальная парадигма

Но «избранничество» Третьего Рима не самодовольное, скорее тревожное, полное предчувствий катастрофы. Ведь Русь не начало "тысячелетнего царства", а его конец, непосредственно предшествующий приходу антихриста. Раскол и есть эта катастрофа. Дело не в том, кто был исторически прав — никониане или "ревнители древнего благочестия". Дело в том, что вслед за расколом последовала реальная десакрализация Руси, явный отход от мессианской роли. Отменяется русское Патриаршество, столица переносится из Третьего Рима в безблагодатные болота западных окраин. Россия раскалывается. Раскалывается, и впредь остается раздвоенным ее национально-политический мессианский дух. Отныне Новый Израиль существует одновременно в двух ипостасях — консервативной и революционной. С одной стороны, Царь, государство, официальная церковная иерархия, инерциально воспроизводящие внешние аспекты Святой Руси, но нарушившие не только *дух*, но и *букву* мессианского завета (даже страна получает новое имя — латинизированное «Россия», вместо славянского "Русь"). С другой стороны, маргиналы, раскольники, сектанты, заговорщики, бунтари, революционеры. Но глубинная справедливость их претензий и учений облачается в чрезмерные, иска-

женные, подчас изуверские формы. На этом полюсе также искажены и *дух* и *буква*. Мессианская «цельность» нарушена, расколота надвое. Вместо единой социально-политической истины, отражающей единую метафизическую доктрину, возникает две полуистины, на которые эта доктрина отныне разделяется. Русский Порядок и Русский Бунт — два сущностных аспекта национального мессианства нашей нации. После Петра они становятся неразделеной парой. Консерватизм и Революция — противопоставленные и схватившиеся в смертельной битве — проистекают из единого корня, из основополагающей для русской истории идеи Третьего Рима.

Консерваторы наследуют утвердительный, монархически-инерциальный аспект этой идеологии. Они боятся даже постановки опасных вопросов о Петре и послепетровской легитимности власти с точки зрения полноценного православного учения. И это вполне понятно, так как уже за одной подобной формулировкой неизбежно следует «крамола» и «революция», оправдание метафизики "русского бунта". С другой стороны, революционеры, на самом деле основываясь на чувстве еще более *консервативном*, нежели самые крайние консерваторы, смущены катакомбным существованием, еретическими эксцессами, народным мракобесием, или прельщены западными теориями, формулирующими русскую революционную мысль в чуждых национальной стихии терминах. Русская Революция со времен раскола, пугачевщины и позже декабристов и народников — вплоть до большевиков — выражает свою истинную интуицию сумбурно, разноголосо и путано, но всегда эсхатологически и фанатично, национально, религиозно. Против отчужденного царя — "истинный царь" (будь-то Пугачев, Константин у декабристов, Ленин-Сталин у большевиков и т. д.), против испорченной веры — истинная (будь-то древлее благочестие, скопчество или хлыстовство, "Русская Правда" или диктатура пролетариата). В конечном итоге между собой сталкиваются две искаженные картины единого национального социально-политического идеала — Третьего Царства, общества справедливости и праведности, ковчега спасения в погибшем мире, в потопе антихриста. Эту особенность поразительно глубоко прочувствовал Дмитрий Мережковский. Его пьесы и романы о русской истории точно показывают тайную связь русских монархов с русскими бунтарями, которая имела своей кульминацией Александра I, основателя и вдохновителя Тайного Общества, главными целями которого явились убийство царя и установление «народовластия»! Поражает тот факт, что ту же парадигму специфического соотношения власти и бунта в русском контексте можно проследить не только в эпохи, описан-

ные Мережковским, — Петр, Павел, Александр I, первые годы правления Николая I, — но и во *все* остальные периоды романовской и даже советской истории России. Мережковский описывает не исторические характеры, но сакральные парадигмы, и поэтому их истинность не является функцией от исторической конкретики. Сталин — такой же закономерный герой "Царства Зверя", как представители романовской династии, хотя он и вышел из самых глубин Революции.

3. Большевики и их предшественники

Вернемся к национал-большевизму. Исторически "национал-большевиками" называли некоторых мыслителей русской эмиграции, которые распознали «консервативный», глубинно национальный характер большевистской революции 1917 года и оценили ее как экстремальный всплеск русской мессианской Идеи. Диалектический подход к русской истории выявлял со всей определенностью раскол мессианского комплекса Третьего Рима. Внешний консерватизм романовского петербургского царизма без внутренней жизни истинно православного «эсхатологического» катехона, с одной стороны, и внешне противозаконный, атеистический и ненациональный, но питаемый древнейшим основополагающим мессианством, — "общество Правды", "ковчег спасения", "земля, где не действуют законы апостасии, антихриста", — с другой. Оба члена недостаточны, обречены на постоянный порочный дуализм. Необходим синтез, спасительное соединений власти и бунта, консерватизма (национального, религиозного, государственного) и революции (эсхатологически заостренной, жертвенной, действенно обновляющей жизнь). Но все это не в безвоздушном пространстве отвлеченных, рациональных социально-политических учений, но под знаком русской истины и в духе русской миссии.

Национал-большевизм и был в глазах его теоретиков таким синтезом. Знаки его виделись в переносе столицы из Петербурга в Москву, в восстановлении Патриаршества на Руси, в национально-государственном «перерождении» большевистской власти, в ее геополитическом укреплении и т. д. Национал-большевики во многом продолжали Константина Леонтьева с его знаменитой максимой "социализм + монархия".

Генеалогия русского большевизма, уходящего корнями в раскол, (не случайно такое живейшее участие в финансировании РСДРП принимали староверческие купцы и вообще сектантский капитал; напомним также о повышенном внимании большевиков-богоискателей и богостроителей к русскому сектантству, особенно Бонч-Бруевич), проходит через масонов-розенкрейцеров

конца XVIII века, декабристов, народников и т. д. И надо заметить, что во всех этих, столь различных по видимости, течениях ясно прослеживается устойчивый мессианский компонент, «национал-утопизм», живая и страстная тоска по "царству спасения", по "святому царству", "царствию Божию", которое, будучи абсолютной жизненной реальностью, не может быть объектом лишь рационального трансцендентного утверждения или сферой апофатической веры, но должно быть (или стать) в кульминационный момент священной истории прямым и абсолютным *фактом*, плотью обновленного пылающего бытия. И это «Царствие» вместе со всей его универсальностью и всечеловечностью имело интимно национальный русский характер, что является не следствием этнической гордыни, но прямым результатом верности полноценной православной доктрине, особенно в ее части, касающейся эсхатологического значения "православной симфонии" властей и вообще апокалиптической функции «катехона» как Империи, Государства и, шире, народа, общества.

Эсхатологический характер большевизма правильно распознали такие авторы, как Норман Кон, Анри Безансон, вслед за ними Игорь Шафаревич и др. Но наиболее полную картину дал Михаил Агурский. В отличие от других исследований в тексте Агурского явно прослеживается симпатия к национал-большевизму и глубинное понимание его смысла, тогда как другие довольствуются лишь уничижительным и разоблачительным (в их глазах) указанием на иррациональный характер эсхатологизма и мессианизма вообще. В этом отчасти сказывается и политическая либеральная, антисоциалистическая направленность Кона и Безансона, являющихся, в отличие от Шафаревича, к тому же явными русофобами. Агурский, используя метод Кона и вообще тех западных авторов, которые начиная с Огюста Вьятта стали внимательно исследовать влияние эсхатологических идей (в частности, теорий Иоахима де Флора о "царстве Святого Духа" и т. д.) на современные внешне атеистические культуру и идеологию, проследил национально-мессианские компоненты русского революционного движения за несколько веков до марксизма и обрисовал краткую историю «правых» истоков русского коммунизма. В смысле обширной фактологии следует отсылать читателя к его работе "The Third Rome" ("Третий Рим"), часть которой была опубликована на русском языке отдельным изданием ("Идеология национал-большевизма"). Если после Агурского перечитать Мережковского, то неслучайность и провиденциальная нагрузка русского национал-большевизма станет совершенно очевидной и неоспоримой истиной.

4. Наследие Истины

Если распознать правильную сторону в ситуации последних времен было относительно просто, если бы для этого существовали какие-то надежные доктринальные методы, то сам драматизм христианского понимания эсхатологии был бледным и нежизненным; праведников, спасенных было бы много больше, а соблазненных ничтожно мало. Если бы выбор был статичным — между одним и другим, между порядком или восстанием, утверждением или отрицанием, то само устройство мира оказалось бы банальным механизмом, породить который мог только довольно убогий демиург, лишенный фантазии. Поэтому моралистическая риторика всех идеологических лагерей — и революционеров и консерваторов — оставляет удручающе жалкое впечатление. Нерефлекторный монархизм так же абсурден, как ортодоксальный коммунизм. Церковный ортодокс часто бывает не убедительнее сектанта. В этом не вина личностей, в этом суть того сложнейшего периода, в котором находится человечество, в котором живет, думает и делает свой выбор Россия.

Адекватность достигается только путем невероятного напряжения духа, когда интеллект, интуиция, голос крови, церковная доктрина, мельчайшие элементы унаследованной культуры, напряженное осмысление происходящего со страстным желанием расшифровать смысл его — все это в совокупности возгорается пламенем пробуждения, усиленной тоской по национальной истине. Национальная идея России, безусловно, диалектична, парадоксальна, ее осмысление требует колоссальной работы души. На этом пути не следует отвергать никаких, даже самых странных и диких по видимости, заключений. Только банальность, успокоенность, прохлада убийственны в этом деле. Здесь лучше ошибиться, чем отделаться штампом, безответственной апелляцией к непродуманной самостоятельно (и, возможно, вообще неверной) концепции какого-то «культурного» и даже церковного авторитета. Смысл и содержание русской истории — вопрос, обращенный сегодня к каждому.

Национал-большевизм как духовный метод, национальная диалектика, рассмотрение судьбы русского народа и русского государства как мессианского пути избранной для эсхатологического подвига православной общины со всеми крайностями, эксцессами и парадоксами перевода этого уникального идеала в социально-политическую субстанциальность — вот что ближе всего подходит к расшифровке тайны Руси. А так как время сегодня действительно *последнее*, тот, кто правильно поймет, тот правильно и поступит. И от этого поступка сыновей и внуков зависит окончательный удел тех поколений, которые мучились и горели великой волей, русской волей к Правде, переданной по крови,

языку, государству и культуре, по благодати православного крещения *нам*.

Статья написана в 1996 г., впервые опубликована в 1997 г. в ж-ле «Элементы» № 8 (Досье «Национал-большевизм»)

"В КОМИССАРАХ ДУХ САМОДЕРЖАВЬЯ"

(генеалогия русского национал-большевизма)

"Убийца красный святей потира!"

Николай Клюев

Самым полным и интересным (на сегодняшний день) исследованием русского национал-большевизма является книга Михаила Агурского. Агурский был диссидентом, в 70-е эмигрировал из СССР в Израиль, но вместе с тем, его отношение к советскому национал-большевизму остается в высшей степени объективным, а в некоторых случаях в оценках сквозит глубокая симпатия. На наш взгляд, труд Агурского — самое серьезное произведение, посвященное советскому периоду русской истории помогающее понять его глубинный духовный смысл.

1. Национальное признание большевизма

Агурский определяет сущность русского национал-большевизма так: "... С самого начала большевистской революции большевизм и само новое советское государство получили признание со стороны различных групп эмиграции и в самой России как отвечающие истинным русским национальным и даже религиозным интересам. Численность этих групп была относительно невелика, и не всегда эти группы были влиятельны, но их голос был слышен, и с их точкой зрения были знакомы широкие круги как вне партии, так и внутри нее. Национальное признание большевизма было весьма разнообразным.

Его считали русским национальным явлением и левые и правые, гуманитарии и инженеры, гражданские лица и военные, духовенство и сектанты, поэты, писатели, художники. Наибольшим успехом ознаменовалось т. н. сменовеховство, возникшее относительно поздно в кругах правой русской эмиграции. Именно в его рамках был впервые сформулирован и национал-большевизм, хотя к нему по праву могут быть отнесены почти все ранние формы национального признания большевизма, включая скифство.

Центральной фигурой эмигрантского национал-большевизма в начале 20-х гг. оказался Устрялов, а внутрироссийского — Лежнев.

Если бы все это осталось в рамках небольшевистских кругов, это имело бы очень ограниченный интерес. Но этого не случилось..."

2. "Смена вех"

Впервые тезисы русского национал-большевизма появились в среде крайних кадетов, в той или иной степени связанных с Николаем Устряловым. Однако самому Устрялову на возможность радикального перехода от «белого» национализма к «красному» указал другой кадет Ю.Ключников. Поняв в какой-то момент неизбежность поражения белых и исходя из своей во многом народнической философии истории, — утверждающей, что историю творит именно "народный дух", выражающийся подчас парадоксально и использующий в определенные моменты самые неожиданные идеологии и социально-политические инструменты, — эти кадеты-националисты пришли к радикальному пересмотру своих антибольшевистских позиций и выдвинули тезис о том, что самыми последовательными националистами-государственниками на данный момент в России являются большевики. Конечно, эта идея оформилась в столь радикальных терминах не сразу, но ее основные черты ясно проступают уже в первых национал-большевистских текстах, объединенных в сборнике "Смена вех", опубликованном в Праге в начале 1921 года. Авторами сборника были Ю.Ключников, Ю.Потехин, С.Чахотин, А.Бобрищев-Пушкин, бывший прокурор Святого Синода С.Лукьянов и др. Но ведущую интеллектуальную роль в этом движении, получившем устойчивое название «сменовеховство», играл именно Устрялов. «Сменовеховство» было с восторгом принято самими большевиками, особенно Лениным, Троцким и Сталиным, так как они увидели в нем возможность некоей *промежуточной* идеологии, способной привлечь на сторону новой власти «спецов» и значительные пласты гражданского населения, еще не готовые принять коммунизм в чистом виде. Именно через идеологию «сменовеховства» произошло практическое соединение большевистской власти с широкими социальными слоями. Но сила идей такова, что практически никогда не получается использовать их в чисто прагматических целях, так как идеи всегда имеют и обратное воздействие. Параллельно тому, как большевики использовали «сменовеховство» в своих целях, само «сменовеховство» активно влияло на эволюцию большевистской идеологии. Агурский показывает, что наиболее чистые марксистские ортодоксы, и особенно Зиновьев, прекрасно отдавали себе в этом отчет и с самого начала боролись против национал-большевизма не смотря на те практические выгоды, которое оно давало большевикам в самый

сложный для них период.

Пареллельно «сменовеховству» развивалось иное, довольно близкое к нему течение — евразийство, или по крайней мере его левое крыло. И «сменовеховцы» и "левые евразийцы" кончили тем, что полностью встали на сторону большевиком и подавляющее большинство их вернулось в Советскую Россию и интегрировалось в социалистическое общество. Всех авторов, проделавших такую эволюцию — Ключникова, Бобрищева-Пушкина, Кирдецова, Лукьянова, Львова и т. д. Агурский причисляет к "левым национал-большевикам", которых он отличает от "правых национал-большевиков", чьим бесспорным лидером и высшим духовным авторитетом был Устрялов, остававшийся за пределом России в Харбине до середины 30-х и до конца сохранявший определенную дистанцию от советской системы несмотря на всю свою симпатию к ней. В исследовании Агурского явно проступает идея о том, что он представляет собой не просто сложное и внутренне многоплановое, но принципиально *двойственное* явление. Хотя нигде Агурский не говорит об этом прямо, его национал-большевизм в его трактовке разделяется на две составляющие, которые соответствуют двум его идеологическим аспектам. В принципе, речь идет о двойственности идеологии Консервативной Революции как таковой, а именно ее выражением и был исторический русский национал-большевизм. Показательно, что в национал-большевистском контексте, как напоминает Агурский, термин "революционный консерватизм" (впервые употребленный славянофилом Самариным и взятый на вооружение немецкими национальными идеологами) принял на вооружение именно Исай Лежнев, столп советского "левого национал-большевизма".

3. Левый национал-большевизм

У любой революции есть «консервативная» подоплека, которая выражается в противопоставлении актуальному положению вещей — Системе — архаической парадигмы, давно забытой и утраченной в обычном, нереволюционном и нерадикальном консерватизме. Внешне эта тенденция часто бывает настолько «нигилистична» и «разрушительна», что увидеть ее «консервативное», "архаическое" начало крайне трудно. Именно этот аспект и следует назвать "левым национал-большевизмом".

Агурский показывает, что такой "левый национал-большевизм" исторически восходит в русскому эсхатологическому сектантству, старообрядчеству, народному апокалиптизму. Его более современными носителями становятся вначале некоторые "славянофилы", — самые крайние представители которых (в отличие от умеренных консерваторов) ненавидели лютой ненавистью весь

романовский "петербургский период", который они считали отступлением от истинно национального подлинно православного строя, — а потом и «народники» — Герцен, Огарев и т. д. вплоть до Бакунина, Ткачева и Нечаева, а также левых эсэров. В этом направлении доминирует "мистический нигилизм", идея того, что «спасения» (читай социального блага, построения справедливого общества и т. д.) в настоящих условиях нельзя достичь традиционным, конвенциональным, установленным путем, безвозвратно потерявшим свою легитимность и действенность. Остается лишь парадоксальный путь "святости через грех" или "созидания через уничтожение, ниспровержение".

Левый национал-большевизм начинается с самосожжений староверов, с радикальных течений беспоповцев, таких как «нетовцы» (или "Спасово согласие"), а также с вышедших из этой среды "духовным христиан", известных как хлысты. В этой среде было распространены представления, о том, что «антихрист» уже пришел в мир и что русская государственность и официальная церковь целиком подпали под его влияние. Против такой десакрализированной государственности и ставшей безблагодатной церкви сектанты выдвигали идею "невидимого града" и "общины избранных", которые, следуя страшными путями, стяжают себе избавление через протест, разрушение, особый путь "святотатственной (по крайней мере с обычной точки зрения) святости".

Террористов-народников и, в частности, Нечаева следует понимать исходя именно из этого "религиозного нигилизма", свойственного русской национальной стихии, как некая неформальная, параллельная идеология, редко отчетливо выраженная, но все же потенциально присутствующая в широких народных массах.

Отголоском этой же идеи, но уже в иной, сугубо интеллигентской среде, является, по Агурскому, российский мистический ренессанс, т. н. "новое религиозное сознание", связанный с Владимром Соловьевым и всем течением русского символизма, на который он в высшей степени повлиял. Соловьев подошел к той же самой мистико-нигилистической реальности с другой стороны — через западный мистицизм, гегельянство, интерес к гностическим и каббалистическим доктринам. У Соловьева также ясно различим механизм, благодаря которому гностическая идея, родственная анабаптистам, катарам, альбигойцам и т. д., воплощается с модернистической теории «прогресса». Агурский называет концепцию Соловьева "оптимистической эсхатологией", согласно которой, социальное и техническое развитие общества протекает в направлении возврата к "золотому веку". Агурский пишет: "Чтобы примирить факт неоспоримого прогресса конца XIX века,

который казался убедительным аргументом в пользу оптимистической эсхатологии, с не менее неоспоримым фактом падения христианства как в народе, так и в интеллигенции, носительнице этого прогресса, Соловьев приходит к парадоксальному выводу о том, что ныне Дух Божий покоится не на верующих, а на неверующих." В принципе, практически то же утверждали наиболее радикальные старообрядцы «нетовцы», вообще отрицавшие саму возможность спасения через какие бы то ни было внешние ритуалы и считавшие, что отныне исключительная возможность этого спасения может быть дарована только по сверхразумной и непостижимой воле Христа совершенно независимо от заслуг верующего — в пределе даже независимо от наличия или отсутствия самой веры. Конечно, "новое религиозное сознание" отнюдь не сводимо к "левому национал-большевизму", но оно послужило его важной теоретической предпосылкой, развитой лишь наиболее радикальными мыслителями, либо примкнувшими к большевикам, либо вышедшими из их среды.

"Левый национал-большевизм" относится к наиболее экстремистским вариантам этой идеологии, с которыми связано теоретическое оправдание самых страшных и кровавых аспектов революции. Более всего он характерен для левых эсеров и особенно для той их части, которая вошла в историю под именем «скифство». В некотором смысле, сам термин «скифство» можно рассматривать как синоним левого национал-большевизма.

4. "Скифство"

Под названием «Скифы» в конце 1917 — начале 1918 годов вышло два сборника, в которых нашла свое первое отражение идеология "левого национал-большевизма". Смысл этой идеологии сводился к рассмотрению Октябрьской революции как мистического, мессианского, эсхатологического и глубоко национального явления. Главным идеологом «скифства» выступили левый эсэр Иванов-Разумник, член президуима ВЦИК С.Мстиславский и поэт и писатель Андрей Белый (Бугаев). Вокруг них группировались также знаменитые поэты и писатели, ставшие классиками советской литературы: Александр Блок, Сергей Есенин, Николай Клюев, Алексей Ремизов, Евгений Замятин, Ольга Форш, Алексей Чапыгин, Константин Эрберг, Евгений Лундберг и т. д.

Для скифства была характерна "апология варварства" (против цивилизации Запада), обращение к архаической стихии нации, воспевание разрушительной спонтанности, созидающей "новый мир". Некоторые авторы были отмечены христианской идеей (в ее старообрядческом — как Клюев — или просто неортодоксальном, нонконформистском виде — как Блок и Есенин). Характерно

следующее высказывание Блока того периода, прямо предвосхищающее тезисы Шпенглера: "... цивилизованные люди изнемогли и потеряли культурные ценности. В такие времена бессознательными хранителями культуры оказываются более свежие варварские массы." Программой «скифства» можно признать поэму Блока «12», в которой большевизм и революция откровенно связываются с Христом.

К "левому национал-большевизму" можно отнести и некоторые чисто религиозные явления — такие как «обновленчество» и проект "Живой Церкви", которые активно продвигались сторонниками "христианского социализма" и которые видели в революции осуществление истинных христианских идеалов. Языческую версию этого же эсхатологического комплекса развивал Валерий Брюсов, связывавший Революцию не с христианским, но с магико-пантеистическим обновлением, с возвратом к теургии древних дохристианских культов.

Среди деятелей молодого советского режима особенно выделялся Исай Лежнев, который был основным идеологом национал-большевизма в России и главным проводником «сменовеховских» тенденций эмигрантских национал-большевиков. Лежнев исходил из принципов абсолютности "народного духа", который для него был высшим мерилом и главной осью истории. Если народ приходит к революции, значит это соответствует его внутренним потребностям, хотя для исполнения своей воли он может использовать любые идеологические, концептуальные и социально-политические инструменты. Для Лежнева революционное разрушение и потрясения оправдывались именно национальной необходимостью и, следовательно, несли в себе высший провиденциальный смысл, скрытый за внешним варварством. Эту же идею емко выразил другой национал-большевик, профессор Н.Гредескул, один из основателей партии кадетов, который самостоятельно пришел к «сменовеховству» независимо от Устрялова. Он писал: "Либо Советская Россия есть какой-то выродок, и тогда вина за это падает на русский народ, и нет ему в этом оправдания, ибо целый народ не должен добровольно отдаваться шайке разбойников, либо Советская Россия есть зародыш — зародыш нового человечества, попытка трудящихся осуществить свои вековечные чаяния." Лежнев нисколько не сомневался, что "Советская Россия есть зародыш нового человечества".

Другим проявлением "левого национал-большевизма" можно назвать литературу т. н. «попутчиков» — Б. Пильняк, К. Федин, А. Толстой, Л. Леонов, Вс. Иванов, В. Лидин и т. д. В их творчестве легко можно найти все характерные для этого явления мотивы. Вот например выдержка из романа Бориса Пильняка. — "Сейчас

же после революции Россия бытом, нравом, городами — пошла в XVII век. В России не было радости, а теперь она есть... Революции, бунту народному, не нужно было — чужое. Бунт народный — к власти пришли и свою правду творят — подлинно русские подлинно русскую." Попутчики прославляли национальную стихию бунта, видя в большевизме — "новую пугачевщину", исконно русское, во многом архаическое явление.

В некотором смысле, к "левым национал-большевикам" можно отнести и Максима Горького, который пытался создать особую народническую религию, определенные аспекты которой почти тождественны идеям радикальных немецких националистов.

Горький писал: "Народушко бессмертный, его же духу верую, его силу исповедую; он есть начало жизни единое и несомненное: он отец всех богов бывших и будущих". Нечто подобное можно было встретить и у теоретиков немецкой Консервативной Революции и даже у нацистов. Горького сближает с ними и увлечение Ницше...

5. Правый национал-большевизм

Вторая принципиальная сторона национал-большевизма может названа «правой», "консервативной". "Правый национал-большевизм" исходит из такой логики. — Жизнь нации, государства, народа представляет собой некий органический процесс, всегда сохраняющий нетронутым свой центр. Во всех динамических преобразованиях — в том числе кризисах, революциях, мятежах — проступает диалектика "народного духа", которая приводит к провиденциальным целям, независимо от желаний и воли самих непосредственных участников событий. Нация остается равной самой себе — как живой организм — на разных стадиях своего существования, и даже ее болезнь подчас есть синдром обновления, путь к укреплению. Бытие народа глубже и абсолютнее его социально-политической истории.

Следовательно, все изменения в рамках нации суть явления *консервативные*, независимо от того в какие внешние формы они воплощаются. Эта концепция "правого национал-большевизма" была последовательно и полноценно сформулированна Николаем Устряловым. Для Устрялова большевизм и революция были лишь этапами истории русской нации, причем диалектически направленными на преодоление того кризисного состояния, которое только и сделало революцию возможным. Иными словами, Устрялов и другие "правые национал-большевики" видели «консервативный» элемент не в самой теории революции, не в самой сущности "нигилистического гностицизма" (как "левые"), а лишь в постоянстве национального контекста, подчиняющего себе весь

социально-политический инструментарий — вплоть до революции.

Такой устряловский национал-большевизм был созвучен некоторым «белым» идеологам, левому крылу кадетов, определенной части монархистов (Шульгин — самый яркий представитель этого направления), и особенно евразийцам, которые пришли в анализе революции практически к тем же выводам, что и правые национал-большевики.

"Правый национал-большевизм" отличается от «левого» (с которым у него все же есть множество общих черт) тем, что он не считает «революцию», "варварство", «разрушение» самодостаточной ценностью. Стихия религиозного отрицания — столь существенная для "левого национал-большевизма" и для его корневого гностического импульса — чужда "правым национал-большевикам", которые видели в революции лишь временное преходящее зло, тут же преодолеваемое позитивом нового национального утверждения. Показательно, что "правые национал-большевики" чаще всего в момент самой революции и в гражданской войне занимали сторону «белых», оставивая "старый порядок", пока это еще было возможно, но как только "белое дело" окончательно проиграло, они стали приветствовать и поддерживать у новой власти все то, что также было созвучно *порядку*, хотя бы и новому. "Левые национал-большевики" со своей стороны приветствовали в большевистской власти не то, что она была «порядком», но как раз то, что она была сущностно "*новым* порядком". Для них было важна не преемственность и постоянство какой-то непреходящей, всегда равной самой себе реальности, но «рывок», "мистерия обновления", радикальное преображение мира, «трансцендирование», выход за пределы. Поэтому-то "левый национал-большевик" Есенин писал: "В РКП я никогда не состоял, потому что чувствую себя гораздо левее." Сам Устрялов никогда не скрывал, что видит в "национал-большевизме средство для преодоления большевизма". Иными словами, он рассматривал революцию и большевиков с чисто прагматической точки зрения — как силу, которая единственная на данном этапе могла обеспечить России наиболее эффективную национальную централизованную власть. Устрялов полагал, что «большевизм» под воздействием русской национальной стихии и под давлением геополитического и исторического масштаба государства превратится в "фашистский цезаризм", т. е. в тоталитарный строй, ориентированный на отстаивание русских национальных интересов как в политической, так и в экономической сфере.

"Правый национал-большевизм" пренебрегал наиболее радикальными аспектами коммунистической идеологии, считал, что

оптимальным для России был бы возврат к рынку и к крестьянскому строю. Но в целом, отношение к экономике было чисто прагматическим (как у нацистов): какой экономический уклад выгоден для нации, такой и надо принять. Устрялов считал мелкобуржуазный режим самым эффективным, и поэтому так восторженно приветствовал НЭП, который идеологически и обосновал и, возможно, приблизил, так как с мнением Устрялова считались многие партийные вожди, в том числе и сам Ленин. Многие коммунистические критики этого направления — Зиновьев, Каменев, позже Бухарин — особенно подчеркивали «нэповскую» ориентацию устряловской идеологии, и строили именно на этом свои нападки на национал-большевизм, обходя молчанием более деликатный и тонкий чисто национальный момент.

Если к "левому национал-большевизму" притягивались наиболее нонконформистские элементы из небольшевистских сред, — террористы, неонародники, левые эсэры, крайние сектанты и т. д., - то к "правым национал-большевикам" тяготели, напротив, многие гиперконформистские типы — спецы, кадровые военные (Брусилов, Альтфатер, Поливанов и т. д.), и — как ни странно! — реакционные круги духовенства и даже черносотенцы. Всех их объединяли симпатии к "сильной руке", «централизму», авторитарному режиму, явно устанавливающемуся в процессе укрепления власти большевиков. В простом народе, как подчеркивает Агурский, даже бытовала формула: "Ты за кого — за большевиков или за коммунистов?" «Большевики» ассоциировались с представителями радикальной великорусской державности, с выразителями народной стихии, тогда как «коммунистами» считались, напротив, догматики интернационализма и «западники». К крайне правому флангу национал-большевизма примыкали многие евразийцы, сохранявшие в основном по религиозным и этическим соображениям дистанцию от полного и безоговорочного принятия большевизма.

6. Резонанс в партии

Национал-большевистские тенденции (как правые, так и левые) были продуктом интеллектуальной деятельности некоммунистических теоретиков. Но они имели громадный резонанс в ВКП. Более того, как убедительно доказывает Агурский, именно отношение к национал-большевизму и является тем ключом, который помогает понять «эзопов» язык внутрипартийных полемик всего ранне-советского периода, предшествовавшего окончательному укреплению единоличной власти в партии Сталина. Если опираться на формальные аспекты партийных дискуссий тех лет, то мы попадем в недешифруемый хаос парадоксов и

явных противоречий. Только выделение национал-большевизма в качестве основного интерпретационного критерия позволит выстроить всю картину идейной борьбы этого периода. "Левый национал-большевизм" больше всего импонировал Льву Троцкому, и Агурский справедливо замечает, что пора уже поставить вопрос: "А так ли Троцкий лев?" Именно Троцкий в своей книге "Литература и Революция" весьма позитивно отзывается о «попутчиках» и представителях «скифства», чья патетика вполне резонирует с революционным духом самого Троцкого. В некотором смысле, даже теория "перманетной революции" и идея ее "экспорта на Запад" не так уж противоречат мсессианским тенденциям сторонников "национального варварства". Кроме того, чисто прагматически национал-большевизм позволяет Троцкому укреплять свою власть в партии и в армии, опираясь на национальный дух и прибегая к прямым апелляциям к патриотическим чувствам великороссов. Его последовательным противником уже на этом этапе выступает Зиновьев, который, однако, не примелет только великорусский национал-большевизм, но, будучи главой Коминтерна, с прагматической симпатией относится к национал-большевизму немецкому и даже к левому нацизму. Кроме того, сам Ленин крайне позитивно воспринял сменовеховство, хотя трудно сказать наверняка, чего в этом отношении было больше — прагматического макиавеллистского расчета или действительного сочувствия к "мистическому нигилизму".

"Правый национал-большевизм" в свою очередь сопряжен с фигурой Иосифа Сталина, который, как совершенно справедливо показывает Агурский, всегда был гораздо ближе к прагматическому консерватору Устрялову, чем к «скифству» и другим революционным радикалам. И хотя Сталин во внутрипартийной борьбе с Троцким вначале делал ставку на Зиновьева и Бухарина, постепенно и тот и другой будут побеждены им именно при опоре на консервативный, правый национал-большевистский сектор в самой партии, взращенный Сталиным через "ленинский призыв" новых национальных кадров, сохранивших связь с народной стихией и чувство государственности. Сталин в полной мере воспользовался плодами троцкистско-ленинского курса на приятие «сменовеховства», но сумел при этом уничтожить своих противников их же оружием. Складывается впечатление, что сквозь все этапы сталинской карьеры проходит эта невысказнная, но постоянно обдумываемая концепция — концепция "правого национал-большевизма". Устрялов был как бы выразителем тайных мыслей Сталина, его харбинским духовником... Сталин без Устрялова просто не понятен.

И не случайно, разгром зиновьевской «оппозиции» воспринимался соврмеенниками как полное торжество идей Устрялова.

Проявление сталинских симпатий к правой версии национал-большевизма Агурский видит и в особо теплом отношении Сталина к Булгакову и особенно еговосхищение откровенно национал-большевистской булгаковской пьесой "Дни Турбиных", которую он лично посетил 15 раз. В конце пьесы белый офицер Мышлаевский доказывает, что нужно переходить к большевикам:

"**Мышлаевский**: *Я за большевиков, но только против коммунистов... По крайней мере буду знать, что я буду служить в русской армии. Народ не с нами. Народ против нас.*

Студзинский:... *Была у нас Россия — великая держава!*

Мышлаевский: *И будет! И будет!"*

В этом пассаже квинтэссенция правой национал-большевистской мысли.

Агурский подчеркивает также, что именно Сталин приветствовал «сергианскую» линию в Православии, пошедшую с советским режимом на компромисс, а не обновленческий "христианский социализм", сближающийся более с "левым национал-большевизмом". Любопытно определение обновленчества, бытовавшего в ту эпоху — "церковный троцкизм". Иными словами, в вопросе сотрудничества Церкви с большевиками также было две возможности — "революционная церковь" обновленцев, пытающаяся охватить и исмыслить, «христианизировать» "мистический нигилизм", и стратегический компромисс официального Православия, нотки которого можно разглядеть еще до митрополита (позже Патриарха) Сергия в позиции патр. Тихона после его освобождения из тюрьмы.

7. Еврейский фактор

Проблему евреев в контексте большевизма Агурский рассматривает в совершенно неожиданном ключе. С его точки зрения, массовое участие евреев в революции объясняется не столько их враждебностью к православной России, местью за "черту оседлости" или беспочвенностью и западничеством, сколько особым эсхатологическим мессианским настроем, характерным для сектантской разновидности иудаизма (хасидского или саббатаистского типа), которая была чрезвычайно распространена среди восточно-европейских евреев. Именно сходство апокалиптического фанатизма, общность религиозного типа с представителями русского сектантства и гностицизма интеллигенции, предопределили роль евреев в большевистском движении. Кроме того, Агурский подчеркивает, что многие евреи-большевики ощущали

себя страстными великорусскими националистами, для которых Октябрьская революция уничтожила последние преграды для полного слиния с русским народом. Большинство из них были либо крещенными и ассимилированными, либо отличались специфическими мистическими наклонностями и принадлежали к эзотерическим каббалистическим группам.

Конечно, это касалось далеко не всех. Зиновьев, Каменев и вообще почти вся "петербергская группа" были аутентичными евреями-западниками, воспринявшими коммунизм лишь в его рационально-социальном, догматическом аспекте. Иными словами, великодержавный национал-большевизм одних евреев (Лежнев, Тан-Богораз, Кердецев, Пильняк и даже ранний Троцкий, кстати, активно интересовавшийся масонством и бывший членом "Великого Востока") резко контрастировал с русофобией других. Но и среди русских большевиков это зеркально отражалось в противостоянии новых русских лидеров сталинского призыва (Молотов, Ворошилов, Киров и т. д.) и русофобствующих этнических великоросов типа Бухарина.

8. Национал-большевизм против национал-коммунизма

Агурский вскрывает важную терминологическую разницу между этим двумя терминами. "Национал-большевизмом" следует называть именно великорусский, евразийский вариант, стоящий за объединение всех бывших земель Российской Империи в единое централизованное социалистическое государство — СССР. Среди большевистских лидеров это однозначно соотносилось с фигурой Иосифа Сталина.

"Национал-коммунизмом" в свою очередь было принято обозначать, напротив, сепаратистские тенденции национальных окраин России, стремившихся использовать Октябрьскую революцию для достижения национальной независимости. Особенно сильными национал-коммунистическими тенденциями отличались татарские (Султан-Галиев), грузинские и украинские коммунисты (Скрыпник). Они считали (справедливо), что в большевиках слишком сильны великодержавные империалистические настроения, что национал-большевизм в устряловской формулировке чреват новым "диктатом Москвы". Показательно, что самыми активными борцами против сепаратистского национал-коммунизма были представители тех же самых наций, но исповедующих, напротив, советский принцип «единонеделимчества» и, соответственно, национал-большевизм. Так Сталин и Орджоникидзе не на жизнь, а на смерть боролись с грузинским сепаратизмом и т. д. Лишь на Украине в партии промосковскую линию

проводили в основном этнические великоросы, а еще больше, ассимилированные евреи.

Этот момент очень важен, так как в нем кристально ясно прослеживается фундаментальное различие между простой адаптацией коммунистических идей к конкретному национальному контексту (национал-коммунизм) и особой универсалистской линией, сопряженной исключительно с русским эсхатологизмом, мессианским и всечеловеческим, открытым для всех евразийских народов и интеграционным. Национал-большевизм, таким образом, открывается как реальность сверхэтническая, имперская, универсальная. Это принципиальный момент.

9. Параллельная идеология

К национал-большевизму Агурский причисляет и многих других авторов — Мариэтту Шагинян, Максимилиана Волошина, Осипа Мандельштамма, Андрея Платонова, футуриста Родченко, самого Маяковского, О. Хвольсона, М. Пришвина, А. Ахматову, М. Цветаеву, Н. Тихонова, Н. Никитина, Я. Лившица, К. Чуковского и т. д. Если внимательно приглядеться к советской литературе, — вплоть до Шолохова, не упоминаемого, впрочем, Агурским, — то почти *вся* она откроется как разновидность национал-большевистской мысли, поскольку чистого "социалистического реализма" в культуре отыскать практически невозможно, за исключением, разве что, совсем уже «условных» произведений, причисленных к культуре по чисто конъюктурным соображениям. Особенно следует подчеркнуть личность Мариэтты Шагинян, ставшей классиком советской литературы. В ее творчестве и интеллектуальной эволюции сходятся воедино несколько существенных моментов национал-большевизма в целом.

Во-первых, она была ассимилированной русифицированной армянкой, что прекрасно вписывается в разобранный Агурским феномен социалистической великодержавности, носителями которой чаще всего выступали ассимилированные инородцы — грузины, евреи, армяне и т. д. Если в западных областях (Украина) особенно активными централистами и проводниками промосковских тенденций в партии выступали евреи, то на Кавказе — в Азербайджане и Грузии — активную роль играли именно армяне. Поэтому национал-большевистский выбор Шагинян весьма показателен.

Во-вторых, до революции Шагинян была активной участницей религиозно-философского кружка Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус, где она познакомилась с гностическим мировоззрением, которым чрезвычайно заинтересовалась. Она начинает свое духовное становление как типичная представительница

"нового религиозного сознания". Шагинян одной из первых приняла Октябрьскую революцию, оценив ее мистически. В революции она видела "корни какого-то нового славянофильско-большевистского сознания". После революции она продвинулась по пути гностицизма еще дальше — подобно гностикам-каинитам она начала рассматривать негативных персонажей "Ветхого Завета" — Хама, Каина, Исава и т. д. — как носителей подлинного духа и предтеч Христа, врага "злого демиурга"-узурпатора. Ее интеллектуалный гностицизм был прямым аналогом сектантского простонародного гностицизма Клюева или Есенина.

В-третьих, Шагинян была — как и Андрей Платонов и академик Вернадский — поклонницей учения Николая Федорова о "воскрешении мертвых", что является одной из классических тем оперативного оккультизма[6]. Этот же теургический компонент федоровского учения вдохновлял многих евразийцев, особенно «левых» — Карсавин, Савицкий, издатели парижского журнала «Евразия» (муж Цветаевой, Эфрон и т. д.). Более того, гетеродоксальная с православной точки зрения, но национальная и антизападная доктрина Федорова была тем идеологическим фокусом, через который «правые» консервативные мистики переходили к приятию коммунизма. В-четвертых, писательница в своих художественных произведениях пыталась создать "новую пролетарскую мифологию", многие моменты которой являются типичными образцами конспирологического сознания, свойственного традиционному мистико-оккультистскому способу мышления.

В целом судьба Мариэтты Шагинян — это архетип национал-большевистской эволюции, и в этом смысле ее фигура является парадигматической для всего советского национал-большевизма.

Из анализа Аругского складывается настолько впечатляющая картина советского общества в его глубинных мифологических пластах, что создается ощущение, будто мы находимся в параллельном мире, где вся внешняя скучно-догматическая, пслоско-утилитарная, жестокая в своей будничности картина официальной советской истории разрешается в глубинной, насыщенной, полной метафизических интуиций и магических происшествий реальности. И эта "вторая реальность" советизма — от его первоистоков вплоть до последних дней — придает всему смысл, наполненность, герменевтическую заостренность. Эта реальность животворная, парадоксальная, страстная и глубокая, в отличие от сухих статистических данных, цензурированных исторических сводок или визгливой диссидентской критики, также нудно как и советские историки, перечисляющей факты, только не триумфально-оптимистические, но трагично-жестокие.

Михаил Агурский не просто историк с оригинальной схемой. Он человек судьбоносный для России. И символичность его пути проступает в том факте, что умер он не в Иерусалиме и не в Америке, а в Москве, Третьем Риме[7], куда приехал на "Конгресс Соотечественников". Более того, не менее символична и дата смерти — 21 августа 1991 года. Последний день Великой Советской Империи, последнее мгновение, когда на огромной евразийской территории национал-большевизм еще оставался правящей идеологией.

Статья написана в 1996 г., впервые опубликована в 1996 г. в ж-ле «Элементы» № 8 (Досье «Национал-большевизм»)

L'AGE D'OR ou L'AGE MORDOREE

("КРАСНО-КОРИЧНЕВЫЙ ОТТЕНОК СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА")

1. Известное неизвестное

Культуре русского Серебряного века, особенно поэзии, посвящены тысячи исследований.

То, что культура Серебряного века не вписывалась в официальные нормативы советизма, очевидно и не нуждается в дополнительных доказательствах — о гонениях (физических и моральных) на ее представителей после революции написаны целые тома. Но есть и еще одно важнейшее соображение. Эта культура совершенно не вписывается и в нормы либерализма западнического типа, который стал эрзац-идеологией современной России.

Прояснение этого тезиса требует некоторого отступления.

Есть два автора, труды которых представляются фундаментальными для понимания затронутого нами вопроса. Оба (хотя и в разной степени) стоят на позициях либеральной идеологии. Оба — эмигранты из еврейских семей. Оба — блестящие знатоки русской истории и русской культуры. Речь идет о Михаиле Агурском и Александре Эткинде.

2. Михаил Агурский: дефиниция национал-большевизма

Агурский был историком-диссидентом, эмигрировавшим в 70-е в Израиль. Вместе с Солженицыным и Шафаревичем он участвовал в сборнике "Из-под глыб". Но главным трудом его жизни была книга "Третий Рим", часть которой вышла на русском языке в Париже отдельным изданием под заголовком "Идеология национал-большевизма".

Основной тезис Агурского сводится к следующему. -

Деление русского общества, проявившееся в XIX веке в появлении славянофилов и западников, на два лагеря, было не таким однозначным, как это принято считать. Оба лагеря — и правые, и левые — имели целый спектр общих ценностей, установок и ориентаций. Славянофилы и позже философы "нового религиозного сознания", начиная с Соловьева, были не так уж и реакционны и зачастую отличались радикализмом и социальным нонконформизмом, совершенно нетрадиционными для классических правых. С другой стороны, и "русские западники" — от Чаадаева через Герцена и вплоть до большевиков и социалистов — были отнюдь не классическими космополитами и интернационалистами, но скорее, развивались в рамках левого нациоанилизма, наиболее яркий пример которого дан в народничестве, а позднее, в эсэрах. И Бакунин, и Герцен, и

Лавров, и Михайловский и многие ранние социал-демократы, как показывает Агурский, были скорее национал-революционерами, чем классическими либералами-западниками, и в этом смысле смыкались со славянофилами. Те же, в свою очередь, критически относились к послепетровской монархии и воспевали архаический мир общины, святую дораскольническую Русь, провозглашали идеал общества, основанного на справедливости и социальной солидарности. И те и другие ратовали за некий парадоксальный "русский рай", национальный и универсальный (мессианский), одновременно. Ненависть к капитализму, любовь к простому народу, вера в мессианское предназначение России сближали на уровне идей и правых и левых, создавая, тем самым, предпосылки того, что позднее, уже в XX веке, будет названо "национал-большевизмом".

Серебряный век был прямым наследником этой «право-левой» национал-прогрессистской ориентации, что позволяет понять сложные и запутанные идеологические судьбы большинства культурных и политических деятелей того времени. Все это национал-большевистское, консервативно-революционное поле идей, интуиций, тем, теорий и т. д. составило живое ядро Революции. Большевики были лишь одной отраслью этого мощного древа. Получив единоличную власть, они оказались в позиции единственных наследников всех этих тенденций, вливавшихся в новую советскую действительность и через переходивших к большевикам и от правых (спецы, военные, чиновники) и от немарксистских левых (анархисты, эсэры, меньшевики и т. д.). Концептуальное оформление такая эволюция получила в работах забытого ныне, но очень влиятельного в свое время мыслителя Николая Устрялова, который обобщил основные принципы национал-большевизма, а также в публикациях левых евразийцев.

Художественный срез этого консервативно-революционного, национал-большевистского движения дал «скифство», литературу попутчиков, имажинизм, футуризм и т. д. а позднее стал основой советской культуры.

Смысл поразительного открытия Агурского заключается в том, что русская политическая история, начиная уже с Александра I (если не с самого раскола), развивалась совершенно не по дуальной логике "консерватизм-прогрессизм" (как на Западе). Скорее общество и интеллигенция, зачарованные русской тайной, русским парадоксом, мучительно искали какого-то неожиданного синтеза, который открыл бы фантастическую перспективу, вернул бы Золотой век как нечто сверхсовременное и сверхархаическое одновременно.

Русский тип, предшествующий собственно национал-большевизму — это человек (народ, община, церковь) в поисках утраченного сакрального. Острое переживание этой утраты — становой хребет всей психологии и идеологии данного направления. Именно поэтому так легок был странный, на первый взгляд, переход русских интеллигентов от марксизма к православию, и наоборот.

Заметим, что на обратном полюсе от этого явления находился противопложный тип — человек истеблишмента, конформный носитель системы. Он воплощался во внешне православном и консерватином дворянине (чиновнике, служащем) с европейским воспитанием, но совершенно отделенным от жизни простого народа. При этом такой консервативный тип был вполне открыт для идей рыночных преобразований и буржуазных реформ. В конечном счете, и на этом конформистском полюсе тоже сочетались правые и левые элементы, только не революционного, а эволюционного толка — вялый патриотизм, совмещенный с частым пребыванием на Западе, внешние атрибуты сословности и терпимость к возвышению купечества и созданию буржуазных отношений. На психологическом уровне речь шла о типе, абсолютно глухом к сакральности, удовлетворенном профанической средой, в целом вполне соответствующем тогдашней общеевропейской культуре.

Именно между этими полюсами — национал-революционным (часто проявляющемся под масками интернационализма) и национал-консервативным (скрывающим в себе подлинный космополитизм) — и проходили силовые линии тайного противостояния, хотя сплошь и рядом сами активные участники идеологических дискуссий и политических движений не отдавали себе в этом отчета.

Октябрьская революция, по Агурскому, есть однозначная победа национал-революционного пласта русского общества, хотя,

естественно, не все компоненты предшествующих этапов и формаций нашли в ней свое место. Марксистская догматика, принятая как единственная и безальтернативная, во многом повредила живому и творческому развитию основных и часто наиболее интересных тенденций в этом общем направлении.

Национал-большевизм в таком понимании становится неким общим знаменателем тех сил в русской культуре и русской политике, которые были фанатично ангажированы в поиск сакрального и которых, как средневековых гностиков, не устраивали внешние полые формы псевдорелигиозного и псевдодуховного конформизма. Это поиск утраченного сакрального и объясняет симпатию революционеров, интеллигентов, поэтов Серебряного века к ересям, староверческим толкам, народному быту, сохранившему многие аспекты древней культуры, где священными признавались все элементы бытия, а не только храмы и иконы. У образованного класса это выливалось в софиологические поиски или в "новое религиозное сознание" (Соловьев, Мережковский, о. Сергий Булгаков, Бердяев, Белый, Блок и т. д.); у выходцев из народной среды — в сектантство, ересь, бунт (Есенин, Клюев, Карпов, Клычков и т. д.) Но оба мира были тесно связаны между собой и оживлены единым "национал-большевистским" пафосом.

Агурский приходит к выводу: 74 года страна жила не при большевизме, а при национал-большевизме, хотя на каком-то этапе это перестали ясно осознавать даже вожди. Поразительно, что сам Агурский умер 21 августа 1991 в Москве, куда он приехал из Тель-Авива на "Конгресс соотечественников". Смерть этого блестящего историка точно совпала с концом того явления, внимательному и скрупулезному изучению которого он посвятил всю свою жизнь — с концом национал-большевистской империи.

3. Александр Эткинд: 4 особенности русского интеллигента

Совершенно самостоятельно и иными путями к сходным выводам пришел другой интереснейший исследователь того же периода Александр Эткинд. Он специализировался на изучении русского психоанализа начала века и пришел к весьма любопытным выводам.

В своей книге "Содом и Писхея" он подробно и в высшей степени остроумно описывает «теневые» моменты биографии некоторых видных деятелей Серебряного века — теневые не в смысле их «порочности», а в смысле их странности, непонятности, неизвестности и политической "некорректности".

Вывод Эткинда крайне интересен. — Большинство крупных фигур этой эпохи были буквально одержимы четырьмя постоянно повторяющимися мотивами, которые сам Эткинд косвенно возводит к однотипному психическому отклонению (что не так уж важно).

Первый мотив — зацикленность на проблеме пола. Причем эта проблема практически ни у кого из представителей Серебряного века не решается банальным образом, постоянно тяготея к радикальным и часто извращенным ситуациям. Они весьма разнообразны — menage a trois (классическими примерами которого являются чета Виардо и Тургенев; Мережковский, Гиппиус и Философов; Брики и Маяковский; Блок, Белый и жена Блока Менделеева и т. д.), гомоэротизм (Кузьмин, Брюсов, Цветаева, Радлова, Ахматова), оргиазм и ритуальные сборища у Вячеслава Иванова (с участием сектантов), женопоклонничество, мазохизм и одержимость девственностью у последователей Соловьева, теологизация пола у Розанова, мотивы садо-мазо у Гумилева, панэротизм Есенина и т. д. Даже если отбросить несколько упрощенное психоаналитическое толкование, совершенно очевидно, что тема пола является осью культуры Серебряного века. Причем не просто пол, но его глубинное, метафизическое измерение интересует поэтов и мыслителей этой эпохи, пронзительная интуиция его сакральной нагруженности, его таинственного послания, нуждающегося в осмыслении, раскрытии, реализации. Нелепо считать все это просто «отклонениями». Скорее это постановка вопроса о «норме» в духовном смысле — пол как вопрос, как драма, как важнейший момент духовной и национальной истории.

Второй мотив — увлечение политическим экстремизмом. Большинство деятелей Серебряного века безоговорочно поддерживают революционные и социальные силы. Не просто большевиков, которые стали подлинными хозяевами ситуации только после октября 17, да и то не сразу. Эсэры, народники, анархисты естественно становятся основной политической средой, к которой тяготеют поэты и мыслители той эпохи. Все грезят переворотом, восстанием, бунтом. Даже те, кто не принял большевиков, часто отвернулись от конкретной фракции Революции, присвоевшей себе права на единоличную власть. Социальный радикализм не от конформизма, близорукости, безответственности или абстракционизма. Он является неотъемлемой характерной чертой Серебряного века в целом.

Третий мотив — национализм. У всех он проявлялся по-разному. У кого — в черносотенно-юдофобских формах (Хлебников, Клюев, Есенин, Карпов и т. д.), у кого — в более мягком, культурном виде. Эткинд приводит эпизод, когда сам Блок высказывал

лдовольно радикально антисемитские тезисы. Однако дело не в антисемитизме или шовинизме. Одержимость Россией, бесконечная любовь к земле, народу, национальной судьбе, ее истории, ее парадоксу, к Русскому в глобальном, метафизическом измерении. Россией бредили все.

Четвертый мотив — мистицизм, предельная религиозность, эзотеризм. Это также черта — общая абсолютно для всех фигур Серебряного века. Формы могли быть любыми — от православия и углубления в его догматику, до ересей, оккультизма (штейнерианство Белого), неоязычества или «национал-сатанизма» (у Брюсова). И в этом вопросе так же, как и во всех предыдущих, нормой была именно крайность — не поверхностная религиозность обывателя и не прагматический атеизм европейского профана, но страстная, сжигающая вера в силу и реальность потустороннего, фанатичная погруженность в проблемы души, смерти, мистического смысла событий. Не случайно такой живой интерес вызывали Распутин (ему посвятил стихотворение Гумилев), хлысты, скопцы, иные национальные сектанты.

Итак, четыре мотива — заостренный эротизм, политический экстремизм, национализм и эзотеризм. Таков портрет типичного представителя Серебряного века (как гениального, так и среднего, как сверхизвестного, так и забытого), получающийся у Эткинда. И он вполне логично переходит от этого к большевикам, психологический тип которых оказывается удивительно близок вышеописанному. Только все суше и ориентированно на политическую практику и социальную реализацию. Вспомним Чернышевского — литературный большевик Рахметов практикует иогические упражнения, интересуется каббалистическими текстами позднего Ньютона, напоминает посвященного. Вера Павловна практикует полиандрию, одержима пророческими снами. И у исторических большевиков. — Троцкий — член масонской ложи "Великий Восток", автор монографии по мистическому символизму, написанной в заключении и утерянной во время подпольных скитаний. Богданов — ученик мистика-космиста Федорова, мечтавший о том, чтобы научными способами — через переливание крови (сразу после революции он был назначен директором Института переливания крови и умер в результате опыта, поставленного над самим собой) — достичь физического бессмертия. Бонч-Бруевич — специалист по сектам, издававший специальный журнал для сектантов "Новая Заря" (как перекливается с известной магической организацией "Золотая Заря"!) с целью их привлечения в большевизм. Коллонтай, известная экстремальными формами самых необузданных эротических опытов. И наконец сам Ленин, поддерживающий просектантскую линию Бон-

ч-Бруевича, положительно отзывающийся о оргиастическом сексе и приветствовавший «сменовеховцев» и национал-большевиков (Устрялова, Ключникова и т. д.)

Но Серебряный век — как эпоха теоретиков — заканчивается. Наступают суровые будни постороения "сакрального общества". Планификация и индустриализация не могли не придать пародийные черты реализации национальной, мистической, эротической и политической утопии.

Но духовное, психологическое и типологическое родство очевидно.

4. Вечная парадигма

У Эткинда есть очень интересные соображения о связи между Серебряным веком и веком Золотым, Александровской эпохой. Одни и те же осевые мотивы, только форма и терминология меняются. Проблема пола ясно видна уже у Пушкина и Лермонтова, а в следующем поколении у Достоевского и Чернышевского она станет почти центральной. Политический экстремизм — его типичный образчик декабристы с их разнообразием политических утопий, каждая из которых и у Муравьева, и у Пестеля, и в "Северном обществе" были пропитаны, к тому же, глубоким национальным подтекстом. На эту же пору приходится и расцвет мистики — Библейское общество, князь Голицын, "Сионский вестник", а кроме того, сектантство — скопчество и хлыстовство — проникают на самые верхи общества (эзотерический салон Татариновой, скопец-камергер Еленский, возрождение масонства и т. д.)

Иными словами, "национал-большевистский" Серебряный век лишь перенял эстафету предыдущего периода — Александровской эпохи. И снова выявляется некий общий тип, русского интеллигента, национал-революционера, радикала и парадоксалиста, художника, политика, заговорщика, мистика и... (на внешний плоский взгляд) извращенца. Можно добавить, "безумца".

Хотя между Александром I и Николаем II проходит период относительного затишья, внешнего профанизма, на самом деле, и в этот мрачный век репрессий и капиталистических реформ (одинаково отвратительных национал-революционной душе русских) линия не прерывается. Славянофилы ли, петрашевцы ли, народники ли, анархисты ли... К ним влечет самых ярких русских гениев — туда, где заговор, политический экстремизм, фанатичный духовный поиск, сочетание народности и аристократизма, жестокости и сострадания, боли и ненависти... Вся русская культура, кроме романсов и конформистских передовиц сервильныхэ передовиц официозной прессы, пропитана одним духом, одной волей, одной страстью. Вне же — скука обывательщины, рутина, полсу-

шание, чинивничество, французские гувернеры и уездные балы, Островский и Чехов.

5. Не те наследники

Итак, мы пришли к парадоксу: Серебряный век, который был культурным знаменем позднесоветской интеллигенции, подготовившей морально и идейно перестройку, оказался совершенно не совместимым — если смотреть правде в глаза — с теми западнически-либеральными нормами, которые утвердились как правящая система ценностей в современном российском обществе. В некотором смысле, политический рывок опередил сдвиги в культуре (российская интеллигенция продолжает воспевать пробольшевистскую культуру, а в политике уже сравнительно давно царят откровенно западнические либерально-космополитические ориентиры).

При Горбачеве речь шла о плюрализме в рамках социализма и (в каком-то смысле) национализма, — хотя бы потому, что своеобразный социальный путь России в XX веке не очернялся полностью, — и поэтому аппеляции к Серебряному веку бюыли более, чем оправданы. Логика выстраивалась так: круг авторов Серебряного века был в целом ориентирован просоциалистически, но узостьдогматиков-марксистов и отчуждение в советской системе (сталинизм) привели к тому, что духовные отцы Революции стали ее жертвами. Подобно тому, как позже первая плеяда практиков революции была уничтожена второй волной. Но когда в нашем обществе был совершен скачок к прямому и радикальному либерализму западнического образца (1991 — 1996), вся культурологическая картина исказилась до неузнаваемости. С тех пор сложилась странная ситуация — Серебряный век целиком и полностью, причем резко, выпал из рамок "политической корректности" при правлении либералов, но прорефлектировать и теоретически подготовить этот шаг не было не времени, ни мозгов. Отсюда и открывшийся парадокс: наследие Серебряного века следовало бы отнести к идеологии нынешней патриотической оппозиции, к «красно-коричневым», так как в общем и целом на уровне мировоззренческой парадигмы именно они (красно-коричневые!) и никто иной являются прямыми продолжателями концептуальной формулы, общей для всего Серебряного века — Русской Консервативной Революции, об±единяющей социализм и национализм особого неортодоксального и парадоксального толка.

Конечно, сопоставление уровня гениев начала века с творческим уровнем нынешних патриотов вообще невозможно. Но об этом не идет и речи. Преемственность здесь концептуальная, парадигматическая и, в некотором смысле, потенциальная. Вряд

ли сами патриоты осознают, наследниками чего они являются. Кроме того, эта связь относится лишь к третьепутистской, новаторской, евразийской ориентации, наброски которой можно найти в номерах «Дня», "Лимонки и "Элементов"". В то же время многие в этом лагере по «темпераменту» принадлежат к совершенно иной — банально консервативной, бюрократической, конформистской линии как коммунистического, так и монархического, романовского, образца.

Однако огромный слой интеллигентов, сроднившихся с смыслью, что Серебряный век есть воплощение либерального свободомыслия и демократического импульса, вынужден будет как-то отреагироввть на тот факт, что на самом деле, согласно Эткинду и Агурскому, основатели и активисты Серебряного века являлись самым натуральными предтечами красно-коричневой идеологии, понятой в самом широком смысле.

Таким образом, интеллигенты-демократы, не оставившие культурных претензий, стоят сейчас перед сложнейшей задачей: либо развенчать своих кумиров и окончательно и однозначно двинуться на Запад, ассимилировав систему либеральных ориентиров (при этом надо забыть о привычных Сартре — "красный"- и Хайдеггере — «коричневый», о "новых левых" и Бунуэле, обо всем антилиберальном, крайне левом или нонконформистском, что является составной частью уже сугубо западной культуры), либо напротив, пересмотреть свой наивный и как-будто навязанный извне агрессивный либерал-демократизм, обильно сдобренный русофобией, и принять национал-большевизм (быть может, в каком-то новом, смягченном варианте).

6. Будет ли Бронзовый век?

Периодизация русской культуры имеет довольно стройную структуру: Золотой век, Александр I. Пушкин и т. д. Далее с Николая I начинается реакция и застой. Потом оттепель и Серебряный век. Пушкинизм. Дальше снова застой и пробел. Сейчас явно застой закончился. Подходит фаза Бронзового века. Но ничто как будто не предвещает этого. Кругом вырождение и уныние, глупость, свинство и ничтожество. Бездарность пропитывает все и вся.

Бронзовый век, однако, это, по Гесиоду, век героев. Не назначенных на миссию, избранных и подготовленных существ, но волевых персонажей, восставших на Судьбу без какогобы то ни было основания. Герои в отличие от богов не обладают гарантированным бессмертием. Они его вырывают в бою. И при этом могут и проиграть. Расплата в таких случаях бывает чудовищной (вспомним печень Прометея).

Иными словами, Бронзовый век может и не состояться. Это — функция от воли и наличия на Руси определенного, особенного типа, нужного именно сегодня, актуального, не искусственного, спонтанного. Если этот тип появится — Бронзовый век имеет шанс состояться. Если нет — нерусская банальность и примитив общества потребления окончательно проглотят великую страну и великий народ. Но тут уж ничего не поделаешь.

Парадигма потенциального Бронзового века, однако, очевидна уже сегодня: это новая версия того же национал-большевизма, который был зерном и Золотого и Серебряного веков. Это необходимое условие sine qua non. Невозможно представить, что бездарные в массе патриоты вдруг возгорятся и родят из своей куцей среды гениев. Это исключено. Также мало вероятно (хотя не исключено), что часть наиболее талантливых «демократов», попавших в эти ряды случайно, спохватится и одумается. Скорее всего нам надо подождать поколение. Наевшись омерзительных заокеанских суррогатов и насмотревшись американской пошлятины, русские рано или поздно возмутятся. Встряхнутся. Вспомнят о своем и попытаются это свое понять и утвердить заново.

Но это не факт. Пришествие героев не записано в спиралях истории. Это только возможность, только свобода выбрать, свобода восстать, свобода любить свою землю и свой народ чрезмерно, безумно, неумеренно, страстно.

Радикальный эротический опыт. Социальный экстремизм. Духовное слияние с нацией сквозь историю, века, эпохи. неудержимая тяга к духовным безднам и тайным мирам.

Поиск сакрального. Война с профаническим. —

Национал-большевизм forever.

Программная статья написана в 1996 г., впервые опубликована в 1996 г.

Часть 3 Общая Теория Восстания

СУБЪЕКТ БЕЗ ГРАНИЦ

1. Переступание предела

Когда речь заходит об определении феномена агрессии, чаще всего апеллируют к эмоциональным, психологическим и сентиментальным характеристикам, упуская из виду, как и всегда в современном мире, наиболее глубинные, метафизические аспекты этого явления. В русле гуманистической традиции само собой сложилось устойчивое негативное отношение к агрессии, которая считается либо подлежащей совершенному искоренению, либо (что более реалистично) минимализации. Но как бы то ни было, агрессия настолько тесно связана с человеческой природой, что постоянно напоминает о себе — как в повседневной жизни, в бытовой психологии, так и в политической реальности войн, конфликтов, столкновений. Попытаемся осмыслить агрессию, отвлекаясь от всех привычных стереотипов — пацифистских, эпатажно апологетических, психоаналитических или социально детерминистских.

Агрессию как явление полнее можно определить как "насильственное переступание границ". Именно в этом состоит ее сущностное качество, узнаваемое и в бытовом конфликте, и в криминальном происшествии, и в крупномасштабном военном столкновении. Преступник насильственно переступает границы социальной этики, моральной, физической или экономической целостности человека или коллектива. Это агрессия. Армия насильственно переступает границы враждебного государства или рубежи обороны противника. Это тоже агрессия. Наконец, идеологи, ломая устоявшиеся стереотипы мышления, насильственно переступают границы ментальных клише. И это тоже агрессия.

Не только социальное или сугубо человеческое существование наполнено разнообразными видами границ, нарушение которых порождает множество типов агрессии. Структура всей реальности строится именно на разнообразных границах, отделяющих каждую вещь и каждую модальность существования от всех остальных. В некотором смысле, именно граница делает каждую вещь тем, чем она является сама по себе, воплощая в себе отличие, дифференциацию от остальных предметов. В самом общем смысле, агрессия может иметь и космическое, универсальное измерение, проявляющееся через насильственное вмешательство одного в другое. Примерами агрессии изобилует животный и расти-

тельный миры, где существование одного типа или одной особи подчас поддерживается за счет насилия над другими, образуя круговорот трансформаций, ассимиляций и адаптаций вселенской среды и населяющих ее существ.

Следовательно, агрессия является чем-то всеобщим, универсальным, неотъемлемым от основы самой реальности.

2. Vae victis

Насильственное преодоление границы имеет два аспекта: один — условно негативный, другой — условно позитивный. Субъект агрессии, т. е. то существо, которое совершает агрессивное нападение на другого (на объект агрессии), стремится за счет такого действия расширить свои собственные границы, укрепить, усовершенствовать, восполнить свою собственную природу. Хищный зверь, лишая жизни жертву, утоляет голод, поддерживает собственное существование, добывая необходимые для организма вещества. Военная агрессия расширяет территории и умножает богатства выигравшей стороны, и даже в пьяной драке победивший укрепляет веру в себя и получает моральное удовлетворение. Одним словом, в агрессии осуществляется позитивная экспансия субъекта, расширение его сферы возможностей.

Но объект, подвергшийся агрессии, съеденная или избитая жертва, покоренный народ и т. д., напротив, в результате нарушения границ (обоюдного в данном процессе) лишь теряет то, что он имел до этого, сокращает сферу своих возможностей. Он становится платой за успех другого, козлом отпущения. В некотором смысле, именно факт агрессии превращает его собственно в объект, тогда как ранее, до нападения, он мог обладать иллюзией своей субъектности и осуществлять агрессию относительно иных существ, предметов, народов. Это негативный аспект "насильственного преодоления границ".

В догуманистической цивилизации и в негуманистических (традиционных) цивилизациях, которые существуют и поныне, оба аспекта агрессии рассматривались в совокупности, как два взаимодополняющих элемента, заложенных в изначальной структуре космоса. Китайский символ Инь-Ян — совершенный пример этого фаталистического дуализма. Субъект здесь представлен белой частью круга, объект — черной. В символизме полов первый отождествляется с мужским началом (Ян), второй — с женским (Инь). Отсюда вытекает всеобщая «легитимизация» агрессии, свойственная традиционному миру, где никому не приходило в голову искусственно противопоставлять человека основополагающим силам реальности. Конечно, более утонченные цивилизации всячески нюансировали законы агрессии на соци-

альном уровне, так что различие с варварскими нравами было налицо. Однако во всех случаях сохранялась, пусть даже в сублимированной форме, право на "насильственное преступление границ" — как в случаях войн, так и в случаях индивидуальных репрессий, функции которых брали на себя особые традиционные организации — прототипы нынешней полиции. Подвиги завоевателей, покорителей и разрушителей воспевались в легендах и эпосах, всех как один построенных на формуле "Vae victis!" ("Горе побежденным!").

3. Легитимация агрессии в Традиции

Каково метафизическое оправдание агрессии в традиционных цивилизациях, помимо непосредственного наблюдения за устройством природы?

Дело в том, что традиция рассматривала сам факт существования границ как выражение неполноты космоса относительно его Причины, которая мыслилась как нечто Абсолютное, Единое и лежащее по ту сторону всех пределов. Следовательно, стремление к расширению своего существования, к экзистенциальной экспансии, к "нарушению границ" (по-латински — transcendere, "трансцендирование") виделось как глубинный импульс движения к Божественному, как отголосок заложенной в мире и существах мира тоски по Абсолюту. Конечно, чистой формой агрессии в таком случае можно было бы назвать метафизические и аскетические практики, в которых посвященные стремились нарушить все границы, максимально абсолютизировать свое внутреннее «я», подвергая тем самым агрессии не отдельные предметы, но всю реальность в целом. В пути прямого обожения сосредоточивается максимум агрессивного импульса, так как Божественное и есть отмена всех границ и пределов, составляющих сущность небожественного, имманентного. Отсюда, кстати, произошло еврейское слово «сатана», дословно означающее «преграду», "препятствие", т. е. «границу», понятую как нечто негативное.

Отталкиваясь от этого, несложно сделать следующий шаг и разъяснить механизм т. н. "демонизации противника", столь частой для традиционных преданий, эпоса, религиозных учений. То, что служит препятствием на пути экспансии народа, государства, религии, более узкой общины людей и, в конечном итоге, отдельного человека; то, что ограничивает его волю к тотализации, к расширению бытия — все это автоматически подпадает под знак «сатаны», обретает качество теологического негатива, и следовательно, агрессия легитимизируется на самом высоком уровне. Через такую "демонизацию противника" или жертвы происходит их объективация, лишение субъектного качества,

вынесение за скобки видовой, социальной или религиозной солидарности. Иран против Турана, ахейцы против троянцев, иудеи против гоев, мусульмане против неверных, асы против ванов, боги против титанов, и иногда даже женщины (амазонки) против мужчин — разнообразные парадигмы дуализма, рожденного изначальным импульсом к агрессии, наполняют древнейшие хроники, религиозные кодексы, поэтические предания и т. д. Через оправдание своего лагеря люди традиции оправдывали, на самом деле, нечто большее — сам принцип агрессии, саму исконную волю к "насильственному нарушению границ", стремление к тотализации своей субъектности (как бы она ни выражалась — через национальную, религиозную или родовую принадлежность).

4. Антиагрессия

В современном мире произошел полный разрыв с вековыми традициями, что полностью перевернуло ментальную и социальную структуры современного человечества по сравнению с долгими тысячелетиями прошлого. Просвещение, гуманизм, рационализм и другие «прогрессистские» тенденции выдвинули систему оценок и ценностей, полностью противоречащую основополагающим установкам традиционного общества. Это безусловно (и, быть может, наиболее выразительным образом) коснулось принципа агрессии.

Европейское Просвещение привило людям односторонний взгляд на агрессию — взгляд исключительно со стороны жертвы. Светлая сторона, основанная на воле к Абсолюту, к тотальности, к предельному растяжению субъекта до сферы Божественного, перестала быть понятной, конкретной и онтологически укорененной и, соответственно, отождествилась с «пережитком», с атавизмом, с инерциальным варварством, с временным и принципиально исправимым недочетом цивилизации. Потеряв свою метафизическую легитимность, агрессия стала представляться как неправомочное нарушение цельности того, что само по себе было объявлено высшей ценностью — человеческого индивидуума, общества, живого существа и т. д. Отсюда вся линия "естественного права", развивавшаяся начиная с Руссо. Коль скоро экзистенциальная экспансия перестала быть метафизически оправданной, жертва выдвинула свои претензии на "тотальную безопасность", т. е. на искусственную и возведенную в высший этический императив защиту от агрессии. Агрессия была фактически поставлена вне закона. С этим, в частности, связано и общее «демократическое» юридическое положение, запрещающее пропаганду войны.

Если оказалось возможным изменить культурные и социальные устои общества, то изменить базовые тенденции космоса и человеческих существ было, естественно, не под силу никому. Поэтому агрессия никуда не исчезла ни из истории, ни из повседневности, ни из природы. Она лишь стала восприниматься как зло, как время от времени спонтанно вспыхивающая и ничем не обоснованная претензия одного ограниченного существа утилитарно воспользоваться другим. Поскольку процесс тотализации субъекта был вынесен за скобки, агрессия стала рассматриваться как чисто количественное приобретение, приумножение внешних предметов, как плоский и вульгарный эгоизм, как фатальная "борьба за существование", life struggle. Поэтому постепенно вся агрессия стала сводиться в чисто экономическую сферу, а ее проявления в иных областях жестко порицались "общественным мнением". "Тотальная безопасность" и "права человека" гарантировались отныне перенесением агрессии в сферу отвлеченных материальных эталонов — денег, капитала.

5. Метафизический генезис терроризма

По мере расширения западного образа мысли, по мере глобализации капиталистической, либеральной системы происходила планомерная дискредитация агрессии и ее проявлений. Это касалось и политического, и культурного, и идеологического уровней. Цивилизация, целиком построенная на защите интересов исключительно жертвы, стремилась постепенно очиститься от тех институтов, структур и моделей поведения, которые органически сохранялись в человеческой общности со времен традиционного «догуманистического» состояния. В это направление вписывается пацифизм, женская эмансипация, тенденции к ослаблению государственного аппарата, идеология "прав человека" и т. д., т. е. все то, что составляет идеологический фасад нынешнего либерализма, ставшего доминирующей на планете социально-политической моделью. На самом последнем этапе этот процесс привел к тому, что практически все формы агрессии — бытовой, политической, эстетической и т. д. — были "поставлены вне закона", а границы стали почитаться как нечто неприкосновенное и святое. Одновременно с этим появился и иной феномен — тенденция к "ненасильственному преодолению границ", к мондиализации мира, к «мягкому» смешению всех предметов, людей и существ в неком едином тигле, в One World. За фазой нерушимости границ наступила фаза отмены границ, но на сей раз речь шла не об экспансии и тотализации субъекта, агрессора, но о консолидации жертв в едином чисто объектном пространстве. Совершенной формой такой идеологии является модель, известная как "soft

ideology", в которой речь идет о смешении между собой самых разнообразных компонентов в том случае, если они лишены ярко выраженного агрессивного начала, субъектности.

Исторически в то же самое время, как появились первые признаки soft ideology (т. е. в конце 60-х — начале 70-х нашего столетия), возник сопутствующий феномен: современный терроризм. Конечно, терроризм существовал и раньше, но до определенного момента он оставался довольно маргинальным явлением, в котором сосредоточивались наиболее интенсивные проявления политической агрессии перед лицом непоколебимой стены системы. Современный терроризм, однако, весьма отличен от радикальной политической линии революционеров XIX — начала XX веков, так как он имеет тенденцию к тому, чтобы превратиться из крайнего политического и довольно прагматического средства в некоторый самостоятельный феномен, самодостаточный и представляющий собой особый вид идеологии. Представители цивилизации, основанной на soft ideology, постепенно расширили понятие «терроризм», включив в него все те проявления, которые контрастировали с базовыми установками собственной доктрины. Иными словами, терроризм стал синонимом агрессии в ее наиболее общем метафизическом смысле. К полюсу терроризма постепенно стягивались все те компоненты нынешней реальности, которые не укладывались в нормы, навязанные "мировым сообществом жертв". Политические партии, альтернативные либеральной системе, религиозные течения, даже целые народы переходили в сектор «терроризма», сдвигаемые туда расширяющейся западной моделью.

Терроризм стал постепенно последним прибежищем субъекта, жаждущего тотализации в мире, где эта жажда поставлена вне закона. Неудивительно, что постепенно начала складываться самостоятельная доктрина агрессии, доктрина чистого террора по ту сторону более узких партийных, национальных или религиозных интересов.

6. Первая Линия

Явление чистого террора — последнее слово в истории агрессии и либеральной борьбы с ней. Заканчивается время "терроризма по узко партийным соображениям". Все больше людей осознает прагматичность конкретной партийной принадлежности в случае их личного экзистенциального выбора. Кроме того, все яснее становится беззащитность классических идеологий перед лицом всепоглощающей и всерастворяющей мондиалистской soft ideology.

Всплеск мая 1968 года привел к унылому и беззубому, рекуперированному реформизму, к социал-демократической карикатуре. Палестинская интифада окончилась компромиссным сговором Арафата с Тель-Авивом. В результате краха советской системы брошены на произвол судьбы разлагающиеся останки герильи в Латинской Америке. С правым терроризмом справились еще раньше. Налицо доктринальное, идеологическое поражение всех "врагов открытого общества". Но несмотря на все суррогаты, предлагаемые сторонниками soft ideology (эксцентричная и чисто визуальная агрессия в молодежных модах, бесконечные телебоевики с кровью и трупами, снятие цензуры на продукцию «садомазо» и т. д.), сохраняется особый тип людей, от которых агрессия неотторжима, которые испытывают непрекращающуюся, мучительную жажду "тотализации субъекта", выхода за границы в сферу трансцендентности. Именно они начинают закладывать фундамент новой идеологии, универсальной идеологии по ту сторону устаревших и отживших клише.

В 1994 году в Италии вышла книга Энрико Гальмоцци с названием "Субъект без границ" — "Il soggetto senza limite". Ее автор — один из основателей крайне левой террористической организации "Первая Линия", Prima Linea, которая конкурировала со знаменитыми "Красными Бригадами". Крайне показательно, что книга левого экстремиста, анархо-коммуниста Гальмоцци посвящена д'Аннунцио, основателю фашистской партии Италии, стороннику аристократии и, вообще, человеку, традиционного относимому к крайне правому политическому флангу. Энрико Гальмоцци блистательно разбирает феномен д'Аннунцио с экзистенциальной точки зрения и проводит интереснейшие параллели с деятелями анархизма и даже с Лениным. Самое важное, что здесь речь идет не о прочтении д'Аннунцио «слева», но о поиске единого универсального критерия, который смог объединить людей одного и того же метафизического типа по ту сторону идеологических разногласий. Формула, найденная Гальмоцци для названия своей книги, представляется настолько удачной, что могла бы служить общим, универсальным лозунгом для всех противников "мягкого концлагеря" современного мондиализма.

"Субъект без границ" — это предельно чистое воплощение метафизического смысла агрессии, это удивительно точный лозунг, выражающий глубинную природу Чистого Террора. Отныне все будет зависеть только от способности "обособленных людей" проститься с прежними идеологическими иллюзиями, распознав метафизическую необходимость и неизбежность нового структурирования социального поля — не по шкале «правое-левое», но по критерию: "друзья агрессии" против "врагов агрессии". И кто

знает, не спровоцирует ли мондиалистская интеграция людей-объектов, людей-жертв в единое планетарное либеральное сообщество, в Единый Абсолютный Объект, появление нового и последнего лица мировой истории — Абсолютного Субъекта, Субъекта без границ, который совершит заключительный финальный акт эсхатологической драмы?

Статья написана в 1995 г., впервые опубликована в 1995 г. в ж-ле «Элементы» № 7 (Досье «Терроризм»)

DER ARBEITER (об Эрнсте Юнгере)

Эрнст Юнгер — крупнейший современный немецкий писатель, чья литературная и политическая судьба является классическим символом всего авангардного, живого и нонконформистского в европейской культуре XX века. Участник и свидетель двух мировых войн, один из главных теоретиков немецкой Консервативной Революции 20-х-30-х годов, вдохновитель национал-социализма, быстро ставший "диссидентом справа" после прихода Гитлера к власти, переживший опалу в период нацистского тоталитаризма и подвергшийся тем не менее остракизму со стороны победителей во время «денацификации», сумевший своим талантом и глубиной своей мысли преодолеть предрассудки «демократов» — Юнгер сегодня по праву считается эмблемой XX века, выразителем чувств не просто "потерянного поколения", но "потерянного столетия", полного страстной и драматической борьбы последних сакральных всплесков национальной жизни против удушающего профанизма технократической универсалистской современности.

Юнгер — автор многих романов, эссе, статей и рассказов. Он разнообразен, многопланов, сложен, подчас противоречив и парадоксален. Но главной темой его творчества был и остается «Труженик», центральный, почти метафизический персонаж, явно или подспудно присутствующий во всех его произведениях. Не случайно наиболее известная и концептуальная его книга, которую он редактировал и переписывал в течении всей своей жизни, так и называется "Труженик".

"Труженик", "Der Arbeiter" — это центральный тип всех тех политических, творческих, интеллектуальных и философских движений, которые, несмотря на их разнообразие, объединяются в понятии "Консервативная Революция". «Труженик» — главный герой этой Революции, ее субъект, ее экзистенциальный и эстетический стержень. Речь идет об особом типе современного человека, который в предельном критическом опыте профанической реальности, находясь в самом сердце технократического бездуш-

ного механизма, в железных недрах тоталитарной войны или адского индустриального труда, в центре *нигилизма* XX века, обнаруживает в себе самом таинственную точку опоры, которая выводит его по ту сторону «ничто», к стихиям спонтанно пробужденной внутренней сакральности. Через интонсикацию «современностью» "труженик" Юнгера постигает сияющую недвижимость Полюса, кристальный холод объективности, в котором проявляются Традиция и Дух, но не как нечто старое, древнее, а как Вечное, как вечное возвращение к вневременному Истоку. «Труженик» не консерватор и не прогрессист. Он не защитник старого и не апологет нового. Это — Третий Герой, Третья Имперская Фигура (по Никишу), новый Титан, в котором через предельную концентрацию модернизма, в его наиболее ядовитых и травматических формах, через индустриальный и фронтовой хаос, открывается особое трансцендентное измерение, мобилизующее его на метафизический, экзистенциальный подвиг. «Труженики» — люди траншей, заводов, "кочевники асфальта", лишенные наследства в технократической цивилизации, принимающие вызов распластывающей реальности и накапливающие в душе особые энергии великого восстания, такого же жестокого и объективного, как агрессия индустриально-буржуазной среды. Эрнст Юнгер — создатель политико-идеологической концепции "тотальной мобилизации", которая стала теоретической и философской базой многих консервативно-революционных движений. "Тотальная мобилизация" означает необходимость всеобщего пробуждения нации для строительства новой цивилизации, в центре которой будут поставлены Герои и Титаны, носители пламени Национальной Революции, рожденной волевым образом из бездн социального отчуждения.

Но "тотальная мобилизация" масс, нации, народа основывается по Юнгеру на особом уникальном экзистенциальном опыте, без которого Революция либо станет материалистическим вырождением, либо будет «рекуперирована» инерционными фарисеями-консерваторами. Поэтому экзистенциальное измерение является приоритетным в творчестве Юнгера, который дает целую галерею образов "третьего героя" (романы "Стальная буря", "Сердце, ищущее приключений", "На мраморных утесах", "Бегство в леса", «Гелиополис» и т. д.), идущего путем внутренней Революции, исследуя самые крайние и рискованные формы — войну, мистику, наркотики, эротизм, пограничные психические состояния. Формула Ницше — "то, что меня не убивает, делает меня сильнее" — кредо Эрнста Юнгера, как в литературе, так и в жизни. Подобно своим героям, он спокойно пьет шампанское в Париже посреди рвущихся бомб и бегущих в панике людей. Автор и литературный

герой в одном лице, Юнгер проживает страшный двадцатый век в «мобилизации» и «труде», как убежденный и успокоенный безграничной болью пророк рождающегося Титана, грядущего создателя Богов.

В 1995 году Юнгеру исполнилось 100 лет. Но время не властно над его кристальным рассудком и ослепительным талантом. Недавно, в письме издателю бельгийского журнала «Антей» Кристоферу Герарду Юнгер написал: "XXI век будет веком Титанов, а XXII — веком Богов".

В этих словах — краткое резюме творчества величайшего современного писателя, «труженика» и героя Эрнста Юнгера.

Статья написана в 1995 г., впервые опубликована в 1995 г. в газете «Завтра»

ГИ ДЕБОР МЕРТВ. СПЕКТАКЛЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

30 ноября 1994 года в возрасте 62 лет покончил с собой Ги Дебор. Его имя давно стало мифом. Ситуационистский Интернационал, который он создал (на конференции в Козио д'Аросчиа 27 июля 1957 г.) и возглавлял многие годы, вошел в историю как одно из самых радиальных политических образований истории. Его боялись и им восхищались толпы. Он был одним из авторов и главных вдохновителей неудачных европейских революций 1968. Он умер от безысходности и осознания полного поражения нонконформизма на Западе и тотального триумфа Системы.

1. Разоблачил Чарли Чаплина

В веселую эпоху начала 50-х, когда авангардист Мишель Мурр, переодетый доминиканцем, провозглашает во время пасхальной седьмицы в Нотр-Дам длинную суперрадикальную ницшеанскую проповедь, когда "ателье экспериментального искусства", выставив работы некоего Конго и получив позитивный отзыв авангардных критиков, объявляет, что автором работ была обыкновенная шимпанзе, в нонконформистскую вселенную врывается молодой гений Ги Дебор, радикальный, глубокий и беспощадный. Он поражает всех энергией, мужеством и талантом, а также способностью удивительно много пить. "В своей жизни я только читал и пил, — писал позднее сам Дебор. — Хотя прочел я много, но выпил гораздо больше. Я написал меньше других людей, занятых письмом, но выпил я, точно, больше других людей, занятых питьем."

Первым скандальным подвигом Дебора был страшный выпад против Чарли Чаплина по случаю его приезда в 1952 в Европу. Дебор обозвал этого сопливого комика-гуманиста "мошенником чувств и шантажистом страданий". Воззвание заканчивалось словами: "Go home, Mister Chaplin!" Уже в этом заметна основная линия будущего ситуациониста Дебора — неприязнь к буржуазным суррогатам масс-культуры, особенно тогда, когда они отмечены лживым прогрессизмом и фарисейским гуманизмом. Борьба против правых и разоблачение левых — такова сущность позиции Дебора. Иными словами, радикальное восстание против Системы и ее коварного тоталитаризма, замаскированного под «демократию». Неудивительно, что более умеренные леваки отказываются от Дебора, пугаясь его бескомпромиссности и последовательности. Постепенно и сам Дебор формулирует свою неподражаемую критику "авангарда":

"Одной из характерных черт развитой буржуазии является вначале признание принципа свободы интеллектуального или художественного творчества, на следующем этапе — борьба с этим творчеством, и наконец — использование результатов этого творчества в своих интересах. Буржуазии необходимо поддерживать в небольшой группе людей критическое чувство и дух свободного исследования, но лишь при условии сосредоточения этих усилий в узко ограниченной сфере и старательного удерживания критики от обобщений и перенесения на все общество в целом.- <...> Люди, которые выделились в сфере нонконформизма, принимаются Системой в себя по отдельности, но лишь за счет отречения от глобальных обобщений и при согласии на строго ограниченные и фрагментарные области для творчества. Именно поэтому термин «авангард», столь удобный для буржуазных манипуляций, сам по себе подозрителен и смехотворен".

2. Восстание против "Общества Спектакля"

Главным трудом Ги Дебора, ставшим современной классикой, является "Общество Спектакля". В нем автор выносит беспощадный приговор современности, этой "эпохе одиноких толп". "Подобно тому, как отдых определяется тем, что он — не работа, так и спектакль определяется тем, что он не есть жизнь". Современный мир, следовательно, есть изоляция, репрезентация и смерть. Вместо объединяющего живого опыта в нем царствуют законы образов, мелькающие картинки, лишь изображающие реальность. Дебор, развивая линию Фромма, обнаруживает, что социальная деградация либеральной Системы зашла в последнее время значительно дальше. Вначале «быть» превратилось в «иметь». А сегодня исчезло и «иметь», превратившись в «казаться». Внача-

ле буржуазный мир подчинил своим индустриальным законам природу, потом он же подчинил себе и культуру. Спектакль уничтожил историю. "Конец истории есть приятный отдых для всякой существующей власти."

Подавив в человеке и обществе вкус реального, заменив состояние и опыт «репрезентацией», Система выработала сегодня самый совершенный метод эксплуатации и порабощения. Раньше она делила людей на сословия, потом силой загоняла на фабрики и в тюрьмы, сегодня она приковала их к телевизору. Так она окончательно победила Жизнь.

"Беспрестанное накопление образов дает зрителю ощущение того, что все позволено, но в то же время внушает уверенность, что ничего не возможно. На все смотрите, но ничего не трогайте. Современный мир становится музеем, где главным охранником служит сама пассивность посетителей".

Гениальное определение сущности общества спектакля. Не прозрение ли в глубину этой страшной истины толкнула восставших русских в октябре 1993 на безнадежный штурм Останкино, высшего символа абсолютной лжи Системы? Быть может, восставшие тогда интуитивно воплощали заветы Дебора: "Формулу для переворачивания мира надо искать не в книгах, но в конкретном опыте. Надо сойти с намеченной траектории среди бела дня, так, чтобы ничто не напоминало о бодрствовании. Поразительные встречи, неожиданные препятствия, грандиозные предательства, рискованные очарования — всего этого будет предостаточно в этом революционном и трагичном поиске Грааля Революции, которой никто не хотел."

3. Новый марш на Останкино

После провала революции 1968 года Ги Дебор стал все меньше и меньше уделять внимание своему Интернационалу, и в 1972 тот самораспустился. Время от времени Дебор еще публиковал статьи и снял несколько фильмов, но горечь поражения была слишком глубока. Даже его бескомпромиссная критика Системы была успешно проглочена Системой, его главное произведение стало общеобязательной классикой, на которую все ссылались, но мало кто читал. Выражение "Общество Спектакля", столь насыщенное и страшное в устах самого Дебора, стало общим местом в политическом лексиконе, утратив свой революционный, нонконформистский, разоблачительный заряд.

Самого Дебора маргинализировали, изолировали и «рекуперировали». Ситуационисты исчезли, и лишь некоторые "анархисты справа" и европейские эволаисты (в частности, Филипп Байе) пытались, правда безуспешно, снова придать его идеям некото-

рую актуальность. Но Запад продвинулся по пути спектакля гораздо дальше, чем мы можем себе представить. Никогда еще смерть не правила миром с такой абсолютностью и с какой ужасающей наглядностью, как сегодня в либеральном мире. Самоубийство Ги Дебора — последняя точка, поставленная кровью *живого человека* под приговором Обществу Спектакля. Возможно, что после него на Западе уже не осталось никого, кто мог бы покончить с *собой*, так как истинным «я» там уже никто не обладает.

Выборы Ширака, успехи "Проктор и Гэмбл", последнее турне Мадонны, Анри Бернар-Леви строчит новый рекламный текст для буржуйского Ив Сэн-Лорана, пусто улыбается биоробот Наоми Кэмпбэлл, демократично сверстанная в пробирке из сперматозоидов представителей всех четырех человеческих рас... Все больше времени проходит с момента незамеченной смерти Свидетеля...

Зверь колышет свое телеэкранное тело, угрюмо наползая на растерянный, ничего не понимающий, агонизирующий, сдающийся Восток.

Но все же... Все же надо, необходимо снова и снова нам подниматься и идти на Останкино. Вместе с живыми и мертвыми. Вместе с Ги Дебором. Эта зловещая телебашня — фаллос сатаны, порождающий ядовитый гипноз "общества спектакля". Взорвав ее, мы кастрируем самого демона насилия, скрывающегося за ветхими масками марионеток Системы.

Рано или поздно бесконечный спектакль окончится. Тогда мы будем мстить. Безжалостно.

Статья написана в 1996 г., впервые опубликована в 1996 г. в газете «Лимонка»

ПОРОГ СВОБОДЫ

Пересмотр привычных идеологических клише и выработка новой Революционной Теории или Всеобщей Теории Восстания чаще всего заставляет обращаться к крайне правым и крайне левым политическим учениям, к национализму (традиционализму) и социализму (коммунизму). От правых берется политическая сторона, от левых — экономическая. В этом — смысл национал-большевизма, Консервативной Революции, Третьего Пути. При этом главным идеологическим врагом оказывается либерализм или либеральная демократия, в которой пропорции являются обратными: левая политика и правая экономика. В каком-то смысле либерализм становится синонимом абсолютного идеологического, политического и духовного противника. Это верно. Но исполь-

зование термина «либерализм», происходящего от слова «libertas», "свобода", может привести к ложному выводу об отрицании самой Свободы. А вот это уже неверно.

Либерализм предполагает отнюдь не полную свободу индивидуума, но лишь его экономическую свободу. Более того, либеральная философия единодушно отрицает в человеке любые внерациональные, сверхиндивидуальные элементы, считая их иллюзией, пережитком, фикцией. Поэтому либерализм оперирует только с рационально-индивидуалистической формой, с тем "homo economicus", "человеком экономическим", который движим лишь эгоистическим стремлением к благосостоянию, наслаждению, комфорту, обладанию. Все остальные пласты человеческой личности считаются второстепенными и несущественными.

Такое представление о человеке заведомо ограничивает его основополагающую свободу, которая является его видовым достоянием — свободу человека быть, кем он хочет. Эта воля лежит в основании человека как существа преодолевающего, наделенного бесценным даром выходить за рамки своей конкретной ограниченности, причем делать это по своему желанию. Экономическая свобода "открытого общества" есть нечто противоположное подлинной духовной свободе; либерализм рассматривает человека как нечто фиксированное, законченное, озабоченное лишь оптимизацией условий существования, и никак не волевым преображением своей конкретной природы. Фактически, либерализм отказывает человеку в его бытийном достоинстве, приравнивает его к "мыслящему монстру" с абсолютизированным и поставленным в центр всего "эго".

Человек может реализовать свое духовное достоинство только через волевое самопреодоление. При этом есть два пути такой реализации, которые зависят от человеческой склонности. Первый случай называется в индуизме «дэва-яна», "путь богов". В нем духовная свобода воплощается в стяжании высшего «Я», в личном, персональном «обожении», в становлении Сверхчеловеком. Это — путь внутрь. Второй путь — «питри-яна», "путь предков" — имеет отношение к добровольному сплавлению с органическим человеческим коллективом, с социальной группой, нацией, расой, с родом или семьей. В таком случае индивидуум преодолевает свою ограниченность через отождествление себя с новым коллективным существом, с общиной, в которой он растворяется и ради которой живет и умирает.

По мере такой реализации, такого расширения индивидуального горизонта происходит и смещение самого понятия «свобода». С некоторого момента человек начинает прикладывать это определение к той высшей реальности, с которой он постепенно

отождествляется. Проще всего это проследить на примере "пути предков", предназначенного для большинства людей (тогда как "путь богов" — дело избранного меньшинства, элиты). Так, человек общины, человек Традиции воспринимает свою индивидуальную свободу через свободу своей семьи, своего рода, своего племени, своего класса, своей страны.

Принадлежность к группе, в которой такой человек видит свое подлинное «я», осознается и переживается тогда настолько полно, что ради свободы органического коллектива человек сознательно приемлет строгую дисциплину, идет на отказ от определенных индивидуальных возможностей, вплоть до готовности умереть за свободу своей общины. Этот момент лежит в основе патриотизма, национализма, служения социальным идеалам и т. д. В данном случае полностью правомерно утверждение: человек не может быть свободен, если не свободен тот народ, та община, к которым он принадлежит и частью которых он является.

В случае "пути богов" свобода имеет еще более абсолютный и сверхиндивидуальный смысл, подразумевающий выход по ту сторону тех ограничений, который ставит перед воплощенным существом космическая среда. Это — идеал "выхода из космоса", становление Абсолютом. Индусы называют людей, осуществивших это, «дживанмукта», "освобожденные при жизни". Для такой категории избранных не существует преград ни в жизни, ни по ту сторону могилы; они облекаются в сияние предвечной славы, и их свобода окрывается как атрибут божества.

Есть, конечно, и промежуточные формы реализации свободы, сопряженные с феноменом «героизма». Герой — это человек, сочетающий "путь богов" и "путь предков". Он совершает невероятные подвиги, приоткрывающие его сверхчеловеческое качество, но во имя людей, во имя общины, нации, государства, класса. Это не аскет и не доброволец, это одинокий революционер, вышедший за условности обычного человечества, но сохранивший органическую связь с той общиной, из которой он возник и на благо которой он отдает свою жизнь. Это тоже путь свободы, подлинной, неотчуждаемой, светоносной, жертвенной.

Ясно, что либерализм не имеет ко всему этому ни малейшего отношения. Он отрицает аскетов как неудачников, коллективистов как слабаков, нуждающихся в "круговой поруке", а героев держит за опасных маньяков и террористов. Начертав на своих знаменах слово «свобода», как в оруэлловской антиутопии, либералы трактуют ее таким образом, чтобы подлинная свобода была исключена из самого определения. Навязывая всем людям необходимость быть в одиночестве, индивидуализм, рационализированный эгоизм, либералы одновременно жестоко вырезают в че-

ловеке все идеальное, все духовное, все жертвенное, все то, что выводит индивидуума из экзистенциальной «заброшенности» ("Geworffenheit" Хайдеггера).

Порог свободы сопряжен с самой тайной человеческого вида. Эту свободу никто не может гарантировать нам извне. Ни либералы, ни их противники. Это динамическая траектория нашей судьбы; лишь в действии мы доказываем свое достоинство, лишь в преодолении, в жертве, в героизме, в агрессивном идеализме мы становимся чем-то ценным. Человек — это не цель, это путь между одним и другим. "Человек — это стрела, брошенная к Сверхчеловеку". Такое определение Ницше является кратчайшим изложением антилиберальной, антикапиталистической, антидемократической доктрины.

Не следует идти на поводу у наших врагов, искусственно пытающихся сделать из нас поборников «тоталитаризма», "держиморд", апологетов "полицейского террора" и "всеобщей казармы". Наша цель — свобода: свобода нации от атлантистского ига, свобода труда от оков капитала, свобода гения от диктатуры идиота-чиновника. Свобода быть чем-то большим, чем человек, а значит быть абсолютным человеком, верным тому таинственному завету, которой божество вложило в самый центр нашей души, как миссию, как задание, как цель, что мы все призваны осуществить в жизни или в смерти. Но эта свобода несовместима с душными камерами "общества потребления", с "открытым обществом" шкурных торговцев, желающих застраховаться от всего идеального, чистого, жертвенного, материально немотивированного.

Статья написана в 1995 г., впервые опубликована в 1995 г. в газете «Лимонка»

Часть 4 Горчичное зерно

ТАМПЛИЕРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

В нашей русской политике участвуют все: инженеры, интеллигенты, бюрократы, бомжи, шизофреники, женщины, шпионы и множество других типов. С уверенностью можно сказать, что нет там представителей только одного класса — рабочих. Приняв на веру марксистскую демагогию, взбесившиеся партократы-перестройщики почему-то внедрили в массовое сознание догму: рабочие были классом-гегемоном на протяжении всего периода советской власти, и теперь их следует вытеснить из политики, забыть, маргинализировать. Да и западное общество, которое стараются усердно скопировать многие российские политики, успешно расправилось с рабочим классом, убрав его с политической арены. Когда доминация капитала стала тотальной и капитализм перешел от индустриальной фазы к информационному постиндустриальному обществу, базовая фигура Труженика, Производителя, Создателя всей предметной реальности человеческого бытия почти совершенно стерлась перед мерцанием компьютерных экранов и лживых рекламных огней.

Рабочие исчезли из нашей жизни. Куда-то подевались, превратились во что-то еще. Труд рабочего в эпоху менеджмента и ноухау девальвировался.

Черные, промасленные, грубые люди в спецовках с чугунными инструментами растворились в социальном небытии. Но это не более, чем оптическая иллюзия, искусно сфабрикованный социальный мираж. Нас пытаются убедить, что все вещи, которые нас окружают, возникли напрямую из денег и их бесконечной власти, что их произвели умные машины, подвластные всемогущим технократам в белых воротничках.

Ничего подобного. По-прежнему в недрах заводов и фабрик копошатся сотни тысяч живых организмов, преображающих грубую материю в осмысленную форму. Как и раньше, в кишках земли бьются сквозь толщи косной инерциальной субстанции идеалисты с отбойными молотками, насилующие пассивный мертвенный комфорт каменистых пород. Черная кровь подземных вен бьет в лицо хирургам нефтяных скважин. Катают жгучую сталь квадратноплечие гиганты с кирпичными лицами.

Рабочий, Труженик, на самом деле, никуда не пропал. Он просто снова ушел в подполье. Преданный советским вырожденческим социализмом, задавленный удушающей петлей коварного капитала, чья доминация стала сегодня не только формальной и

внешней, но абсолютной и внутренней, он угрюмо взирает на омерзительную реальность, жадно выстраиваемую вокруг проходимцами всех мастей, наций и классов. Превратившийся из раба у партчиновника в раба у "нового русского", Рабочий унижен и раздавлен, как раньше, *больше,* чем раньше. Загнанный в темное подземелье социума, отравленный электронными суррогатами эмоций и вездесущей псевдоэротикой, он бьется в узкой клетке, вращая энергией своей агонии страшную машину с компьютерным фасадом, которая без него рухнула бы, как сыпучая пирамидка.

Чистенький мир "новых хозяев" загоняет Титана в эмбриональное состояние, кидая ему огрызки. "Вот тебе пол-литра «Кремлевской», гегемон!"

Но неужели все мистические чаяния, связанные с освобождением Труда, позорно рухнули, разъеденные жирным червем советского эксперимента? Неужели потрясающие основы бытия подозрения о совпадении в Рабочем субъекта и объекта оказались лишь глупыми морализаторскими метафорами, прикрывавшими собой прозаическую волю к власти очередной банды жадных и властолюбивых чиновников?

Не может быть. Жалкий провал Совдепа и его поганых вождей, лишь пауза, синкопа в страшном пробуждении Титана. Рабочий класс еще не исполнил своей исторической миссии. Он еще не сказал своего последнего слова. Он еще не совершил своей Революции.

Сегодня эпоха паразитов. Старых, новых, своих и чужых. Людей, использующих и присваивающих то, что они не создали. Центристы продают радикалов, директора предприятий — своих подчиненных, властители государства — богатства великой страны, работники СМИ — совесть. В свалке — визг и пыхтение, выстрелы из-за угла и леденящая ложь.

С глубокого дна бытия угрюмо взирает на эту возню нынешний русский Рабочий. Угловатый и конкретный, хваткий, как механизм, и медлительный, как думающий. Он не верит и никогда не поверит социальной демагогии «розовых». Опять эти? Нет, достаточно. С «капиталистами» тоже счет будет короток. Лишь плотная, страстно-тоскливая сила нарождающегося национализма может затронуть этих основательных и небыстрых людей. Но когда заходит разговор о "царствующем доме", "восстановлении дворянских привилегий", хоругвях, казаках или "национальном предпринимательстве" и патриоты наталкиваются на угрюмое безразличие: «Ряженые». Каждое утро, рано, с восходом солнца (никто кроме этих людей уже давно не помнит о солнце) выползают они из клеток-квартир от толстых и глупых жен и сопливых

«корытников», двигаясь мерным током в бетонные утробы Производства. Чтобы — с трудом и без вдохновения — упрямо, ритмично, безостановочно вести космическую битву с материей, такой неподатливой, сырой, шершавой, такой *ядовитой*. Мрачные рабочие знают — злой демон вещества захватил в плен тонкую и хрупкую Жизнь, Солнечную Деву. Это форма, похищенная грубым узурпатором материи. Спасти ее можно только подвигом, упорной страшной беспощадной войной против донного льда реальности.

Уже много веков и тысячелетий ведут Титаны борьбу против энтропии Вселенной. Рабочий класс. Рабочее братство. Рабочий Орден.

Проглотившие когда-то Диониса, по истечении долгих тысячелетий они сами пропитались его плотью. Поэтому они так любят священное опьянение воскресающего Иакха.

Где-то над ними, не ведая о подземной драме, наивные или бесчестные «аристократы», интеллигенты, торговцы цинично пользуются плодами кровавой битвы. Они не сталкиваются с Материей, освобожденные от нее добровольной жертвой *Тамплиеров Пролетариата*. Они пожирают и десакрализируют трофеи, добытые подземными витязями в страшной сечи с тьмой нижнего предела.

Но не долго продлится оцепенение. Рабочие собираются с умом и с духом. Мрази, беснующейся в современной русской политике, никто не гарантирует долговечности. Конечно, взгляды пролетария прикованы к Земле, его вечной сопернице, вечному врагу.

Но рано или поздно он посмотрит вверх и... нанесет свой последний удар. Ломом по мертвенно-матовой глазнице компьютера, по сверкающей витрине банка, по перекошенному лицу надзирателя.

Пролетарий проснется. Восстанет. Убьет. Его не сдержать ни полицией, ни подделками социалистических партий.

Его дело в истории не закончено. Демиург еще дышит. Мировая Душа еще плачет. Ее слезы рождают в черном сознании Созидателя гулкий рев. Это призыв. Это фабричный гудок. Это звучание Ангельских Труб.

Они — кузнецы Тартара — снова зиждят свою пролетарскую Революцию. Настоящую Революцию. Последнюю Революцию.

Статья написана в 1994 г., впервые опубликована в 1994 г. в газете «Лимонка»

ЦАРСКИЙ КРЕСТЬЯНСКИЙ ТРУД

Крестьянин — важнейшая фигура всей индоевропейской традиции. Культивация зерновых и особенно хлеба рассматривалась нашими предками как сакральное занятие, как особая космическая литургия. И не случайно именно хлеб стал земным веществом, избранным Спасителем для пресуществления в Его Святую Плоть. Также не случайно, сам Бог в евангельских текстах уподобляется сеятелю, т. е. крестьянину, священной фигуре человечества. Крестьянский труд был издавна назван «благородным». В священной цивилизации еще не существовало обособленной трудовой этики, и понятие «благородный» употреблялось отнюдь не в метафорическом смысле. Дело в том, что во время сакральных праздников у индоевропейцев сам Царь совершал ритуальную запашку земли. И в символическом смысле труд крестьянина можно было поэтому назвать *"царским"* в полном смысле этого слова.

Крестьянин дополнял своей литургической деятельностью полноту трехчленной иерархии древнеарийского общества. В нем жрецы боролись с тьмой духовной, с невежеством и неведеньем; воины и цари — с тьмой душевной, воплощенной физически во врагах и противниках; а крестьяне — с тьмой материальной, с силами земли, почвы. Эта тройственная тьма, с которой сражались древние арии, часто символизировалась *Змеем*. Змей был тройственным символом невежества (для жрецов), враждебности (для воинов) и дикой земли (для крестьян). Именно на этом основании пахота понималась как символическая битва со Змеем, а также как священный брак Неба, представителем которого был сам крестьянин и его плуг, с Землей. Отсюда древнейший эквивалент слова «пахать» — «орать», образованный от корня, означающего также «свет», "сияние" и т. д. По мере деградации традиционного общества, когда жреческое сословие постепенно утрачивало смысл вверенных ему учений и ритуалов, когда воины погрязали в страстях и прелести, только крестьяне-змееборцы сберегли в чистоте легенды и мифы, восходящие к той эпохе, когда индоевропейское общество переживало свой духовный расцвет. Поэтому и в России именно крестьянство сохранило верования и обычаи, предания и обряды старины, полные высшего смысла для того, кто понимает законы священного арийского космоса.

Традиционное бытие крестьянина проходило не просто в самом центре природы, но в центре особой просветленной природы, пронизанной лучами Логоса. Деревенский житель никогда не был «примитивным» (или не очень добрым) «Дикарем», каким его воспринимала заносчивая барская культура последних веков царской Руси. То, что казалось, на первый взгляд, его архаично-

стью и невежеством, на самом деле было признаком глубокой укорененности в священных архетипах, проявлением высшего сверхразумного знания, которое некогда в золотом веке было осью коллективного бытия полноценной сакральной цивилизации. За нерациональностью крестьян скрывалась мудрость, за их ленью — созерцательность, за нерасторопностью в мирских делах — нестяжательная аскеза. Крестьянин жил не в мире скепсиса и критического остроумия, но в мире древних символов и знаков, в живом насыщенном пространстве, где Небо и Земля, Солнце и Луна, День и Ночь, Лето и Зима выступали как живые реальности напряженной космической драмы. Крестьянский быт был полон примет и поверий, особого священного ритма, и это придавало существованию высший литургический смысл.

Именно он, а не стиль жизни озападненного русского дворянства, нес в себе последние остатки древней солнечной цивилизации, Святой Руси. Крестьяне в России много веков находились в униженном состоянии.

Позор крепостничества, эксплуатация нарождающимся капитализмом, и наконец, второсортное положение в номинально пролетарском советском государстве — все это этапы долгого мученического пути русского крестьянства. Обираемые, угнетаемые, спаиваемые разнообразными сословиями — выходцами из городской культуры — крестьяне несли свой крест с безмерным смирением и покорностью, охраняя для какой-то высшей эсхатологической цели то священное арийское предание, которое составляло сущность его бытия. Ежегодная, суровая борьба за хлеб, за урожай была физическим аспектом космической литургии труда, повторявшейся снова и снова несмотря на все гонения, притеснения, пытки, муки.

Какой надеждой, каким упованием жили поколения русских крестьян?

Видимо, в тайне они знали, наученные веками созерцания смены сезонов — от зимы к весне — что когда-нибудь придет Реставрация, Возрождение, и вся великая солнечная Традиция светлых славян снова вспыхнет ярким купальским пламенем. Действительно, именно у крестьян (а отнюдь не у карикатурных дворян и тем более не у бывшей партноменклатуры) только и можно найти (даже сегодня) останки древнего знания, отголоски Традиции в ее живом, подлинном виде. И только отправляясь от этой третьей арийской касты, можно теоретически начать восстановление всей общественной иерархии подлинно русского общества.

Подобно тому, как в русских сказках Третий Сын, младший сын, Иван-дурак (а это эквивалент третьей крестьянской касты),

часто становится спасителем и благодетелем остальных братьев, так и в деле воссоздания русской священной традиции следует обратиться в первую очередь именно к крестьянам, которые вплоть до сегодняшнего дня сохраняют в себе больше подлинно царских элементов, чем деградировавшие потомки некогда царствовавшего дома. Истинный Царь, Император великой русской земли должен быть подлинным пахарем, чтобы знать сырой и терпкий вкус животворящей славянской почвы. Пренебрежение духом и религией в советском социализме, атеизм и ненависть к истории — а именно это и было главной бедой русского большевизма и привело, в конце концов, к его гибели — воплотились в откровенной неприязни коммунистов к крестьянству. Крестьян большинство ортодоксальных марксистов однозначно считало реакционным классом (в этом они были правы). Отсутствие Православия и пренебрежение к крестьянам — самые негативные черты советского социализма. Новый русский социализм не должен ни в коем случае повторять этих фатальных заблуждений. Новый социализм должен быть подчеркнуто крестьянским и христианским, что не только исторически, но и этимологически очень близкие вещи.

С другой стороны, национальные движения должны встать на реалистические позиции и несколько умерить свой восторг перед царизмом. Нельзя в деле национального возрождения руководствоваться образцами вырождения некогда священного социального и духовного устройства. Уже за несколько веков до большевиков монархический режим в России был карикатурой, пародией — не в своих принципах и декларациях, но на практике, в конкретной действительности. Крестьянин, крестьянство, хлебопашество — мистические ориентиры Новой России. Не только материальные кормильцы, но тайные хранители древнейшего предания, в котором запечатлено глубинное знание об устройстве арийского космоса.

Поэтому и идеологически, и политически, и метафизически тип Русского Крестьянина должен стоять в центре революционных учений тех людей, которые искренне стремятся восстановить Традицию во всем ее объеме. Только так мы сможем победить Мирового Змея, Змея Запада — проломив его рептильный череп крестьянским плугом, как это сделал когда-то индийский Индра.

Статья написана в 1994 г., впервые опубликована в 1994 г. в газете «Лимонка»

РОДИНА-СМЕРТЬ

Отчим моего близкого друга, яростный антисоветчик умер перед самым концом Совдепа, буквально накануне прихода Горби к власти. В своей последней агонии он с ужасом повторял: "Это (т. е. Совдеп) будет длиться вечно... Не кончится никогда... Никто не сможет ничего изменить..."

Буквально через несколько лет от той реальности, которую умирающий человек считал в полном смысле слова "вечной", — он родился, прожил и умер при ней, — не осталось и следа. Игорь Шафаревич в своей книге "Социализм как явление мировой культуры" приводит пример династии китайских узурпаторов, которые пришли к власти всего на несколько лет, но ввели свою эру и принялись переписывать историю таким образом, чтобы заранее оправдать свое будущее тысячелетнее владычество.

Многие вещи кажутся нам неколебимыми, абсолютными, вечными, каменно-неподвижными, но достаточно легкого дуновения ветерка и они исчезают, растворяются, рассеиваются, как призрак или туман. Психоанализ в этом случае говорит о «комплексах», т. е. самогипнозе личности, превращающем незначительную деталь и случайное переживание в непреодолимую психологическую преграду, делающую существование человека бесконечным кошмаром.

Сегодня нет больше брежневских химер, выдававших себя за стражей вечности: исчезли лозунги, парткомы, портреты, гэбэшники, ОВИРы. Причем все произошло быстро, мгновенно, молниеносно. Казавшееся вечным распалось в один миг, массивные троны и солидные карьеры оказались хрупкими, как рябь на воде.

Но человеческое сознание так устроено, что обязательно поддается гипнозу, возводя кумиров, наделенных фиктивной вечностью даже в том случае, если печальная судьба их предшественников мрачно свершилась у них на глазах.

И снова складывается на пустом месте массовое психическое заболевание, новая, сотканная из комплексов, картина болезни. Вместо партийной касты появились «богатые», и теперь уже их власть кажется абсолютной и неуязвимой. В политике все поделено между несколькими наиболее ловкими персонажами. То же самое в культуре, где сформировались новый официоз, кланово сплоченный не меньше брежневского и не допускающий в свою среду посторонних.

И точно так же, как в конце застоя, кажется, что социальная магма застывает, утрачивает последнюю гибкость. Круговращение элит практически остановлено еще до того, как оно смогло всерьез начаться. Все места, даже во второсортных лавочках, распределены. Все зоны влияния, избирательные округа и привати-

зируемые сектора промышленности поделены.

Это так, но это иллюзия. Это гипноз, это комплекс. А комплекс, как известно, дело не внешнее, а внутреннее. Рабом делает человека не посторонний агрессор, а он сам. Героя никто и никогда не сможет унизить — ни зона, ни Совдеп, ни концлагерь, ни либерализм. Герой — это просто здоровый человек, растворивший комплексы, на которого поэтому не действуют больше чары бесконечных крошек Цахесов, объединившихся в профсоюз. Все они существуют только из-за нашей добровольной кастрации, из-за самогипноза. Мы так боимся смерти, что предпочитаем умереть, но не думать о ней, не сталкиваться с ней, не бросать ей вызова. И поэтому мы предаем свое достоинство и вверяем судьбу Системе, основанной на круговой поруке бездарностей, глупцов и подлецов. Мы сами порождаем ту иллюзию, на непреодолимость которой потом сетуем. На самом деле, власть Системы строится на совершенной фикции, на вульгарном обмане, на примитивном воровском трюке. Она берет за основу маленькую человеческую слабость — неготовность умереть "здесь и сейчас" — и раздувает ее до гигантских пропорций. В традиционном обществе эта проблема решалась легко — через обряд инициации. Человек проходил инициатическую смерть и потом на опыте обнаруживал, что за одной формой существования следует другая, а следовательно, смерть всего лишь эпизод, синкопа, переход. Если и после инициации человек подчинялся определенным нормам, так только исходя из осознания их священной духовной оправданности, а не из шкурного страха. Инициация — это то, что отличает человека от животного. Потеряв инициацию, люди превратились в неполноценных, дрожащих баранов. Они приняли Систему и стали верить в ее гнусные мифы. Появились псевдоценности и псевдоавторитеты. Эфемерное и случайное стало рассматриваться как вечное. И напротив, дух, ум, глубина были дискредитированы как нечто маргинальное, малоэффективное, излишнее.

Мы живем в мире, который вот-вот рухнет. Вот-вот растворится. Наше общество построено на идеях и принципах, за которые никто не заплатил, которые никто не омыл кровью, которые ни у кого не вырваны в смертельной борьбе. Мы пассивно сдали одну идеологию и так же пассивно и вяло притянули к себе разрозненные фрагменты других идеологий, часто совершенно противоречащих друг другу. Нами правят законченные идиоты, и точно такие же идиоты возглавляют оппозицию — второй эшелон, рвущийся к власти. Последние всполохи героизма, характерные для краткого этапа честной борьбы 1991–1993, безвозвратно затухли. Даже для того, чтобы разжечь самые пламенные сердца, не хва-

тило огня. Болотный мох проел все. И снова кажется, что этому не будет конца… А на самом деле, мы присутствуем у самой последней черты.

Истинная элита, которая сменит весь этот ирреальный балаган, должна произрасти из регионов смерти. Один современный поэт (Роман Неумоев) странно назвал смерть «родиной». Смерть расстворит комплексы страха, обнажит лучи настоящего; как опавшие листья, исчезнут в небытии телевизоры, банки и биржи, правительствуенные аналитики и кремлевские интриганы — весь этот параноидальный паноптикум, нагло выдающий себя за реальность.

В самых ближайших «разборках» у нормальных людей нет своей доли. Жадная толпа уже распределила между собой даже объедки. Но эта мразь скоро исчезнет.

Мы должны жить и действовать так, как если бы ничего этого уже нет, "здесь и сейчас". Как если бы мы уже умерли, и перед нами простираются чистые горизонты духовной реальности, залитой небесными лучами мысли и терзаемой снизу багряными языками космической страсти. Нам нужна НОВАЯ ПАРТИЯ. Партия Смерти. Партия тотальной вертикали. Партия Бога, российский аналог «Хезболла», действующая уже по совершенно иным законам и созерцающая совсем иные картины. Для Системы смерть — это, действительно, конец. Для нормального человека — это только начало.

Гейдар Джемаль рассказал мне как-то исторический эпизод: один итальянский генерал из Республики Сало в конце войны, посылая своих людей на верную гибель, увещивал их такими словами: "Не думаете ли вы в самом деле, что будете жить вечно?"

Великолепный аргумент. Большинство людей вопреки всякой логике продолжают жить и действовать так, как если бы они были бессмертны. Чувство справедливости требует от нас, чтобы мы помогли человечеству рассеять это недоразумение.

Этого требует от нас наша Родина, Родина-Смерть.

Статья написана в 1994 г., впервые опубликована в 1994 г. в газете «Лимонка»

ВЛАСТЬ ВЕНЦЕНОСНЫХ МЛАДЕНЦЕВ

1

Ребенок был символом Божества еще задолго до пришествия Спасителя Иисуса Христа. Традиция относилась к детям как к особым существам, напрямую связанным с тайной вселенской души. Китайцы гадали о будущем на основании наивных купле-

тов, распеваемых детьми в той или иной провинции Поднебесной. Эзотерик Гераклит считал играющего ребенка высшим символом свободного огненного духа. Церемониальная оперативная магия обязательно предполагала участие в ее ритуалах младенцев — причем, черные маги, переворачивая сакральный символизм, издевались над детьми, тогда как белые маги, напротив, использовали их как оракулов, как проводников между миром людей и миром богов. (Точно так же черная месса может исполняться только тем человеком, который был по всем правилам рукоположен в христианское священство.) Как бы то ни было, ребенок в священной цивилизации считался существом почти сверхъестественным, наравне с жрецами и провидцами. Но своего пика детопочитание достигло, конечно, в христианском мире, где в образе младенца поклонялись самому воплощенному Богу-Слову. Почему ребенок, — это несовершенное, беспомощное, бестолковое и хаотическое существо, представляющее собой и внешне и внутренне, скорее, пародию на нормального взрослого человека, — имеет такое важное значение для Традиции, отождествляясь с Высшим Принципом? В ответе на этот вопрос проясняется вся глубина различия между миром Традиции и миром профанизма, между священной цивилизацией древности и утилитарной, деградировавшей цивилизацией современности. Дело в том, что в этих двух реальностях — традиционной и современной — господствуют две взаимоисключающие, противоположные сверхидеологии, которые изначально предопределяют в самом истоке все разнообразные практические проявления. Традиция считает, что возможное выше действительного, истина — выше полезности, замысел — выше осуществления, прообраз — выше отражения. Современный мир основан на прямо противоположном подходе. В нем действительное ставится над возможным, польза — над истиной, а конкретное, фактическое довлеет над идеальным. Современность основана на духе скепсиса, она доверяет только материальному факту, но, так как факт проистекает из интерпретации, то, в конечном итоге, современный человек может легко игнорировать и сам факт, если он тревожит его узкое, убогое, закомплексованное, неуверенное сознание.

2

Ребенок воплощает в себе Возможное. Маленький человечек сохраняет свои связи с миром души, из которого он совсем недавно выплыл, чтобы проявиться в материальной оболочке. Он соткан из целой гаммы возможностей, которые пока еще сосуществуют в нем цельно и одновременно, без конфликтов и взаимоисключений. Он как бы зернышко утраченного Золотого Века,

искра парадиза. При этом ребенок несет в себе не просто потенции становления взрослым, спектр многообразного выбора грядущей формы. В нем явно присутствуют следы и чего-то другого, следы невидимого мира, световой реальности, от которой по мере взросления он удаляется. Этот неземной свет детских глаз — почти физическое явление; в нем потустороннее изливается в наш мир, донося какое-то субтильное знание, указывая на особые пути, ведущие не от возможного к действительному, а наоборот, от действительного вглубь возможного. В ребенке есть нечто, что намного превосходит взрослого, на нем покоится дыхание вечности, отблеск бессмертия...

Ребенок стоит выше пола. Точнее, выше пола как разделенности, строгой распределенности эротических ролей. Он андрогинен. Любовь он переживает всем своим существом, как универсальный полюс, в котором сходятся лучи духовного счастья, и эта любовь равномерно пронизывает близкий к нему мир, независимо от одушевленности или неодушевленности предметов, независимо от полов и возрастов окружающих. Не случайно в алхимии, — науке, утверждающей, что все предметы (в том числе минералы) имеют душу и что все существа являются скрытыми андрогинами, — символизм ребенка развит в высшей степени. Философский камень — венец работы в красном, rubedo — изображается в виде играющего младенца. Волшебная возможность преображения, просветления, спасения через сверхполовую андрогинную Любовь, магию Золотого Зародыша, тайной точки вселенского круга. Философский камень, играющий ребенок — Puer Ludens — это Возможность, никогда не становящаяся действительностью, но напротив, растворяющая действительность в солнечных лучах абсолютной, не знающей границ и дистанций Любви. В центре Традиции стоит дитя, младенец. И не случайно, высшая из традиций, последняя из традиций — христианство — в основу своего учения полагает божественное Рождество, воплощение Сына, маленькое нежное существо в вифлеемских яслях, принесшее спасение одичавшей в ядовитых кошмарах Вселенной.

3

Современный мир основан на полном отрицании Традиции. Возможное он признает только тогда, когда оно становится действительным, a posteriori. Ось нашего общества — взрослый человек, способный регулярно трудиться, платить налоги, зарабатывать деньги, голосовать. Само представление о человеке калькируется именно с него. Детство считается подготовкой к взрослой жизни, поэтому так много внимания уделяется образованию, вос-

питанию. Основное внимание сосредоточено на том, как быстрее и эффективнее сделать из малышей некоторое подобие взрослых. Это называется «акселерацией», убыстрением развития. Само собой разумеется, что профанический мир считает такой процесс позитивным, поскольку рассматривает превращение ребенка во взрослого как повышение, улучшение его качества, его социального статуса. Но становясь взрослыми, дети не только утрачивают тонкую связь с невидимыми мирами, со световыми регионами творения, они также постепенно теряют возможность выбора — стать тем или тем, пойти по тому или иному пути. Постепенно из изобильной райской полноты благодатной любви они приходят к строго ограниченной, фрагментарной индивидуальности, определенной по половому, профессиональному, социальному, экономическому признаку. Превращаются в некую отчужденную предопределенную и жестко ограниченную ячейку, практически начисто лишенную всякой свободы и обреченную на дальнейшую физическую и социальную деградацию, а в конце концов — на тупое механическое исчезновение. Малыш имел возможность стать кем угодно. Более того, он мог выбрать самый узкий и сложный путь — путь обретения бессмертия, путь вертикали, в миры духа, где правят законы вечной юности, вечной Весны. Такая возможность заложена не просто в отдельных детях, но во всех детях без исключения, в самом состоянии детства, которое выше, чем индивидуальность, чем конкретика человеческой личности. С возрастом возможности сужаются, выбор становится все более ограниченным, душа втискивается в клетку социально-половой специализации, перетекает в ограниченный и подверженный разрушению образ. Дыхание потустороннего затихает, начиная с некоторого момента, мы имеем дело уже не с подлинно живым существом, но с запрограммированной, легко предсказуемой социально-эротической машиной, совершенно неинтересной и предельно несвободной. Через деньги, работу, полицию, телевизор и постель это взрослое существо описывается и управляется проще, чем компьютер. Всякая действительность, конкретность легко высчитывается. Только чистая возможность ускользает от холодного, мертвящего мира рациональности и социальных манипуляций. С детского сада и школы малыши начинают подвергаться душевному геноциду, усваивая ложные законы и неоправданные табу, обтесывая массу своей души в убогую отталкивающую форму современного взрослого. От парты и ложных знаний малыши бегут мыть машины, проходя убийственное облучение денежным ядом. К 12 годам это уже, как правило, законченные взрослые, неисправимые циничные идиоты, без грез и видений, без тонких предчувствий и мудрой веры в чудо, без

чистой любви и внимательного вкуса к магии сна.

Современный мир основан на подавлении детства, на моральных репрессиях против малышей, которым отказано в их основополагающих видовых правах, и особенно в главном праве — в праве на внимание, уважение, в праве собственного свободного бытия, защищенного от возрастного произвола взрослых. Дети полноценнее родителей, они их умнее, чище, благороднее и достойнее. С духовной точки зрения, они их *старше*.

4

Нормальным государством и нормальным обществом должны править дети, венценосные младенцы или, на худой конец, те, кто ближе всего стоят к детскому состоянию души — провидцы, мудрецы, святые, пророки, так же, как дети, чисто верующие во вселенную чудес и так же, как дети, сохраняющие связь с миром души, предшествующим рождению. Если мы хотим жить в нормальной цивилизации, все пропорции должны быть немедленно перевернуты. Взрослые обязаны изучать в высших учебных заведениях мифы и сказки, сдавать экзамены на чудеса и видения, слушаться непредсказуемых ассоциаций и велений многомерной безграничной любви. Труд должен стать следствием изобилия радостных созидательных сил души, увлекательной игрой, легкой, захватывающей, бескорыстной, свободной. Но для этого необходимо совершить переворот, привести к власти людей с детским сознанием, с детской наивностью, детской мудростью...

Почти буквально исполняются сегодня слова Гесиода о четвертом железном веке, в котором младенцы будут рождаться с седыми висками. Современный мир — апокалиптический спектакль, в нем даже дети похожи на чиновников, а игрушки точно воспроизводят уменьшенные предметы взрослого — компьютеры, автоматы, домашнюю утварь... Герои современных сказок — дети или животные — как две капли воды имитируют взрослых: агрессивные бандиты монстры-черепашки, пожирающие в бесконечных количествах мондиалистскую пиццу, жадный и тупой ростовщик дядюшка Скрудж, типичный взрослый англо-саксонский ублюдок, и все в том же духе. Нынешние дети — антидети, их виски седы, их взгляды пусты, их интересы материальны, их расчеты циничны. Что делать: железный век, четвертый цикл. Экстремум вырождения.

Но вместе с тем то здесь, то там ловишь в детских глазах странную, солнечную радость. Тайный орден малюток знает что-то, во что с трудом верится революционерам в годах. Будто лучи Золотой Короны пробиваются сквозь нынешние сумерки... Будто посланцы Венценосного Младенца, рассеянные среди обычных де-

тишек, готовят какой-то невероятный заговор, который перевернет ход истории, потрясет ветхий мир, развяжет эсхатологическое восстание Любви.... Вопреки всякой очевидности что-то подсказывает — Puer Ludens возвращается, а вместе с ним и Золотой Век, власть детей, Великая Реставрация.

Статья написана в 1994 г., впервые опубликована в 1994 г. в газете «Лимонка»

ПОД ЗНАМЕНЕМ БОГИНИ

Историк Бахофен блестяще доказал в своей работе "Материнское право" ("Mutterrecht"), что нашей патриархальной цивилизации, основанной на главенстве мужчины, предшествовала иная цивилизация — цивилизация женщин. В какой-то момент мужчина смог осуществить революцию против "материнского права", и с тех пор социальная психология самых различных народов и цивилизаций основывается на владычестве мужчин. Женщине отведена социально вспомогательная роль, она вытеснена из публичной сферы и привязана к пространству дома, семьи, хозяйства. В некотором смысле она низведена до уровня домашнего животного или прислуги. Иудаистическая традиция называет женщину "телесным органом мужчины, получившим самостоятельность". Особенно последовательные и радикальные выводы относительно патриархального устройства общества сделали семитские народы и авраамические религии (иудаизм, ислам). Но и в индоевропейских традициях женская мифология почти всегда относится к пережиткам более древних исторических пластов, а актуальным пантеоном управляет мужское божество. Но все же, помимо «дневного» социального порядка и официальных идеологий (религий), в психике индоевропейцев сохранились глубинные уровни, сублиминальные мотивы, коренящиеся в периоде "материнского права". В эпохи духовных потрясений, социальных катаклизмов, высшего напряжения арийской души эта тематика Священной Женщины, Белой Дамы, Weisse Frau всплывает с поразительной регулярностью. Римские весталки и фракийские колдуньи, культы Афродиты и Кибелы, женское священство гностического периода раннехристианской Церкви и поклонение Пресвятой Богородице, куртуазная традиция Средневековья и лютеранский протест против католического целибата жречества — все это следы ушедшего изначального мифа, в котором главным действующим лицом была Женщина, Богиня, Мать и Жена, наполняющая своим световым присутствием космическую стихию. Утрата матриархата была катастрофой для мира Традиции. Почитание высшего начала как женского предполагало из-

начальную божественность не просто мира как структуры, но и мира как материи, субстанции. Вся реальность осознавалась как ткань метаморфоз, где нет смерти, но есть превращения, динамические траектории изобильной, бьющей через край жизни. Мужчина был окутан в женщину, которая выступала и вне и внутри него, которая служила ему и вдохновляла его, которая была одновременно и его *мыслью* и его *плотью*. Златоволосая богиня Неба и Земли, пречистая Фрейя, мать богов и героев, она пропитывала своим присутствием быт и культ, созерцание и действие, искусство и созидание. Мужское начало было не противоположно женскому и не подчинено ему. Оно как Рыба в воде пребывало, сохраняя свою концентрированность, в вездесущей стихии Женщины-Мысли, Женщины-Мудрости. Индуистский тантризм, гностический миф о Софии и каббалистическая идея Шекины, женского присутствия Божества суть мотивы, восходящие к древнейшим эпохам арийского матриархата.

Патриархат не был победой мужчин. Он был их поражением, так как вместе с порабощением женщины случилось вырождение самого мужчины, который подчинил своему рациональному, дискретному сознанию, ставшему самостоятельным те сферы, которые ранее схватывались сердечной интуицией. Женщина-Мысль была сведена до уровня женщины-тела. Дух и материя, некогда тождественные в световом синтезе Богини, в ее присутствии, разделились, пришли в конфликт. Мужчина утвердил свою формальную логику, причинно-следственные поля. Мир отделился от Причины, два пола стали разделенными стеной, появилась идея линейного времени — продукт абсолютизации мужской ментальности, оторванной от женской интуиции, схватывающей целый цикл.

Вместе с тем началось вырождение и самой женщины. Низведенная до инструментальных функций, загнанная в тюремные пределы кухонь и огородов, она стала утрачивать свое духовное величие, обращая интуицию на земное, исподволь мстя мужчине истерикой, жаждой стяжательства, сознательно подчеркнутой бестолковостью, раздражающей рационального монстра времен патриархата. Лишь в роли блудницы сохранила женщина свое сакральное достоинство, униженное и осмеянное мужским прагматизмом, презрением, социальным позором, экономической подоплекой. Падшая София, Шекина в изгнании.

Эпоха революций дала надежду на Реставрацию. Валькирии и пассионарии восстаний, социальной борьбы и революционного террора вышли на авансцену истории. Казалось, что начинается эпоха торжествующей Электры. Роль женщин в коммунизме, нацизме огромна. Они поняли антирациональную линию этих

учений, прониклись духом Великого Возвращения, который сквозил за этими современными внешне, но глубоко эсхатологическими учениями. Но в лоне нацизма и коммунизма матриархальные тенденции не были доминирующими. Наряду с женопоклонниками Людвигом Клагесом и Германом Виртом (основателем "Аненэрбе"), с жрицами германского культа — прекрасными Матильдой Людендорф и Мартой Кюнцель — существовали маскулинистические линии идиота Розенберга, философская муштра Боймлера и консервативные теории "трех К ("Kueche, Kinder, Kirche"). Так же и при Советах: начавшись со свободной любви, всеобщего оргиастического восторга Переворота — с Веры Засулич, Ларисы Рейснер и практиковавшей сексуальную магию Александры Коллонтай, — все кончилось сталинским морализмом и обмещаниванием эротики в позднем Совдепе.

Феминистское движение изначально было связано с неоязычеством и оккультными организациями, носило подчеркнуто «антисемитический» (и антибуржуазный, одновременно) характер. Позже оно выродилось в либеральную карикатуру, где вместо светового преображения мира, женщины требовали лишь свободу превратиться в того отвратительного аппарата, которым является современный мужчина.

Национал-большевизм — последняя революционная доктрина истории. Она вбирает в себя все предшествующие антисистемные, нонконформистские идеологии, которые разрешаются в общем интеллектуальном и практическом синтезе. Конкретность экономических и социальных требований непротиворечиво перетекает в высшие сферы метафизики. Миф расшифровывается в деле, а не в рационализации. Поэтому пробуждение Спящей Красавицы, космической Девы, Weisse Frau, реставрация гиперборейского нордического матриархата, тантрическое торжество Шакти, произнесение великой формулы индуистских посвященных "Я есть Она" (которое тождественно утверждению Сохраварди "Я — Солнце", ana-l-shams) — наше святое дело, задача нашей Революции. Это национальное, мессианское дело России, дело социализма.

Статья написана в 1995 г., впервые опубликована в 1995 г. в газете «Лимонка»

КЛЯНУСЬ ПРЕДВЕЧЕРНИМ ВРЕМЕНЕМ

1. "Воистину человек в убытке"

Вера в прогресс — чистая фикция. Пережиток оптимистического XVIII века. Ни одна религия не учит о прогрессе. Напротив, все

они утверждают, что человечество следует курсом вырождения, упадка, грехопадения. От золотого века к железному. Сура Корана, которую любит цитировать гениальный Гейдар Джемаль, гласит: "Клянусь предвечерним временем: воистину человек в убытке".

Убыточность человека понимали не только священные учения. Уже в XX веке некоторые внешне современные идеологии подспудно обращались к идее циклического времени, предполагающего деградацию, на смену которой должен прийти новый золотой век. Самыми яркими из этих идеологий были национал-социализм и большевизм. Капиталистический буржуазный режим осознавался как предел дегенерации, против которой красные и коричневые романтики выдвигали блистательные перспективы Нового Мира, восстановленного золотого века. Активный пессимизм радикалов обращал волю масс на достижение двух целей: уничтожение выродишегося (ветхого) человечества и создание принципиальной новой райской цивилизации. Чистки и кровопролития большевиков и нацистов имели мистическую подоплеку. Это не эксцесс садизма, жестокости, антигуманности. Просто элите было очевидно: "воистину человек в убытке"! Предвечернее время неумолимо приближается к полночи. Но в утробе мрака уже зреет Новая Заря. Новый мир. Великий Полдень пророка Ницше. Коммунизм. Рай на земле.

2. В битве с "прогрессом"

В слове «прогресс» сконцентрирована доктрина "князя мира сего", либерального «антихриста» общества потребления. Упадок выдается за подъем, болезнь — за здоровье, кризис — за процветание, патология — за норму, монстр — за человека, гадина — за эталон морали.

Против «прогресса» логически должны быть представители всех религий, всех традиций. Это правый, консервативный фланг. Против «прогресса» выступают фашисты и консервативные революционеры, строители Нового Средневековья. Для них «прогресс» — материализм, торжество «торгашеской», космополитической ментальности. И самое парадоксальное, что против «прогресса» борются подлинные коммунисты, изначально противопоставившие инструментальное, манипуляционное улучшение положения рабочих в капиталистических странах (уловка антихриста) романтической, мистической перспективе "классовой борьбы" до последней капли крови, заре Революции.

"Человек в убытке" — это очевидно христианину, мусульманину, буддисту, фашисту, большевику. «Человека» надо преодолеть. Новый Человек должен сменить того, чья историческая миссия

завершилась. Это не прогресс, но переворот. Не постепенное улучшение (а на самом деле, постепенное вырождение), но радикальная смена всех условий, систем, пропорций и параметров.

Единый фронт — традиционалисты и революционеры. Один враг, один метод, одна цель. Пылающее Новое... Раскошные сады обретенного рая после скрежета кровавой битвы, выворачивающей наизнанку опустившуюся тушку человечества...

3. Вкус полыни

Поражения копятся. Религии извращаются, забывают о своей собственной сердцевине. Общество роняет традиции. Вопросы духа интересуют только университетских очкариков. Попы послушно освящают банки. Муллы приторговывают недвижимостью. Ламы борются за экологию.

Фашистов разгромили, рассеяли и выжали из общества.

Хмуро слушают они свои марши, прячась по щелям.

Рухнула грандиозная конструкция Советов. Скурвилась партэлита, заснули омещанившиеся массы, сошли с ума разленившиеся чекисты. Только бабки с кастрюлами на анпиловских митингах размахивают пионерскими галстуками. Это все, что осталось от великого эсперимента...

Предвечернее время поглотило всех тех, кто оставался верен неизбежной заре даже в самую глухую пору ночи. Последовательно были проиграны козыри "брани духовной" (поражение Традиции), битвы за нацию (крах фашистских режимов), классовой борьбы (падение мирового соцлагеря). Ни одно из учений, направленных против неумолимой логики буржуазного вырождения, против «прогресса», против «антихриста», отныне не действенно, не эффективно, не достаточно. «Убыточность» человеческого фактора разъела даже то, что было изначально направлено на ее изживание, на ее преодоление.

Материальные факторы окончательно подчинили себе души людей. Нации рассеялись в космополитическом смешении. Капитал победил Труд, сделав его своей марионеткой, своим инструментом.

Наше поражение тотально. Наши ценности рассыпались в прах. Наши учебники и классики вызывают недоуменное пожатие плечами даже у нас самих. Мы преодолены «прогрессом», охвачены «антихристом», скуплены на бирже... Нас загнали в общее гетто, где христианин толкается локтями с социалистами и мусульманин отвоевывает миллиметр площади у фашиста, разъедаемого манией преследования.

Общий вкус полыни, вкус тотального поражения.

Все кончено?

4. Что делать?

Можно, конечно, опустить руки, и сетовать на неизбежность циклических законов. Полночь есть полночь. Но это означает ни больше ни меньше как *предательство*. Своей пассивностью, сонностью, растерянностью мы как бы говорим: "Все наши предшественники пали напрасно. Реки крови друзей и врагов лились лишь для ублажения демона рока, Молоха истории, прожорливого автомата деградации." Настаивать каждому на своем тоже нелепо. Если нечто не действует, не дает результатов, глупо затыкать уши и прятать в ладонях глаза. Факт поражения нельзя отменить на основании самогипноза.

Только один путь есть у нас. Только один выход. Только одна возможность. Современный мир вытеснил на свою периферию, в подполье, в зону отбросов и отходов все те идеи, силы и качества, которые некогда правили цивилизацией. Святой и созидатель, гений и мученик, проповедник и визионер, завоеватель и император ютятся в общих подвалах современности. На поверхности же правят ростовщики убытка, процентщики вырождения, манипулирующие силой гравитации, которая оседлала человеческих скотов, эсхатологических микробов последних времен. Но *все* обездоленные, лишенные наследства, отброшенные, униженные, истоптанные должны, обязаны собраться для последнего действия.

Проклятые всех цветов, политических убеждений, каст, ориентаций, полов, национальностей, конфессий и толков, лишенные места в мире «прогресса» и либеральных ценностей, беженцы и ветераны всех проигранных войн истории помазаны одной целью — Восстание. Революция, единая и неделимая, как Любовь, как Родина, как Церковь, как Смерть. Нас спасет только общий знаменатель Отрицания. Отрицания тех, кто в центре. А в центре всего лишь "убывающий человек"...

Закамуфлированный миллионами полицейских и банковских счетов, тщедушный крошка Цахес, голый рахитичный урод, с призраками мыслей и протезами чувств. Стоит сдуть с него покрывало иллюзий, и перед нами останется жалкая горстка соплей... Это легко, это так легко — взять антихриста за оттопыренную губу...

Но чтобы сделать это мы обязаны сплавить воедино все то, что противостоит современному миру, «прогрессу». Никакой монополии на истину в наших катакамбах. Никаких теологических споров. Никаких доктринальных дискуссий. "Пистис София", Коран, апокрифы, Евангелие, «Капитал» и "Майн Кампф" одинаково верны и истинны. В нашей борьбе не должно быть фракций и сект. Мы все одинаково обобраны и отвержены. У нас общий враг.

Пришло время создать партию еще более нового типа. Религиозную, националистическую, большевистскую, оккультную, субверсивную. За пределом всех разделительных линий.

Акт Восстания — вот что сделает нас братьями. Лишь в нем мы поймем друг друга. Лишь с ним мы опробуем наше учение.

Теорией может быть отныне только то, что объединяет необъединимое. И поверяет свою истинность взрывом отчаянного сопротивления. Вопреки всему мы выбрасываем над последним несдавшимся дзотом знамя Войны. Его цвет менее всего напоминает белесую простынь поражения. В нем сошлись все цвета прожитых жизней, продуманных мыслей, сожженных страстей. На нем знаки всех религий и орденов.

Тупые двуногие космической полночи, мы обязательно, несмотря ни на что, победим вас!

Клянусь предвечерним временем.

Статья написана в 1995 г., впервые опубликована в 1995 г. в газете «Лимонка»

ГНОСТИК

Приходит время открыть всю правду, обнажить духовную сущность того, что пресмыкающиеся обыватели называют "политическим экстремизмом". Мы достаточно запутали их, меняя регистры наших политических симпатий, окрас наших героев, переходя от огня к холоду, от «правизны» к «левизне» и обратно. Все это была лишь интеллектуальная артподготовка, своего рода идеологическая разминка.

Мы напугали и ввели в соблазн и крайне правых и крайне левых, теперь и те и другие потеряли ориентиры, сбились с проторенных троп. Это замечательно. Как любил повторять великий Евгений Головин: "Тот, кто идет против дня, не должен бояться ночи." Нет ничего приятнее чувства, когда почва уходит у вас из под ног. Это первый опыт полета. Гадов это убьет. Ангелов закалит.

Кто же мы, на самом деле? Чей грозный лик все яснее проглядывает за парадоксальным радикальным политическим течением с пугающим названием "национал-большевизм"?

Сегодня на это можно ответить без двусмысленностей и уклончивых определений. Хотя для этого придется сделать краткий экскурс в историю духа.

В человечестве всегда существовало два типа духовности, два пути — "путь правой руки" и "путь левой руки". Первый характеризуется позитивным отношением к окружающему миру; в нем видится гармония, равновесие, благостность, покой. Все зло пред-

ставляется частным случаем, локальным отступлением от нормы, чем-то несущественным, преходящим, не имеющим глубинных трансцендентных причин. "Путь правой руки" называется также "путем молока". Он не причиняет человеку особенных страданий, оберегает его от радикальных опытов, уводит от погружения в страдание, кошмар бытия. Этот путь ложный. Он ведет в сон. Идущие по нему никуда не дойдут...

Второй путь, "путь левой руки", видит все в обратной перспективе. Не молочная благостность, но черное страдание; не тихое успокоение, но терзающая, огненная драма расколотого бытия. Это — "путь вина". Он разрушителен, страшен, в нем царствует гнев и буйство. На этом пути вся реальность воспринимается как ад, как онтологическая ссылка, как пытка, как погруженность в сердце какой-то немыслимой катастрофы, берущей свое начало из самых высот космоса. Если в первом пути все кажется добром, то во втором — злом. Этот путь чудовищно сложен, но только он истинен. На нем легко оступиться, а еще легче сгинуть. Он ничего не гарантирует. Он никого не соблазняет. Но только этот путь правильный. Кто пройдет по нему — обретет славу и бессмертие. Кто выстоит — победит, получит награду, которая выше бытия.

Идущий по "пути левой руки" знает, что когда-то заключение кончится. Темница материи рухнет, преобразившись в небесный град. Цепь посвященных страстно готовит желанный миг, мгновение Конца, триумф тотального освобождения.

Два пути это не две разные религиозные традиции. Оба возможны во всех религиях, во всех вероисповеданиях, во всех церквях. Между ними не существует никаких внешних различий. Они касаются интимнейших сторон человека, его тайной сущности. Их нельзя выбрать. Это они выбирают себе человека, как жертву, как слугу, как инструмент, как орудие.

"Путь левой руки" называется «гнозисом», "знанием". Он так же горек, как знание, так же порождает скорбь и холодный трагизм. Когда-то в древности, когда человечество еще придавало духовным вещам решающее значение, гностики создавали свои теории на уровне философии, доктрины, космологических мистерий, на уровне культа. Постепенно люди дегенерировали, перестали обращать внимание на сферу мысли, погрузились в физиологию, в поиск индивидуального комфорта, в быт. Но гностики не исчезли. Они перенесли спор на уровень вещей, понятных современным обывателям. Одни из них провозгласили лозунги "социальной справедливости", разработали теории классовой борьбы, коммунизма. "Таинство Софии" стало "классовой сознательностью", "борьба против злого Демиурга, творца проклятого мира," обрела характер социальных баталий. Нити древнего зна-

ния тянутся к Марксу, к Нечаеву, к Ленину, к Сталину, к Мао, к Че Геваре… Вино социалистической революции, радость бунта против сил рока, священная берсеркеровская страсть к тотальному разрушению того, что черно, ради обретения нового, нездешнего Света…

Другие противопоставили обыденности тайные энергии расы, шум крови. Против смешения, вырождения они воздвигли законы чистоты и новой сакральности, возврат к Золотому веку, Великое Возвращение. Ницше, Хайдеггер, Эвола, Гитлер, Муссолини облекли гностическую волю в национальные, расовые учения.

Правильно говорят, что коммунистам не было особого дела до рабочих, а Гитлеру — до немцев. Но отнюдь не из-за их цинизма. И те и другие были одержимы более глубоким, более древним, более абсолютным стремлением — общим гностическим духом, тайным и страшным светом "пути левой руки". Какие тут рабочие, какие «арийцы»… Дело совсем в другом.

Меж «красных» и «черных», "белых" и «коричневых» метались в духовных поисках творческие личности, также призванные на "путь левой руки", на путь гнозиса. Путаясь в политических доктринах, впадая в крайности, не в состоянии ясно выразить метафизические контуры своей одержимости, художники от Шекспира до Арто, от Микеланджело до Ээманса, от трубадуров до Бретона питались тайным вином страдания, жадно впитывая в обществе, в страстях, в сектах и оккультных братствах разрозненные фрагменты страшного учения, не оставляющего возможности улыбаться. Тамплиеры, Данте, Лотреамон… Они не улыбались никогда в жизни. Это признак особой избранности, след чудовищного опыта, который был общим для всех "путников левой руки". Гностик смотрит на наш мир своим тяжелым взглядом. Тем же взглядом, что и его предшественники, звенья древней цепи избранников Ужаса. Отталкивающая картина предстает его взгляду. Обезумевший в потребительском психозе Запад. Отвратительный в своей несообразительности и жалкой покорности Восток. Затонувший мир, планета, лежащая на дне.

"В подводных лесах бесполезен порыв и прекращается жест…" (Е. Головин)

Но гностик не оставит своего дела. Ни сейчас, ни завтра, никогда. Более того, есть все основания внутренне торжествовать. Разве не говорили мы наивным оптимистам "правой руки" куда заведет их чрезмерное онтологическое доверие? Разве не предсказывали мы вырождение их созидательного инстинкта до той гротескной пародии, которую представляют собой современные консерваторы, смирившиеся со всем, чему ужасались их более симпатичные (но не менее лицемерные) предшественники пару

тысячелетий назад? Они нас не послушали… Теперь пусть пеняют на себя и читают книжки "нью эйдж" или пособия по маркетингу.

Мы никого не простили; мы ничего не забыли.

Мы не обманулись сменой социальных декораций и политических актеришек.

У нас очень долгая память, у нас очень длинные руки.

У нас очень суровая традиция.

Лабиринты бытия, спирали мысли, водовороты гнева…

Статья написана в 1995 г., впервые опубликована в 1995 г. в газете «Лимонка»

Часть 5 Стражи порога

СОЛНЕЧНЫЕ ПСЫ РОССИИ

1. Terminus

Граница окружает Государство. Она описывает Государство. Она определяет Государство, являясь его пределом.

Всякая вещь есть то, что она есть, благодаря ее границам. Ведь именно они отделяют ее от иной вещи. Отсюда важнейшее значение понятия границы не только для международного права, оборонной доктрины или структуры ВС, но и для философии как таковой. Граница это не просто инструмент философии, но ее сущность, так как самое высшее философское понятие — трансцендентность — означает в переводе с латинского "лежащее по ту сторону границы".

Граница выражает вовне то, что лежит внутри и, одновременно, ограничивает сущность вещи в ее столкновении с другими вещами. Граница есть нечто священное. У древних греков существовал особый бог — Terminus, означающий предел, границу. Это не просто божество, покровительствующее границам, это *божество-граница*, некая особая сакральная концепция, игравшая центральную роль в мировоззрениях древних индоевропейских народов.

В магии также существует важное понятие "стража порога" — особого существа, которое находится на пересечении двух миров: потустороннего и посюстороннего, плотного и тонкого, жизненного и посмертного, бодрственного и сновиденческого. Это — тот же древний Terminus, лишь несколько видоизмененный.

Иерархия "стражей порога" особенно подробно описана в тибетском тантрическом буддизме. Там они изображаются в виде «дакинь», ужасных женских существ из свиты богини Кали или Тары. Они набрасываются на человека в тот момент, когда он выходит на новый уровень существования — в момент совершения особых ритуалов (особенно ритуала "чод"), во время путешествий по пустынным местам, сразу после смерти и т. д. "Стражи порога" как бы следят за тем, чтобы вещи и люди оставались самими собой, чтобы их внутреннее «я» сохранялось нетронутым и постоянным. И как только кто-то переступает черту, они тут как тут. То же самое можно сказать и о философской стороне вещей. Вещь существует через понятие о ней, через некий грозный языковой и смысловой ореол, который не позволяет ей расствориться в хаосе неструктурированной, иррациональной реаль-

ности. Граница сопряжена с разумом, с его тайной природой. Разум как сугубо человеческое и в высшем смысле божественное качество проявляет себя как раз через учреждение границ, определений, утверждений сущности вещей и явлений.

Итак, граница есть основа мышления, проявление божественного начала. Бог сам по себе безграничен, «трансцендентен», но он обнаруживает свою божественность именно через отсутствие границ, которые Он же и утверждает в бытии, чтобы отличить Себя от несебя и "быть познанным" несобой, хотя бы отчасти.

Если все это так, то границы государства и их защитники должны быть наделены совершенно особым символизмом, исполнять важнейшую священную миссию, намного превосходящую чисто утилитарную, административную, военно-стратегическую функцию.

Пограничники это не просто вид ВС, но некое особое сакральное качество. Это современный адепт древнейшего культа бога Terminus.

2. Экспансия: от племени к Империи

Граница не количественный показатель, но качественный. Чем больше ее объем, протяженность, тем универсальнее и полноценнее понятие, которое она собой выражает. Поэтому по мере расширения понятия (определения, обнесения пределом пространства) оно охватывает собой все возрастающее количество частных аспектов. Иными словами, все включенное в понятие схватывается разумом как часть, в то время как ранее оно могло ошибочно восприниматься как нечто целое. Расширение границы вещей и понятий есть динамический процесс развертывания единой сущности, наглядно демонстрирующей то общее, что изначально присутствует в двух (или нескольких) до определенного момента различных вещах. Так, понятие «зверя» включает в себя тигров, зайцев, мышей, индюков, слонов и т. д. «Звериность», "зверскость" обнажает свою универсальность через охватывание всех видов и разновидностей животных существ, которые сами при этом переходят от частного к общему.

Так же и в государстве. Племя или род имеют свои территориальные, культурные, лингвистические и др. границы. Эти границы расширяются, простираясь до понятий «народ», "нация", «государство». И наконец, высшей формой государства является Империя. Ее границы огромны, они включают в себя максимально возможное число естественных человеческих образований — в ней есть место племенам, родам, культурам, религиям, нациям, этносам, и даже, в некоторых случаях, подобиям самостоятельных государств (провинции, доминионы и т. д.). Империя в каче-

стве государственного устройства есть высшая категория, сравнимая с наиболее священными и всеобъемлющими гносеологическими понятиями — такими, как «Бог», "Истина", «Благо» и т. д. Поэтому столь устойчивым является понятие "Священной Империи". Святость Империи проистекает из *качества* ее границ, которые должны заключать в себе некоторую абсолютную, универсальную весть, некоторую глобальную миссию, которая и составляет сущность имперского государства как исторической и национальной общности. По этой причине границы Империи напрямую связаны с ее основополагающей богословской ориентацией. Римская Империя и ее границы несли в себе один смысл; Империя Александра Великого — другой; арабский халифат — третий; Византия — четвертый; Русь — пятый и т. д. От осевой миссии Империи зависело и качество границ — морские, речные, сухопутные, горные, степные, пустынные... Высшая идея Империи как бы выплескивалась в ланшафт и структуру границ. Исследование перехода от сухопутных границ к морским позволяет проследить динамику духовного и социального развития общества, и даже подчас объяснить важнейшие религиозные, культурные и экономические трансформации. Так, только после объединения всех земель в унитарном государстве Англия осознала себя Островом, сменила религию, перешла к морскому существованию и положила начало капитализму и индустриализации[8]. Движение от клана к Империи есть не политический, но духовный процесс, лишь отраженный в земной реальности. По мере экспансии границ и включения в единое геополитическое пространство различных ланшафтов, цивилизаций, религий и этносов происходит обнаружение некой новой, более универсальной Идеи, скрывавшейся ранее под калейдоскопическим многообразием множественности.

3. Тамплиеры Великой Стены

На основании прямой связи священного смысла Империи с ее границами в традиционной цивилизации формировались военнизированные отряды пограничников, воинов, призванных охранять дальние пределы государства. Наиболее явно прослеживается эта связь в рыцарском ордене Храма, у тамплиеров, которые были воинами-монахами, носителями особого универсального знания. Это эзотерическое знание заключалось в тайне общих пропорций, которые могли соединять воедино различные регионы феодального средневекового Запада, включая ближневосточные земли. В символизме ордена тамплиеров встречаются не только древнейшие дохристианские мотивы, связанные с сакральной географией Европы, но и доктрины, почерпнутые из

эзотерического ислама, особенно из суфизма и гетеродоксального шиизма. Неслучайно подавляющее большинство тамплиерских коммандорств располагалось рядом с мегалитическими памятниками, восходящими к цивилизациям более далеких эпох. Орден Храма соединял Север и Юг, прошлое и будущее. Тамплиеры выполняли важнейшую функцию, храня секреты единства Запада. Одновременно их понимание ислама открывало возможность истинно имперской экспансии за пределы Европы, к югу и юго-востоку. Увеличивая свою эзотерическую компетентность, члены Ордена потенциально готовили расширение Государства, Западной Римской Империи. И неслучайно вместе с уничтожением Ордена Филиппом Красивым распалась навсегда Единая Европа. Линия гибеллинов и Штауфенов проиграла гвельфам, Ватикану и раздробленным национальным государствам, подобным централистской и абсолютистской Франции.

Тамплиеры и их аналоги в иных цивилизациях были щитом от проникновения в Империю нижних сил ада, гогов и магогов Библии. Они защищали священную цивилизацию от потоков разложения и болезни. Именно в этом состояла цель построения Александром Великим "железной стены". Тот же священный символизм лежит в основании Великой Китайской стены, а также древних укреплений на северных рубежах Римской Империи. Когда Орден пограничников разлагается, основы имперского единства подтачиваются, силы хаоса проникают в цивилизацию, начинается распад и новое вавилонское смешение языков. Гибель Империи есть катастрофа ордена, ответственного за охрану границ (и в физическом и в магическом смыслах).

Блестящая иллюстрация магической природы пограничной службы дана в фильме "Пустыня Тартари". В нем загадочный чисто мужской коллектив (Mannerbund) пограничников ожидает наступления врага, воображаемого врага, вера в существование которого воспринимается самими пограничниками как навязчивое коллективное безумие. От внутреннего напряжения они гибнут один за другим. Лишь последний из них, изможденный предчувствиями и видениями, получает награду: удосуживается участвовать в подлинном чуде, когда воображаемые враги становятся явью, и их дикие орды на самом деле нападают на почти беззащитную, потерявшую людей крепость. Последний тамплиер против орд гогов и магогов.

4. Киноцефал

Советская Империя была империей в полном смысле. Она была объединена общей универсальной идеей — идеей Социализма, в которой воплотилась изначальная русская воля к Правде и Спра-

ведливости. Советское было легитимным продолжением Русского и Православного, только более универсальным, более общим, более глобальным. Архетип мистики границ был вполне аналогичен традиционному представлению о роли тамплиеров, стражей порога. Советский период был изначально наполнен глубоким эзотеризмом, который, впрочем, редко выражался в рациональном, открытом и законченном виде.

Для того, чтобы различить следы тамплиерского элемента в концепции пограничных войск СССР, обратимся к наиболее банальной ассоциации — "пограничник и его верный пес". Пес не просто инструмент защиты государственной границы. Он — нечто большее, он — символ. Символизм собаки в Традиции тесно связан как раз с идеей границы в самом широком смысле, в том числе и в метафизическом. Собака охраняет дом, находясь на кромке между внутренним и внешним. Это животное — воплощение "стража порога", оккультного персонажа, миссия которого заключается в сохранении самотождества вещи. Но вместе с этим собака символизировала *переход* через границы, поэтому она сопровождала в шаманских ритуалах душу умершего в потусторонние миры. Иными словами, собака и есть животное воплощение бога Terminus, бога-границы. Отсюда древнейший миф о происхождение людей от псов. У монголов и тюрков говорится о том, что родоначальниками их племен были "желтые псы". То же поверье сохранилось у многих северо-американских индейцев. У кельтов главный герой национального эпоса — Кухулин, чье имя означает "пес Куланна". Даже в христианстве есть представление о собаке как о священном символе. Так, у Данте veltro, «гончая», означает загадочного провозвестника Второго Пришествия и одновременно "гибеллинского императора" (и вновь связь с Империей!). А монахи католического ордена святого Доминика расшифровывали свое название «доминиканцы» как "Domini canes", "псы Господни". Тот же смысл был и у египетских киноцефалов, божеств с псиными головами, особенно Анубиса, "водителя мертвых". Сюда же относится и греческий Цербер. Данный символизм обнаруживает следующую картину. Пограничник (современный аналог тамплиера) не просто хозяин своего пса, которого он использует, но в духовной перспективе сам становится проекцией Священного Пса, воплощением Анубиса, киноцефала, "желтого пса". Животное и человек как бы меняются местами. Человеческая индивидуальность отступает перед лицом высшей магической функции. Личность растворяется в мистерии границы.

Не орел, но Песья Голова должна быть эмблемой пограничных войск, печатью неотамплиерского отряда. А это, в свою очередь, заставляет вспомнить символические атрибуты опричников

Ивана Грозного...

5. Реквием

Падение Империи не просто социально политическая катастрофа. Это катастрофа духовная. Вместе с сокращением границ происходит распад органической идеи, оживлявшей государство. Удар наносится по высшим философским сферам. Части теряют понимание принадлежности к целому, отпадают от животворного центра, отмирают и вырождаются. Падение границ — это падение понятий, идей, умственное замутнение. Это кровь и смешение языков. Это глубинная катастрофа той священной фигуры, которой является пограничник. Силы ада проникают внутрь нации; вор забирается в дом; раздор и отупение нападают на народы. Песеголовый бог Terminus теряет сознание, удаляется. Хаос духовной ночи нисходит на людей.

Империя — это добро, воплощенное в бескрайних границах. Конец Империи — зло, проявляющееся в сломе границ. Это предательство национальное, государственное, но не только. Воины, павшие на границе, тамплиеры Советской Идеи, предаются своими последователями, своими потомками. Но их магическое действо изначально сопряжено с таинством мысли. Крах границ немедленно провоцирует кризис философии. Хаос гогов и магогов проникает в разум. К власти в стране приходят идиоты.

Падает бастион духа.

Двери ада открыты.

В щели в великой стене лезут орды врагов...

Все потеряно.

Но брошенные и проданные, одинокие и забытые, последние пограничники Империи несут свою службу на делеких постах. Потерянные в хаосе островки Порядка. Бессмысленные отныне хранители останков некогда воистину Великой Стены.

Забытые на своих полуразбитых заставах, как моряки Бодлера. Но пока еще, как пес святого Доминика, они испускают из своих легких огненные всполохи гнева. Трассирующие пули в свет, ставший мраком.

"Пламенный воздух". Эрнст Юнгер писал о нем:

"Пламеннный воздух необходим душе, чтобы не задохнуться. Этот воздух заставляет умирать день и ночь в полном одиночестве. В тот час, когда молодость чувствует, что душа начинает расправлять крылья, необходимо, чтобы взгляд ее обратился прочь от этих мансард, прочь от этих лавок и булочных; чтобы она почувствовала, что там, далеко внизу, на границе неизвестного, на ничейной территории, кто-то не спит, охраняя знамя, и на самом далеком посту есть часовой."

Мертвый или живой, с головой пса или человека, во сне или наяву на обрубках границы стоят «наши». Они последние, кто думают за всех. Стражи проданной Идеи. Хранители ничейной территории. Часовые самых далеких постов.

В них бьется пульс мира, нашей России, которая воскреснет в миг такого сладкого, такого близкого Судного Дня.

Статья написана в 1995 г., впервые опубликована в 1996 г.

ПЕНТАГРАММА

"Друзья подарили мне спрута,
И глядя сквозь пьяный угар,
Я лишние щупальца срезал -
I'm a madman for five pointed star"

Е. Головин

Символизм свастики, взятой в качестве основного знака нацистами, разбирался многими авторами. Свастика означает полюс, центр, неподвижную точку вечности. Это известно, и на основании разбора символизма свастики строят свои теории относительно мистической ориентации национал-социализма как его противники, так и его сторонники. Странно, но аналогичных исследований символизма "красной звезды", основного знака большевизма, почти нет. Может быть, внешний атеистический и материалистический догматизм коммунистов отталкивает эзотериков. На самом деле, звезда заслуживает не меньшего внимания, чем свастика, и ее связь с мистической сущностью коммунизма так же показательна, как и в случае национал-социализма.

1. Stella Maris

Звезда, в Традиции, означает сакральную множественность, которая в богословских терминах может называться "ангелическим воинством". На древнееврейском термины «воинство», "ангельское воинство" и «звезда» часто сводятся в одно понятие «zaba», от которого произошло часто употребляемое в "Ветхом Завете" имя Бога — "Elohim Zabaoth", "Господь Саваоф", т. е. "Повелитель (небесных) Войск" или "Господин Звезд"[9]. Звезды — это многообразные персонификации божественного света. Если солнце и луна — это только два небесных светила как два архетипа двух полов, двух универсальных полюсов космоса, то бесчисленная множественность звезд символизирует множество населяющих мир живых существ как рассыпанных по материи частиц трансцендентной полноты Истока.

В некотором смысле, звезда — это душа человека, его световой небесный корень, его высшее «я». Такая связь звезд и людей ясно

осознавалась в китайской традиции, где прямо утверждалось, что смерть человека (по меньшей мере, великого человека) сопровождается падением звезды. На той же самой идее основано магическое понятие "индивидуальной души" как "звездной субстанции", "сидерического тела". В современном оккультизме, заимствовавшем (хотя и в искаженном виде) древнюю розенкрейцеровскую традицию, говорится об "астральном плане", т. е. о внутренней реальности души, сотканной из звездного света. В исламском эзотеризме и у Парацельса можно встретить теорию, что люди приходят в мир через отверстия в небесной тверди, видимые нами как звезды, и через эти же отверстия они покидают материальный космос. При этом глубинное, ангелическое «я» человека как бы облекается в более плотную, полуматериальную субстанцию, которая служит промежуточной инстанцией между этим «я» и телесным организмом. В алхимии та же «сидерическая» реальность называется «меркурием» или «ртутью», и ее символом также является звезда. Более того, вся герметическая традиция, восходящая к египетскому Гермесу Трисмегисту (как мифологическому основателю) и греческому Гермесу (как богу-посланнику, богу-проводнику, посреднику между землей и небом), подробно исследует именно этот "субтильный план", связанный со звездами и их невидимой "материей".

Современный алхимический автор Эжен Канселье, ученик легендарного Фулканелли, заметил, что у алхимиков часто встречается символика "морской звезды". В этом он видит лаконичное резюме всей герметической космологии. Дело в том, что «меркурий» или «ртуть» есть то промежуточное пространство, которое находится между миром плотных форм, тел и сферой Принципов, чистого Света. Эта «ртуть» называется также "водой философов" или "алхимическим морем". На дне этого «моря» пребывает морская звезда, как сгущенный дубль высшего «я», которое светит над поверхностью воды. "Морская звезда", stella maris, это нижний полюс души, а ее верхний полюс — это настоящее небесное светило, порождающее своим лучем подводное, донное человеческое существо. Соединение этих двух звезд в одно — есть смысл герметического пути и "превращение черной магнезии философов" в "красный порошок".

2. Два лика "денницы"

Есть в Традиции и более централизованная персонификация звезды, Звезда по преимуществу. Фигура "третьего небесного света" наряду с солнцем и луной. Это утренняя звезда, называемая «денницей», а на латыни «Люцифером». Греки считали, что эта звезда связана с богиней Любви, Афродитой, Венерой. Древние

германцы отождествляли ее с златовласой Фрейей, паредрой Одина и праматерью ариев. Эта звезда имела двойственное значение, как всякий женский персонаж традиционной мифологии. Венера появляется на небосклоне два раза в течение суток — сразу перед восходом солнца и сразу после его заката. Она как бы предвосхищает траекторию божественного светила, посвящает существ вселенной в его тайный путь. Как утренняя звезда Венера позитивна. Как вечерняя — несет в себе скорбь ночного мрака. Но важно, что это одна и та же звезда, одно и то же существо, выступающее, однако, в двух противоположных функциях. Тема "падшего ангела", бывшего первым в небесной иерархии, в богословском аспекте отражает этот сакральный смысл. Отсюда отождествление "падшего ангела" иудаизма с римским Люцифером. Роль Евы, первоженщины, в грехопадении также имеет к этому самое прямое отношение. "Утренняя звезда", «денница» чаще всего выступает именно как женское божество, богиня Любви и эротики. Вместе с тем Апокалипсис использует термин "утренняя звезда" и в позитивном смысле. Сам Христос говорит: "Побеждающему дам звезду утреннюю". Так что однозначно негативная трактовка этой темы явно неудовлетворительна. Кроме того, есть в христианстве и другая звезда — Вифлеемская, знак рождения Спасителя мира. Эта звезда волхвов есть провозвестие грядущего, вместе с божественным младенцем, Воскресения мира.

Утренняя-вечерняя звезда — это общий архетип любой звезды, любой души. В каждом человеке, в его глубине сосуществуют два начала — солнечный центр сердца и обвивающий его змей сосущего мрака. В любом есть головокружительный вектор падения и воля к восстановлению светового достоинства. Так что звезды-души, "морские звезды" имеют самое прямое отношение к символизму «денницы». По этой причине душа часто изображается в образе женщины, Жены. Строго говоря, «венерическими» следовало бы называть душевные заболевания, а не телесно-половые.

Венера (Люцифер) двойственна и едина одновременно. Двойственна функционально и едина субстанционально. Точно так же, как люди, как их души, сплавленные из лучей загадочных ночных свечений.

3. Книга барона Чуди

Звезда, особенно "пылающая звезда" — символ более всего характерный для масонства. Известный масон Чуди назвал так свой объемный труд. Как легко понять из всего остального, этот образ должен иметь отношение к какой-то промежуточной реальности, двойственной и находящейся между телесно-материальным и небесным. Так оно и есть: пятиконечная звезда в масонстве явля-

ется отличительным знаком второй степени — «подмастерья» или «товарища», "компаньона". Этот градус означает большее, чем «ученик», но меньшее, чем «мастер». Это звездная или «астральная» степень. Интересно заметить, что даже в ортодоксальном (т. е. чисто мужском) масонстве, не говоря уже о «египетских» и смешанных обрядах, эта вторая степень и посвящение в нее сохранили следы давно забытого символизма, связанного с женским началом. В ариософских ложах, реформированных в соответствии с германской мифологией, инициация во второй градус однозначно связывалось с мистерией брака и ритуалом подчеркнуто эротического характера.

Пылающая звезда — это человек, осознавший и реализовавший свою световую природу, но еще не достигший неподвижного центра небес. Это — половина пути, земной рай, промежуточный между материальным невежеством и раем небесным, лежащим по ту сторону тверди. Звезда означает огромное духовное свершение, но еще не гарантирует счастливого завершения пути к Абсолюту. Возможность падения еще не исключена. Но даже эта мрачная перспектива не сможет лишить посвященного особого внутреннего качества, резко отличающего его от профана. Человек, познавший мистерию "морской звезды", даже если ему не удалось выплыть, никогда не вернется к невинности безвозвратно утраченного невежества. Поэтому некоторые темные секты используют символизм звезды как свой отличительный знак, особенно перевернутую пентаграмму.

Но не следует упрощать значение этого знака, даже если он не является указанием на высшие аспекты духовной реализации. Оккультисты часто склонны банализировать значение этой первой стадии «делания», а сами масоны порой не догадываются, какими глубинными потрясениями в нормальном случае должны сопровождаться те ритуалы, которые они сплошь и рядом рассматривают как экзотические жесты или моральные аллегории. Человек-звезда, «товарищ», "компаньон" — это "новое человечество", безусловная элита, обратившаяся вспять от телесной инерции профанизма и поднявшаяся из ада бытийно периферийного существования. Это «последние», ставшие «первыми». Полноценная реализация инициатических возможностей этого эзотерического плана должна давать человеку ни больше ни меньше, как «бессмертие», т. е. непрерывность сознания независимо от того, существует ли человек в теле или без него. При жизни это чаще всего проявляется в способности полностью сохранять внимание во снах, что дублируется ясным осознанием сновиденческой ткани, скрытой для обычного бодрствующего человека под покровом материи. Исходя из двойственной природы данного

плана, легко понять двусмысленность такого «бессмертия», способного иметь как позитивные черты (святые), так и перерodиться в вампиризм. Звезда это не центр в абсолютном смысле, но центр в смысле относительном. На уровне земли она связана с Центром Мира.

4. Нордический матриархат

Отвлечемся от эзотеризма на некоторое время. Удивительно интересную интерпретацию символизма пятиконечной звезды дал Герман Вирт. Он обратил свое внимание на то, что в народном немецком языке пентаграмма называется "ведьминой лапой" или «Drudenfuss». Вирт утверждает, что «Drude», "ведьма" — это искаженное слов «Thrud» эпохи скальдов, т. е. имя матери бога Тора. Об этой богине почти ничего не известно. Вирт полагает, что ее смысл практически исчерпывается пентаграммой как сакральным календарным символом, обозначающим зимнее солнцестояние, Новый Год, Юл. Исходя из теории полярного происхождения человечества, которую он блестяще развил в своих трудах, Вирт выдвигает гипотезу, что эта пентаграмма, пятиконечная звезда или ее символический эквивалент (ладонь или ступня), обозначала иероглиф года (шестиконечную руну хагель) без нижней черты, указывающей на юг, где солнце находится в середине зимы в полярную ночь. Отсутствие этой черты есть указание на то, что солнце зимой там вообще не встает. А раз так, то географически это становится синонимом Арктики, полярной прародины, древнего града «Вара», о котором говорит Зенд-авеста, и который лежал, согласно ей, на крайнем Севере.

В этой символической цепи отождествлений между пентаграммой, полюсом, Арктикой, индоевропейскими народами, символизмом руки (ноги), сакральной центральностью середины зимы (Нового Года) и женским божеством воплощается основная идея всей теории Вирта. Он утверждал, что человечество на заре своей истории пребывало на полюсе; что его социально-политическим устройством был матриархат (культ Белой Богини); что письменность развилась из календарных знаков, которые, в свою очередь, есть метафизические и геометрические формы, наблюдаемые в течение всего полярного года; что символизм всех религий и традиций сводим к единой первооснове фонетического, иероглифического и концептуального свойства.

Все это воплощалось для Вирта в символе пятиконечной звезды и свастики, а также поднятой руки. Очень показательно, что Герман Вирт был основателем организации «Аненербе» при Гитлере (хотя он был изгнан с поста под давлением Розенберга, сторонника арийского патриархата), но вместе с тем симпатизиро-

вал коммунизму, считая, что эпоха патриархата как подавления изначальной нордической сакральности Белой Дамы закончилась в 1917 году, благодаря успешной большевистской революции! Звезда совпала со свастикой, как символ Полюса, высокого Норда.

5. "Товарищ, верь, взойдет Она..."

Как звезда стала символом большевизма? История говорит, что формально это дело рук Троцкого, который, будучи членом ложи "Великого Востока" и автором большой (утерянной им во время революционных авантюр) монографии по масонству, сознательно предложил эту эмблему большевикам, прекрасно отдавая себе отчет в ее эзотерическом смысле. Как бы то ни было, это не могло быть частной инициативой отдельного человека, так как смысл символа и спиритуальная подоплека крайне левых движений были тесно связаны задолго до Троцкого и Ленина. Когда читаешь историю французского социализма, возникает ощущение, что речь идет о справочнике по оккультизму. И наоборот, описание эзотерических организаций Европы XIX века производит впечатление материалов по политическому радикализму. Одни и те же имена: Бланки, Кабе, Йаркер, Леру, Маккензи, Элифас Леви, Фабр д'Оливе, Фурье и т. д. Масонерия и политическая утопия. Розенкрейцеры и герметики, переплавляющие свинец тела в золото духа, и марксистские идеи превращения пролетариата в философский камень социальной революции и обретения "красной пудры" коммунизма.

Реинтеграция, "новое человечество", "земной рай", человек как посредник между небом и землей, посвященный, заменивший абстрактные догмы деизма животворным опытом личной духовной реализации. Революционный гуманизм вытекает из инициатических доктрин, и следы этих доктрин сохраняются в знаках, языке, эмблемах, совпадениях, навязчивом повторении одних и тех же сюжетов, ритуалов, жестов. О сущности большевизма и революционного социализма пентаграмма говорит больше, чем все исторические материалы съездов, расколов, предательств и фракций. Большевизм — это идея "нового человека", человека-звезды, волевым усилием поднявшегося над тьмой бессознательности. Не столько выродившаяся аристократия или фарисейский клир — главный враг большевиков. Буржуазный профанизм, царство количества и денег — вот против чего восстали коммунисты. Пролетариат — символ первоматерии философов. "Я черна, но я прекрасна", — говорит София в Псалмах Давида. Это — "chose vile", та "грубая вещь", которая для алхимиков ценней золотых слитков. Красные звезды зажигаются над Кремлем, центром

Третьего Рима, Третьего Интернационала. Это — образ центра мира, полюса. Под знаком звезды ширится социалистическое государство, встают новые города, поднимаются в воздух люди-авиаторы, движутся по льдам сталинские полярники, уходят в Тибет отряды НКВД. Ладонь, знак Белой Богини, встречающаяся на самых древних пещерных рисунках, как Революция-Реставрация "пещерного коммунизма", как древнейший завет, золотом вспыхивает на огненном знамени большевиков.

Сбылось пророчество Пушкина, написавшего своему брату по ложе, знаменитые слова, воспевающие Пентаграмму.

Статья написана в 1997 г., впервые опубликована в ж-ле «Элементы» № 8 (досье «Национал-большевизм») 1997 под псевдонимом "Леонид Охотин".

Часть 6 Магия Хаоса

ЧЕЛОВЕК С СОКОЛИНЫМ КЛЮВОМ

(эссе об Алистере Кроули)

1. Шум волн Чефалу

На рок-музыке, психоделике, панке, рэйве, техно выросли уже целые поколения. Легко воспроизвести мелодии, которые крутили тысячи, десятки тысяч раз. Труднее со словами. Из поклонников рока во всем мире английский знает лишь каждый сотый. Разбирать слова способны и того меньше... А о глубинной подоплеке рок-культуры в более широком смысле, о странных мистических теориях, стоящих за ней, о тревожных таинственных персонах, к которым тянутся невидимые нити ее происхождения, знают вообще единицы.

На конверте Beatles "Sergeant Pepper's..." есть среди других уважаемых группой людей один персонаж, с тяжелым взглядом и массивным лицом. "Высший неизвестный". Темная личность. Это его поместье недалеко от озера Лох-Несс купил Джимми Пэйдж, его поклонник и фанат. Идеи этого человека вдохновляли "Rolling Stones" в эпоху их альбома "Their Satanic Majesties", когда они дружили со странным режиссером Кеннетом Энгером и наряжались в эсэсовские костюмы. Его считали своим духовным учителем Артур Браун, Стинг, Дэвид Боуи... Но его абсолютный культ в радикальной музыке начинается с Дженисиса П. Ориджа, "Psychic TV" и "Throbbing Grisle". Несколько сотен групп, вышедших из этого направления и известные как "dark wave", сделали из изучения этого загадочного человека необходимый компонент своего творчества. Звук его голоса микшировался и сэмплировался, его книги перекладывались на музыку, его ритуалы инсценировались. Недавно даже выпустили компакт с записью шума прибрежных волн недалеко от Чефалу — того места, где он одно время жил и основал раблезианско-тантрическое аббатство "Телема".

Посвященные уже догадались о ком идет речь... О Звере, об очень большом Звере (To Mega Therion).

2. Первертный посвященный

Эдвард Александр (Алистер) Кроули родился 12 октября 1875 года в Лимингтоне (Уоруикшир) в семье протестантского проповедника из секты "Плимутских братьев". С детства перед глазами — аскетическое неистовство отца, проповеди, усмирение плоти,

религиозная экзальтация. Пуританское подавление всех телесных влечений было основным мотивом воспитания. Этот экстремизм ("нет" всякой эротике вообще"), столь свойственный англосаксонской культуре, позже обернется своей противоположностью — "да любым формам эротического опыта". Напомним, порнография появилась именно в тех странах, где социальные табу на сексуальные сферы были наиболее сильными.

В Кэмбриджском университете Кроули сталкивается с небольшой группой эстетов и оккультистов, вдохновленных декадансом, Уайльдом и Рескином. Здесь богатый, талантливый, изысканный и помеченный утонченной красотой юноша становится всеобщим кумиром. Несмотря на свою женитьбу на Розе Келли он не ограничивает круг и половую принадлежность своих бесчисленных возлюбленных. Он много путешествует, покоряет наивысшие вершины мира, посещает Египет, Россию, Скандинавию, Францию, Мексику. Это жизнь дэнди, интеллектуала, альпиниста, мистика, поэта, искателя приключений. В 1896 году в Стокгольмском отеле Кроули переживает первый опыт озарения. Он осознает, что призван к важному магическому пути. В скором времени он сталкивается с той оккультной организацией, которая утвердит его на этом пути и вооружит тайными знаниями. "Golden Dawn in the Outer", знаменитый "Орден Золотой Зари", самая загадочная и могущественная организация западной магии. В этот орден входили такие знаменитые люди, как Уильям Ейтс (нобелевский лауреат), Мод Гонн (вдохновительница Ирландской Освободительной Армии), Констанция Уайльд (вдова Оскара Уайльда), актриса Флоренс Фарр (муза Бернарда Шоу), сестра философа Бергсона Мойна Бергсон (жена главы "Золотой Зари" Самуила Мазерса).

В ордене Кроули узнает об инициатическом использовании наркотиков, об особых магических ритуалах и практиках, о таинственных учениях каббалы, розенкрейцерства, йоги, алхимии и оперативной магии. В своем поместье Болескин на берегу Лохнесского озера он проводит таинственные опыты по вызыванию "ангела хранителя". Сложнейшая подготовка длится 6 месяцев, но операция оканчивается провалом. Лишь через несколько лет, в Мексике, при странных обстоятельствах это явление происходит спонтанно (и откладывает на жизнь Кроули неизгладимый отпечаток).

В 1904 Кроули во время своего пребывания в Каире получает особое откровение. Страшная "претергуманоидная сущность" — "демон Айвасс" — выбирает его носителем нового знания и глашатаем нового века, нового эона, "эона Гора". Кроули осознает себя "Зверем 666", о котором говорит Апокалипсис и выбирает

своим инициатическим именем "To Mega Therion", "Великий Зверь".

С этого момента, вплоть до своей смерти в 1947 году, Алистер Кроули выполняет важнейшую миссию — распространяет свое учение. Главное в нем — знаменитая "Книга Законов", продиктованная Айвассом. Первый из этих законов — "Делай, что хочешь, это и будет твоим единственным законом" ("Do what thou willst, that will be the whole of the law"). Кроули не очень меняет свои привычки — внешне все остается прежним — оккультные практики, безудержные сексуальные связи всех разновидностей, литературные опусы, наркотики, стихи, альпинизм, ироничные зрелища, призванные напугать профанов, контакты с сильными мира сего. Но все это озарено особым тревожным светом, проникнуто особым значением. "Зверь 666" не просто человек. Он — глава инициатической организации Astrum Argentum, к которой, по утверждению Кроули, принадлежали "невидимые братья", управлявшие человеческой историей посредством оккультных орденов прошлого. Кроули шлет "Книгу Законов" Гитлеру, Ленину, Черчиллю, знакомит с ней Троцкого. Его агенты и ученики действуют в самых различных сферах: капитан Джон Фуллер, его адепт, оккультист и главный английский стратег в вопросе танковых операций, работает в среде консерваторов; Марта Кюнцель, яростная национал-социалистка, обрабатывает Гитлера и его окружение; Уолтер Дюранти, единственный западный журналист, обласканный Сталиным, действует в Москве. Кроули находится в центре мирового заговора, ткет паутину нового эона. Женщины, наркотики, магические операции, политические интриги — все это сопровождает учителя «Териона» до конца жизни. Многие из тех, кто сблизился с ним вплотную, потеряли рассудок. Большинство его бывших жен и некоторые любовницы после расставания попадают прямиком в психиатрические клиники. Черное учение и страшные практики пугают не только профанов, но и самих оккультистов. Будучи некоторое время носителем высших масонских чинов, Кроули постепенно изгоняется отовсюду; «братья» пугаются его учений и стесняются его морального облика. Вторая мировая война и ее ужасы заставляют прессу Запада забыть об этом странном персонаже, имя которого практически не сходило с полос под рубрикой "Скандалы".

Он умирает почти незаметно 1 декабря 1947 года от бронхита и сердечной недостаточности в 72 года. За этот период (с момента рождения Кроули) точка весеннего равноденствия сместилась ровно на 1 градус. Астрологически безупречная смерть.

3. Наука Зверя

Учение Алистера Кроули в самых общих чертах выглядит так.

Цивилизация развивается в согласии с некоторыми циклами, каждый из которых определяет религиозный и культурный уровень человечества. Каждый цикл длится приблизительно 2 000 лет, что совпадает с переходом одного из 12 созвездий Зодиака в новый сектор. Нынешнее человечество живет в конце "эона Озириса", что характеризуется "архетипом умирающего и воскресающего бога". Этот «эон», цикл, характерен патриархальной этикой и представлением о божественности как о чем-то отвлеченном и моральном. Закон этого цикла требует от человека аскетизма и отказа от собственной воли. Но все это заканчивается. Близится следующий цикл — "эон Гора", сына Озириса. В этом периоде будет иная религия и иная культура, основанные на новой этике. Теперь «божество» будет внутри человека ("каждый мужчина и каждая женщина — это звезда", гласит важнейший закон Кроули), а не вне его. Поэтому никаких ограничений не будет, и наступит царство тотальной свободы. Самого себя Кроули считал "пророком эона Гора", который должен известить человечество о наступающих переменах. В своих письмах в Москву к Дюранти, он выдвигает идею своего приезда в Советскую Россию Сталина, чтобы "принять чествования народа, который разрушил храмы старого бога прошлого эона и водрузил пятиконечные звезды магии на своей святыне — Кремле".

Между двумя эонами существует особый период — "буря равноденствий". Это эпоха торжества хаоса, анархии, революций, войн, катастроф. Это волны ужаса, необходимые, чтобы смыть остатки старого порядка и расчистить место для нового. Согласно доктрине Кроули, "буря равноденствий" является позитивным моментом, который служители "эона Гора" должны приветствовать, приближать и использовать. Поэтому сам Кроули поддерживал все «подрывные» тенденции в политике — коммунизм, нацизм, анархизм, предельный национализм освободительного толка (особенно ирландский). Кстати, у истоков этих движений также стояли секретные организации, часто довольно законспирированные, так что путь к реализации политических проектов у магистра Териона был довольно простым и открытым — стоило лишь убедить в своей эзотерической правоте некоторых оккультистов, и влияние на политику было обеспечено. Вместе с тем, Кроули очень высоко ценил современное искусство как метод реализации "бури равноденствий". Бунтарское, лишенное границ и эстетических принципов, предельно индивидуалистическое и анархическое, оно несло в себе, согласно Кроули, все зародыши гибели нынешней цивилизации, будило извращения, магию фасцинативного безумия, эфемерный деструктивный нарциссизм.

Многие считают Кроули «сатанистом», и его апелляции к Апокалипсису дают для этого основания. Однако дело несколько сложнее. Сам Кроули считал, что Апокалипсис — это подлинно пророческая книга, которая совершенно точно описывает конец цикла, но дает ему моральные оценки с позиций самого христианства, т. е. той религии, которой суждено, по его мнению, исчезнуть вместе с концом "эона Озириса". Следовательно, делает он вывод, негативные персонажи Апоклаписиса не так уж негативны, если взглянуть на них с позиций иного, нового эона. Тогда Вавилонская Блудница и Зверь предстанут пророком и его женской ипостасью, а не просто жалкими «сатанистами». Надо заметить, что в нехристианской перспективе (языческой, индуистской и т. д.) такой подход к расшифровке Апокалипсиса мог бы быть вполне оправданным. Кроули пребывал в оккультистской среде, далекой от христианства и зачарованной Востоком и герметизмом; в этой среде ничего особенно «дьявольского» в Кроули до поры до времени не находили. Так, даже традиционалист Юлиус Эвола (далекий от христианства) считал «сатанизм» Кроули лишь эпатажем эзотерика, следующего "путем левой руки".

"Эон Гора", как его описывает Кроули в "Книге Законов", очень напоминает не только оккультистские утопии теософов и современных поклонников "New Age", но и то будущее, которое виделось Гитлеру и некоторым социалистам. Эзотеризм, культура, авангардное искусство, психоделика и радикальная политика были тесно переплетены в личности Алистера Кроули. В каком-то смысле он может быть назван символом XX века. Мистик-бунтарь. Революционер-политик. Дэнди-альпинист. Астролог-психоаналитик. Сексуальный извращенец и практик тантризма. Религиозный фанатик и циничный скептик. Мистификатор, актер, ищущий известности, и культиватор тайных знаний. Наркоман-практик и врачеватель.

Зверь.

4. Жестокая и кровавая птица

Есть ошибочная точка зрения, что молодежная контркультура, возникшая на Запада в 60-е вместе с рок-музыкой, — это сплошь левачество, гуманизм, либерализм, антитоталитаризм и soft. На этом фоне фашистские повязки "Led Zeppelin" или "Rolling Stones" кроулианского периода, а позднее, свастики первых панков казались громом среди ясного неба. Вместе с "dark wave" — Psychic TV, Throbbing Grisle, Sol Invictus, Coil, Death in June, Current 93, Monte Cazazza, Boyd Rice, Allerseelen etc. — «фашизм» (или, точнее, "нацисатанизм") уже откровенно захлестнул современную радикальную молодежь. На самом деле, черный пафос этого течения не так

уж далеко отстоит от бунта ранних хиппи. Просто по мере вырождения "революции слева" приходит время "революции справа". Кроулинский план выше партийных пристрастий и доктрин. Все доктрины хороши, лишь бы разрушить Систему, старый эон Озириса, остатки его былого могущества, выраженные в англосаксонской морали, в полицейской системе, в бюрократическом диктате.

Раньше влияние учения Кроули было опосредованным. Теперь оно становится прямым. Вот что говорит в своем интервью лидер группы Coil

Джон Бэлэнс:

"Лично я верю в пришествие века Гора, века Телемы. Но я также верю, что в начале должен прийти хаос, изменения и потрясения, водовороты. Хаотический переходный период. Жестокая и кровавая птица. Последний цикл системы ацтеков и кали-юга индусов должны вот-вот кончиться. Неудивительно, что ясные знаки конца начинают проявляться. Я думаю, что мы — как группа Coil и как личности — должны активно соучаствовать в этом. Нужно стремиться породить хаос и смешение, помочь уничтожению старого порядка, чтобы открыть путь новому эону."

Таково, кстати, происхождение модных chaos-party, этого порождения современных кроулианцев с откровенной наци-сатанинской идеологией. Причем в отличие от обычных узколобых неонацистов, реакционеров, преданных Системе, в данном случае, полностью отсутствует антикоммунизм и неприязнь к иным видам революционных идеологий.

Последователей Алистера Кроули можно найти в самых различных группах и движениях. Свободная любовь хиппи также является знаком тантрического кроулианства, как и идея о высшей расе господ-посвященных — "рабы будут служить и страдать", сказано в "Книге Законов". Гомоэротизм, наркотики, интенсивная оперативная магия, авангардная музыка, сверхизвращенные эротокоматозные практики, фосфорисцентная живопись безумия, политический экстремизм — все это подробно изложено, систематизировано, сконцентрировано, предрешено в учении «Телемы» Алистера Кроули.

Хотим мы того, или нет, знаем мы о том, или не знаем — мы все живем под его знаком, под его надзором, по его заповедям. Это касается всех, кто хоть в малейшей степени затронут страшным духом современного мира. "Незнание закона не освобождает от ответственности перед ним."

Кровавая и жестокая птица.

Сокол.

Египетский символ Гора.

Статья написана в 1995 г. для ж-ла «Ом», впервые опубликована в 1997 г.

ABSOLUTE BEGINNERS

1. Дэвид Боуи, посвященный

Дэвид Боуи известен как музыкант и актер; мало кто знает, что он является членом инициатической организации, исповедующей принципы "пути левой руки" и «телемизма». Поэтому не удивительно, что его песни, клипы и эстетические проекты имеют оккультное измерение.

Его песня "Absolute Beginners" — типичный образец такого многоуровневого «мессиджа», где эмоциональность и психологическая эстетика внешнего плана, скрывает эзотерическое ядро.

2. Подделка

"Absolute Beginner" — дословно "абсолютный начинающий" — словосочетание, содержащее в самом себе полное логическое противоречие. То, что является абсолютным — не «начинается», так как подлинно абсолютное, не имеет ни начала, ни конца, не возникает и не исчезает. И наоборот: то, что имеет начало — принципиально не абсолютно, но, напротив, относительно. Это философский аспект.

Есть противоречие и на чисто житейском уровне: попытка "начать с начала" у наших современников, их слабосильный и невыразительный протест против собственного вырождения, старения, оглупления, на фоне стремительно остывающей цивилизации, где энтропии, уже никто не противостоит и даже не пытается — в высшей степени сомнительны. Дети, точно по Гесиоду, рождаются сегодня с седыми висками и с колыбели норовят мыть машины и открывать счета в банках. Все признаки конца железного века. Какое уж тут "новое начало", да еще абсолютное…

Сам Боуи, несмотря на свою изобретательность и талант, вряд ли может всерьез претендовать на альтернативу. Он фасцинирует именно как декадент, как углубленный в тревожный нарциссизм перверт, как пожилой меланхолический англосаксонский извращенец, но совершенно не как герой или носитель «нового». В нем нет ни «абсолюта», ни «начала», скорее дурманящая экзотика разложения, аромат распадающейся плоти, укутанной в мондиалистские гаджеты.

Absolute Beginner — концепция, взятая Дэвидом Боуи из арсенала очень глубоких гностических доктрин. Она навеяла хорошую песню и странный клип.

3. Доктрина Звезды

Абсолютное Начало, которого нет и не может быть, тем не менее является осью запретного, героического знания, передаваемого по тайной цепи. Сквозь банальную статическую картину метафизики — внизу переменчивое относительное, вверху неизменное абсолютное — особая парадоксальная воля некоторых посвященных утверждала с риском для ума и жизни головокружительную, захватывающую перспективу. Есть нечто, что рассекает логический и религиозный дуализм — есть Вечное Начало, таинственный Луч, который «закрыт» с одной стороны, и «открыт» с другой. На этом луче все великие пропорции и соответствия трех миров теряют свой смысл. Верх и низ меняются местами, совершается невозможный немыслимый брак Небес и ада, о котором догадывался гениальный Блэйк.

Это называется "доктриной Звезды".

"Телемиты", последователи француза Рабле и англичанина Кроули (а именно от них Боуи позаимствовал концепцию своей песни, сам будучи членом братства О.Т.О), считают, что "звездой является каждый мужчина и каждая женщина". Воплощение конечности и относительности, явный видовой неудачник, заканчивающий свою историю полнейшей пошлостью Мирового Банка и Мирового Рынка, откровенная биологическая подделка под гордое и чистое ангелоподобное существо — человек, с другой ("телемитской") стороны, несет в себе «звезду», пылающий ледяной луч. Сквозь убогое месиво его тщедушной душонки бьет странный, невозможный, головокружительный свет.

Это свет Абсолютного Начала, того, которого не может быть.

4. Черные лучи

Почва уходит из-под ног. Ценности традиции настолько вырождаются и профанируются, что противостоять вялому нигилизму уже не в состоянии. Консерватизм и прогресс — два лика одного и того же процесса — дегенерации. От бурной некогда истории остались голод, похоть и полиция. Все знаки говорят о том, что мы предельно далеки от Начала. Как старого, так и нового. Пассионарность истрачена полностью.

Что же имеют в виду "телемиты", — чьи тревожные идеи весьма далеки от оптимизма нью-эйдж или пенсионеров-теософов, — когда утверждают за *каждым* парадоксальную возможность «звезды» — "нового начала"? Конечно же, речь идет не о вульгарном «обращении», "просветлении", "обретении истины" и т. д. Посмотрите, на этих «неофитов» всех религий и культов — затравленный взгляд, всполохи блаженной глупости, странная же-

стикуляция явно внутренне нездоровых тел... Они отходят, дергаясь и шипя, а отнюдь не обретают или зачинают.

Черный луч телемитской звезды скользит по иной траектории. Он не фиксируем извне, не схватываем привычными средствами. Он нарочито отпугивает и отталкивает, рядясь (провокационно) в ризы антиномизма. Он стремительно покидает того, кто хочет обратить преображающее наитие в систему. Он не поддается институционализации. Но он вечно и абсолютно мерцает в своем эоническом ритме вопреки воле циклов и сгущающейся массе темных эпох. Он сам выбирает себе формы и тела для проявления, стремиться к нему бессмысленно и бесполезно — его выбор произволен и неспровоцирован, не зависит от заслуг, достоинств и поступков, безразличен к "моральному облику" и успехам в дыхательных упражнениях.

Абсолютное Начало без пола, возраста, профессии, поста. Прорезающая завесу полоумного нагромождения атомов бритва кристального пробуждения.

5. Преданная альтернатива

Вопрос, на самом деле, центральный. No future — не просто броский тезис гротескного молодежного движения, которое к настоящему времени совершенно выдохлось. Тезис о "Конце истории", развитый Фрэнсисом Фукуямой, по сути то же самое, только взятое в оптимистическом soft ключе. Исчерпанность — основное открытие постмодерна. Триумф симуляции — радость нездоровая. Хитрые хищники электронной лжи настолько насилуют реальность, что окончат свое социальное манипулирование в кампании обезумевших машин. В конечном итоге, вся фантастическая литература XIX века стала технической банальностью в XX, того же вполне можно ожидать от XXI века. Особенно, если учесть, что большинство крупных фантастов (от Жюля Верна до Лавкрафта) были членами могущественных эзотерических организаций, активно участвующих в придании цивилизации заведомо заданного облика.

Никто из фантастов и футурологов "Нового Начала" не предсказывает. Прогнозы страшны, чем более далекое будущее — тем более оно выглядит чудовищным. И человек устремляется в ни от чего не спасающий нарциссизм, под лоскутные покрывала явно ложных и не успокаивающих формул. Как раскрашенные стервятники парят над развалом банкиры и телеведущие. Мертвые заклинатели трупов. Верить телемифам — превратиться в идиота; не верить — сойти с ума от одиночества (вокруг все верят). No star in sight.

Советская система как-то очень прохладно и тупо отнеслась к отчаянной попытке "новых левых" разработать альтернативную буржуазному строю идеологическую версию, путем модернизации (и пересмотра) традиционных антикапиталистических доктрин. Уютные аппаратчики поплевывали на отчаянные попытки нонконформистов вырваться к позитивному проекту. Уже тогда поняв неизбежный провал Совдепа, "новые левые" обратились к эзотеризму, гностицизму, другим (неортодоксальным для левых) дисциплинам.

По сходной траектории развивались и "новые правые", отбросившие шовинизм, ксенофобию и рыночность "старых правых", и открывших для себя ценности революции и социализма. Но всех «новых» — и правых и левых — совдеповские партократы (будущие «демократы» или "кэпээрэфники") обвинили в «нигилизме», а сами в скорости тупо рухнули раскормленными телами в похотливую гниль «реформ» и национального предательства. Снова, как тысячи раз в истории, настоящие нигилисты обвинили тех, кто стремился преодолеть нигилизм, в нигилизме.

Итог печален. Без помощи Москвы умные и честные, но бессильные «новые» были раздавлены Системой (Фуко, Делез, Дебор — самоубийство, у остальных естественная смерть или забвение) или выродились в "полицаев мысли" (Анри Бернар Леви, Глюксман, Хабермас и прочие подонки). Без болезненного духа огненного восстания сама Москва скатилась в силки Мирового Правительства.

Во всем никакого Начала, никакого намека, никакого шанса. В лучшем случае, надеются интеллигентные пессимисты, грядущая катастрофа пройдет сглаженно, как евтаназия. Что, в принципе, все «демократические» и «патриотические» издания имеют против "одномерного человека" Маркузе? Как «народ» в начале ницшеанского «Заратустры», возжелавший "последних людей", все сектора нашего общества с радостью остановились бы на "одномерном человеке", который возглавит "коалиционное правительство".

А песни Боуи слушали бы бывшие молодые люди (сейчас далеко за 30), потягивая пиво "Heineken".

6. Конец иллюзии

Альтернативы, Нового Начала, нет. Нет вовне (кругом подделки). Нет внутри (силы души остыли). И тем не менее, зреют гроздья гнева, плетутся сети заговора — мирового заговора против постылого настоящего.

Это заговор Звезды. В любом возрасте, в любом месте, в любом состоянии, в любое время, в любой ситуации, в любой позе —

"каждый мужчина и каждая женщина" могут *начать*, могут открыть Абсолютное Начало, пронзить себя черным Лучом, не имеющим конца, проходящим сквозь циклы и эпохи вопреки всякой логике, всякой внешней предрасположенности, всякой причинно-следственной системе. Любой жизненный импульс, любой страстный порыв, любое пронзительное состояние может внезапно перейти за грань, если сделается чрезмерным, необузданным, превышающим смысл. Жадность и щедрость, аскетизм и разврат, ревность и верность, злоба и нежность, болезнь и сытость могут стать Абсолютным Началом, страшным громовым аккордом Новой Революции, единой и неделимой, правой и левой, внешней и внутренней.

Только нельзя допустить того, чтобы после пика наступил новый спад. Интенсивность должна только повышаться, за кульминацией должна следовать еще большая кульминация, перегрев индивидуальности должен зажигать внешний мир пламенем восстания — того восстания, которое является (по Сартру) единственной силой, спасающей человека от одиночества.

Абсолютное Начало не зависит от объективности, для него нет понятий «рано» и «поздно», "здесь" и «там». Тем лучше, если "nothing much to offer, nothing much to take"...

Конец цикла — это, в конечном счете, конец иллюзии, как сказал Генон.

Песня Боуи, сопровождающая чтение "Книги Законов", горечь абсента, которого Кроули называл единственной инициатической субстанцией среди алкогольных напитков ("зеленая богиня"), неожиданный накат эрото-коматоза, прекрасный и болезненный фанатизм экстремистской политической ячейки, случайно упавшая тень, похожая на кельтский крест...

Абсолютное Начало на расстоянии вытянутой (левой) руки.

Статья написана в 1996 г., впервые опубликована в «Независимой Газете» 1996, воспроизведена в ж-ле «Элементы» № 8 (досье «Национал-большевизм») 1997 г.

ВРЕМЯ ЛЯПУНОВА

В новейшей физике, исследующей приоритетно "сильно неравновесные состояния" и хаотические системы, есть один технический термин — "время Ляпунова". Он обозначает тот период, когда некий процесс (физический, механический, квантовый или даже биологический) выходит за пределы точной (или вероятностной) предсказуемости и вступает в хаотический режим. Иными словами, траектория процесса подчиняется строгим закономерностям лишь до определенного момента реального времени.

За пределом этого момента «нормальное» время заканчивается и наступает парадоксальное "время Ляпунова" (или, точнее, "положительное время Ляпунова"). Характеристики этого «времени» очень любопытны. В отличие от обычного физико-механического времени, которое рассматривается классической физикой как принципиально обратимая величина (это означает, что время есть не что иное как статическая ось, дополняющая трехмерное пространство до четырехмерного; смотри школьную модель Эйнштейна), "время Ляпунова" течет необратимо, только в одном направлении, а следовательно, состоит оно не из раз и навсегда заданной траектории (в четырехмерном пространстве), а из «событий», т. е. совершенно непредсказуемых движений, являющихся произвольными, случайными, непериодическими. Процессы, которые протекают во "времени Ляпунова", называются хаотическими в противоположность процессам классической механики.

Можно проиллюстрировать это бытовым примером. Например, трое людей садятся выпивать. До определенного момента их поведение довольно предсказуемо: они обсуждают знакомых, друзей, жизненные проблемы, спорт, женщин, политику. Постепенно, по мере все возрастающего опьянения, в беседу начинают вкрадываться «шумы» (так современная физика называет несущественные помехи протекания процесса). Эти «шумы» могут выражаться в том, что отдельные пассажи повторяются подвыпившими людьми по несколько раз, психологическая ситуация накаляется, возникают споры, конфликты, атмосфера уплотняется. В какой-то момент картина достигает стадии бифуркации (это ключевой термин в "теории катастроф" известного физика Рене Тома). Это означает, что логика поведения пьяной кампании целиком и ее членов, взятых по отдельности, может произвольно пойти по одной из двух равновероятных траекторий. Например, двое засыпают, а третий уезжает домой. Или, один набрасывается на другого с кулаками, а третий их разнимает. Или все трое вываливаются на улицу и затевают мордобой с прохожими, придравшись к пустякам. Или все мирно расходятся и виновато приползают в семью.

Когда все садятся пить, финал пьянки неизвестен. До поры она подчиняется ограниченному психологическому набору, варьирующемуся в зависимости от культурного и интеллектуального уровня пьющих. Но каковыми бы ни были предпосылки, если пьянка развивается прогрессивно, рано или поздно наступает момент бифуркаций, и группа незаметно попадает во "время Ляпунова", где все пропорции размыты, где малейшая деталь может вызвать неадекватно масштабную реакцию, где любое последующее действие полностью непредсказуемо и не мотивировано.

Но весь интерес состоит в том, что "время Ляпунова" не является периодом полного беспорядка, где все движения совершенно произвольны. Это нечто среднее между вполне структурированной системой и полным отсутствием системы. Обрывки траекторий сохраняются, пьяное поведение подчиняется фрагментам логико-психологических детерминированных цепей. Хаос имеет свою парадоксальную структуру, которая называется "физикой неинтегрируемых процессов" или "системой фрактальных аттракторов". Следовательно, "время Ляпунова" подлежит определенному парадоксальному измерению, только более гибкому и широко понятому, нежели детерминизм "сводимых систем" (т. е. обычных классических или квантовых траекторий). Некоторые современные физики — в частности, Илья Пригожин — считают, что процессы, протекающие в "положительном времени Ляпунова" и есть ключ к тайне жизни. Здесь, в этом промежуточном состоянии, *между* строгой структурой и полным отсутствием всякой структуры, в хаотической системе лежит «волшебное» сочетание закона и свободы, модели и события, заданности и спонтанности, и именно такое сочетание и называется "жизнью".

Чисто логическая рациональная модель, как это показал Кант, не в состоянии «схватить» вещь в себе, суть реальности, которая остается всегда недоступной и ноуменальной. Сам же «ноумен» хранит полное молчание. Лишь в хаотических мирах, в течении "времени Ляпунова" совершается тайный переход от молчания к языку, от существования к несуществованию, от иррационального к рациональному, и обратно.

Поразительно, но идеи Пригожина и других теоретиков "несводимых процессов" строго совпадают с традиционными доктринами алхимии, считающей, что "камень философов" следует искать в "частице древнего хаоса", которой творец пренебрег в момент творения! Это — "магнезия философов", "наша Кибела" или "наша Латона".

"Время Ляпунова" является важнейшим понятием для двух изоморфных уровней — для индивидуальной духовной реализации и для социальных трансформаций. Для личности, ищущей своего истинного центра, приоритет "времени Ляпунова" означает культивацию пограничных состояний, промежуточных между свежим дневным сознанием и ночным (алкогольным, наркотическим и т. д.) обмороком. Только на этой грани можно схватить магическую спектральную точку, где индивидуальная экзистенция граничит с внеиндивидуальными реальностями — как инфракорпорального, так и чисто ангелического порядка. В этом сущность механизма инициации. "Время Ляпунова" — это фаза "инициатической смерти". Тот, кто достигает контроля над этим

«перешейком», выходит за грань фатального дуализма жизнь-смерть. На социальном уровне — аналогичная картина. Каждый режим, социальное устройство, экономико-политическая формация подчиняются строго детерминированным законам, воплощающимся в структуре власти, в ее идеологии, в ее внутренних нормативах. Но социальная энергия, так же, как и всякая энергия в телесной вселенной, однонаправленно убывает, "производит энтропию". Поэтому любая власть и любая общественная формация функционируют логично и закономерно только ограниченный отрезок времени. После определенного момента наступает "время Ляпунова". Подобно пьяной компании, за некоторой границей общество начинает вести себя непредсказуемо, хаотически. Периферийное разрастается до гигантских пропорций, центральное, осевое отходит в сторону.

Несомненно, что "время Ляпунова" для СССР началось в 1985. Нынешний президент (заметьте, "непредсказуемый"!) — типичный образец «частицы» хаотической системы. На наших глазах из "диссипативных останков" позднего дегенерировавшего социализма рождается новая либеральная система. Но и она на глазах стареет, энтропия в ней ужасающе быстро возрастает, она начинает поразительно, до мелочей напоминать последние фазы советского общества. Не исключено, что либеральный цикл будет очень быстротечным, так как некоторые системы принципиально нежизнеспособны (в определенных условиях).

Еще один важный момент: фаза распада советизма проходила при полной *интеллектуальной* пассивности основных действующих сил. Иными словами, нет такого социального организма, который смог бы «схватить» основное содержание социального "времени Ляпунова" в нашей ситуации и положить это драгоценное знание в основу нового социального порядка. Самое интересное, кажется, все проспали. Но инициатическая смерть отличается от смерти обычной тем, что в ней сознание не пропадает полностью (сохраняясь в особом режиме). Хаос должен быть не просто пережит, но и осмыслен. Раз этого не произошло, то неизбежно повторение хаоса. Еще одна катастрофа, еще одна фаза социальных сдвигов, еще один аккорд "диссипативного скачка". Более того, это будет повторяться до тех пор (в ускоренном ритме), пока какая-то социальная формация не возьмет на себя ответственность за опасную и увлекательную научно-практическую работу с хаотическими структурами.

Нынешние «стабильность» и «устойчивость» еще более призрачны и обманчивы, чем последние дни Совдепа (а возврат в прошлое вообще нереален).

Наше общество сегодня — такой же бесплотный мираж, как самоуверенная глупость современного обывателя. Но *мы*-то знаем, что "время Ляпунова" — это *наше* время. Поэтому рука сама тянется... (нет, пока не к тому, о чем вы подумали) к книгам Пуанкаре, Колмогорова, Стенгерс, Тома, Пригожина, Капра, Николиса, Мандельброта и других интересных авторов.

К нашей универсальной доктрине Революции помимо наследия "новых правых" и "новых левых" мы добавляем теории "новых физиков".

Статья написана в 1996 г., впервые опубликована в газете «Лимонка» 1996 г.

ВСЕЛЕННАЯ ДЕ СИТЕРА

Фундаментальная физика — увлекательнейшая наука. На данном этапе, когда от былой самоуверенности и наглого обскурантистского позитивизма не осталось и следа, разбирать ее новейшие гипотезы с позиций интегрального традиционализма — чистое наслаждение.

Рассмотрим новейшую космогоническую гипотезу в версии Ильи Пригожина, кстати, лауреата Нобелевской премии за открытия в области химии. Затем сопоставим ее с традиционалистским взглядом на космогонию и инициацию.

По Пригожину, начальное состояние, предшествующее возникновению нашей Вселенной, следует описать как вакуум или пространство Минковского, т. е. такое геометрическое пространство, в котором (в отличие от реального космического) нет никаких искажений. Но в вакууме, как показали новейшие исследования в физике, могут существовать и существуют различные поля. В отличие от Стивена Хокинга и сторонников теории Большого Взрыва, объясняющих рождение материи каким-то одноразовым катаклизмом, нарушившим раз и навсегда равновесное состояние вакуума, Пригожин придерживается иной версии. С его точки зрения, материя появилась вследствие "флуктуаций вакуума", т. е. аномальных явлений в состоянии полей в пространстве Минковского (или во вселенной Минковского). Следовательно, возникновение Вселенной не одноразовый момент, но некоторая постоянно существующая в пространстве Минковского потенция.

Сразу оговоримся, что вся эта проблематика, хотя и поставленная в совершенном отрыве от традиционной метафизики, на самом деле, как две капли воды похожа на традиционную оппозицию креационистских и манифестационистских доктрин. Креационисты, сторонники одноразового Творения, являются наследниками авраамической религии. Им в области современной фи-

зики соответствуют Хокинг и другие сторонники Big Bang'a. Пригожин, теоретик хаоса (sic!), напротив, сближается с манифестационистами, утверждающими теорию "перманентного творения", свойственную индоевропейским традициям. Но самое интересное дальше.

Флуктуации вакуума приводят к рождению первочастицы. Учитывая концепции, разработанные на основании квантовой механики, мы знаем, что понятие «частица» или «атом» не является точным и равновозможно понятию «волны». Следовательно, флуктуация вакуума, порождающая материю, не есть необратимый и одноразовый переход между несуществованием и существованием. Это сильно неравновесное состояние, связанное двояким образом и с материей и с вакуумом. Как частица — это материя, как волна — вакуум. Отсюда логически вытекает объяснение мини черных дыр и космологического (реликтового) излучения. Появление первочастицы невероятно большой плотности из «тихого» пространства Минковского, где нет никаких событий или помех геометрической чистоте, открывает собой "эру Планка". Эта эра Планка длится очень короткое время. Но представляет собой сущий ужас. Дико сжатая материя, как аномалия, призванная загрязнить геометрический порядок во Вселенной Минковского, обнаруживает себя в радикально чуждой по всем параметрам среде. Если, с волновой точки зрения, она еще как-то связана с вакуумом и его полями, то как партикула она эмерджентна. Эта тема напоминает гностический миф о злом демиурге, который, родившись в световой плероме, набросил оковы тлена на небесные архетипы. Эра Планка — чудовищная эра. В ней зародились самые инфернальные процессы Вселенной. Но длилась она недолго (в чистом виде).

Далее наступает новая эпоха. Суперсжатая новорожденная масса начинает экспоненциально расширяться. Хаос бьет фонтаном из эры Планка вовне. Это и есть Вселенная де Ситера. Это уже не эра Планка, где все пребывает в сверхсгущенном состоянии. Это уже подобие структуры, но еще совсем не такой, как в нашей эйнштейновской Вселенной. Частицы разбегаются друг от друга с дикой скоростью. Все процессы — "чувствительны к начальным условиям" и «неинтегрируемые». Это как бы один сплошной резонанс, деление на ноль. Катастрофа. Поле настоящего хаоса, промежуточного между структурой и кошмаром эры Планка. Вселенная де Ситера интересует нас больше всего, и мы вернемся к ней сразу же, как только закончим общее описание космогонического процесса.

Вселенная де Ситера, миры хаоса, тоже непродолжительны, но гораздо длиннее эры Планка. Когда эти хаотические процессы

успокаиваются, вся система Вселенной вновь стремится к равновесию пространства Минковского, с той лишь разницей, что все забито материей, которая постепенно исчезает, рассеивается, уходит в энтропическом процессе в небытие (по второму закону термодинамики). В нашей Вселенной уже действует закон E=mc2 и т. д. Но это уже менее интересно. В целом эта Вселенная ньютоновская, в ней справедливы законы механики. Это почти пространство Минковского, только искаженное рассеянной и исчезающей материей, которая нет-нет, да и породит какую-нибудь аномалию.

Две области в современной физике столкнулись с тем, что ньютоновская Вселенная — еще не вся Вселенная и что рациональные законы покрывают не всю реальность физики. От рационализма и креационизма (пусть обновленного и расширенного Эйнштейном и первыми этапами развития квантовой механики) ученые были вынуждены заглянуть в иные сферы. Началось углубленное изучение атомарного и субатомарного уровня и астрофизики. Сверхмалые и сверхбольшие величины в физике поставили ученых перед неожиданной проблемой. Оказывается, ньютоновская Вселенная — эта демиургическая пародия на ангелическое пространство Минковского — существует только на мезоуровне, сопоставимом со взглядом человека. За пределом этого среза продолжают существовать иные более древние законы. Одним словом, Вселенная де Ситера не исчезла окончательно. В ней процесс демиургической узурпации еще нагляден, а древний хаос еще доминирует. Черные дыры и фотоны, излучение абсолютно черного тела и другие эпифеномены ранних этапов космической истории несут в себе печать важнейшего космогонического процесса. Они связывают нас с ужасной эрой Планка, а через нее и с самим пространством Минковского, причем с его чистым и непорочным состоянием, свободным от приближений ньютоновской имитации, выдающих подделку.

Теперь пора задать вопрос: чем отличается инициация от обычной религиозной догмы? Объясним на примере фундаментальной физики. Религия имеет дело с неким духовным аналогом ньютоновского мира. Здесь все утверждения удивительно похожи на истину, бесконечно близки к ней, но все же чуть-чуть, самую малость, отличаются. Зазор количественно невелик, но качественно абсолютен (смотри книгу Генона "Принципы исчисления бесконечно-малых"). Этот зазор равен наличию материи, искажающей пропорции. Религия пренебрегает им, и тем самым остается всегда в безысходном лабиринте приближения. Инициация идет радикально иным путем. Зазор здесь имеет главное значение. Стремление к Абсолютному заставляет отказаться от

компромиссов. Следует спуск в ад, погружение в хаос. Это аналогично углублению во Вселенную де Ситера. Здесь посвящаемый схватывает суть материи, смысл искажающего приближения, корень зла, которое открывается во всем его объеме. Лишь через этот травматический опыт возможен выход по ту сторону материи, причем радикальный и безвозвратный. Это великий идеал Освобождения. Путь крайне опасен, но неизбежен.

Благодаря Вселенной де Ситера механический мир Ньютона живет. Жизнь — хаотический процесс. С одной стороны, он глупее и демоничнее строгих законов геометрической науки. Но, с другой стороны, он вскрывает ту бездну лжи, на которой основывается реальность. Правильно Пригожин (как и другой интересный автор Фритьоф Капра) видят в этих мирах источник жизни. Так оно и есть. Но бестолковая и пульсирующая жизнь хороша не сама по себе, а лишь как вызов, как путь к ее преодолению, как парадоксальная дорога в Сверхжизнь. Вселенная де Ситера для сатанистов цель, для гностиков — средство. Мокша, великое освобождение — наша главная задача. Познание зла не является, по большому счету злом. Если бы не своевременное падение, не было бы спасения. Felix Culpa. Ева поступила правильно. Ева — жизнь. Женский хаос, беременный Абсолютом, несущий ужас, безумие и кое-что еще, ценней чего не знали старые боги Закона.

Креационизм, рацио безысходны. Их правота отвратительна...

Фрактальные аттракторы, резонансы, бифуркационные поля....

Универсальный растворитель Вселенной де Ситера интересуется нами.

Статья написана в 1996 г., впервые опубликована в газете «Лимонка» 1996.

ФАШИСТЫ ПРИХОДЯТ В ПОЛНОЧЬ

1. Красноречивый страх перед коричневым цветом

Стоит задаться вопросом, который, несмотря на всю его актуальность, по какой-то (весьма странной) причине вообще не ставится. Почему все боятся «фашизма» (как в России, так и в мире)? Почему именно это слово является самым общеупотребительным термином в политической, культурной и бытовой лексике, притом, что полноценного и осознанного политического или идеологического фашизма либо вообще не существует после 1945 года, либо он представляет собой крайне маргинальное явление, достойное не большего внимания со стороны публики, чем общества коллекционеров бабочек или собирателей марок?

Это не может быть случайностью. Следует разобраться в смысловой нагрузке этого выражения в его нынешнем употреблении. Под «фашизмом» мы явно имеем в виду не конкретное политическое явление, а наш глубинный тайный секретный страх, который сближает и националиста, и либерала, и коммуниста, и демократа. Этот страх имеет не политическую и не идеологическую природу, в нем выражено какое-то более общее, более глубокое чувство, равно присущее всем людям независимо от их политической ориентации. Причем, этот "магический фашизм", преследующий наше бессознательное, настолько явно отличен от «фашизма» политического и конкретного, что, если нам представится случай побеседовать с каким-то конкретным неонацистом из маргинальных политических молодежных группировок, то у нас не останется никакого иного чувства, кроме чувства разочарования — "и это все?", "нет, это никакой не фашист!"

В таком случае, чего мы боимся в действительности? Кто такой настоящий «фашист», и что такое настоящий «фашизм» не в исторической, но в психологической, даже психиатрической перспективе?

2. Человеческое человечество

Фашизм, безусловно, совпадает в обыденном сознании с Абсолютным Злом, и единство в понимании этого, независимо от политической ориентации, показывает, что такое отождествление — факт всеобщий и универсальный. Но что может сегодня объединить (пусть по негативному критерию) людей, столь различных между собой по культуре, социальным интересам, вероисповеданию и идеологии?

Только одно — ощущение общей причастности к "человеческому виду", смутный и экзистенциально фоновый гуманизм, который присущ и правым, и левым, и экстремистам, и центристам. Именно гуманизм остается последним якорем для сохранения относительного баланса в цивилизации, раздираемой внутренними и внешними политическими и идеологическими конфликтами, перед лицом глобального культурного, экологического и социального кризиса. Если убрать этот бессознательный гуманистический элемент нынешнего сугубо светского, сугубо человеческого человечества, то оно немедленно падет в бездну помешательства, фанатизма, истерики, надрыва, самоубийства. Современный человек, при всем его цинизме, практичности, прагматизме, индивидуализме и агностицизме, все еще свято верит в последний фетиш — "в человеческий фактор", в "человеческий факт", который, будучи не плохим и не хорошим сам по себе, является общей платформой существования человечества.

Естественно, такое "человеческое человечество" подозревает о возможности катастрофы, т. е. о том, что эта последняя опора, этот «бессознательный» гуманизм могут быть выбиты из-под ног. Причем двумя способами — внешним и внутренним. Ощущение внешней опасности, синдром одержимости «концом» проявился в двух мощных течениях — «экологизме» и «пацифизме». Эта позиция предчувствует, что главная угроза "человеческому человечеству" придет извне: либо окружающая среда, будучи сущностно «внегуманной», "нечеловеческой", разобьет иллюзию человеческой самодостаточности и взорвет человеческую безопасность, либо "злые ястребы" развяжут военный конфликт, который уничтожит человечество. (На этом последнем психологическом факторе была основана в доперестроечные десятилетия «стрессовая» политика западного антикоммунизма).

Но для нас важнее исследовать внутренний путь уничтожения "человеческого человечества". Так как именно такой внутренний взрыв и понимается под «фашизмом» на бессознательном уровне. Некоторые клинические «антифашисты» предложили даже особый термин «психофашизм», а этот термин, несмотря на внешнюю нелепость, весьма красноречиво показывает, что страх перед «фашизмом» имеет сугубо психическую, психиатрическую природу. Итак, «фашизм» есть внутренняя угроза для гуманизированного подсознания современного человечества, предчувствие возможного краха этого подсознания в той форме, в которой оно существует сегодня.

3. Кнут и кинжал де Сада

Часто с термином «фашизм» автоматически ассоциируется иной термин «садизм», и это не случайно. Фактически, главные персонажи романов де Сада воплощают в себе кристалльные образы того, чего больше всего страшится «гуманистическое» подсознание, грядущее тотальное распространение которого де Сад гениально уловил и осознал еще в конце 18 века. Герои де Сада являются людьми, которые, принимая вызов либеральной идеологии, ставящей во главу угла принцип максимальной индивидуальной свободы, доводят эти тенденции до их логического предела, взрывая и уничтожая ограничения «индивидуальности», сохранившиеся в «демократическом» и «просвещенном» обществе как наследие «темных», "нелиберальных" времен, как "пережиток теократии, этатизма и морали". Политические идеи де Сада, ясно и последовательно изложенные в "Философии в будуаре", являются математическим применением либеральных догм к самым интимным сторонам человеческой жизни, связанным с эротическими комплексами, глубинными ингибициями и веге-

тативными психологическими реакциями (причем все описано с удивительным "черным юмором", отличающим все работы де Сада). Де Сад не борется с «гуманизмом» и нарождающейся "психологией гуманизма", он просто доводит их линию до логического конца, не останавливаясь на полдороге, как это имело место в случае его наивно-оптимистических современников, видящих «либерализм» и «гуманизм» в восторженных тонах. Де Сад — это внутренний предел движения общества к либеральной модели, и не случайно его идеи и Запад понял только в начале XX века, когда пророческий дар де Сада обнаружил себя во всей своей полноте и достоверности, когда его тексты открылись как предвосхищение Киркьегора, Ницше, Бакунина, Фрейда, сюрреалистов и т. д. Но следуя либеральным, «республиканским» принципам, де Сад рисует такую страшную картину бесконечных преступлений и извращений, которую сами либералы вряд ли могли бы признать за идеал своего общества.

Почему? Лишь потому, что их сознание не способно охватить всего идеологического пространства собственной позиции, а их «предрассудки» мешают им легализировать всю полноту криминальных и извращенческих версий, которые они предпочитают «признавать» и «принимать» постепенно и последовательно одну за другой. Де Сад предлагал легализовать воровство (это, фактически, сделано при переходе к капиталистической модели общества, основанной именно на нем). Он считал необходимым разрешить все виды половых извращений, и в первую очередь, гомосексуализм (современное либеральное общество так и поступило). Он настаивал на отмене смертной казни за самые страшные преступления (борьба за такой закон увенчалась успехом во многих развитых странах).

Единственный аспект, который мешает де Саду стать истинным архитектором, классиком современного либерализма, это тот комплекс, который получил в психологии его имя — «садизм». Именно этот аспект менее всего готовы принять либералы и «гуманисты», именно в нем содержится камень преткновения перед интеграцией де Сада в пантеон верховных либеральных идеологов.

Дело в том, что последовательный и предельно честный де Сад пройдя весь путь по отрицанию ценностей традиционного общества — от отрицания церкви и монархии, до отрицания государства, морали и этики — столкнулся с важнейшей метафизической проблемой: кто именно будет являться субъектом свободы, завоеванной в результате последовательного и тотального уничтожения «старого» мира? Морис Бланшо в своей книге о Саде правильно замечает, что, как только какой-то герой де Сада перестает

идти по пути все более страшных и разрушительных преступлений, он сам немедленно становится жертвой более последовательного «либерала». Ницше говорил о том же самом в притче о "бледном преступнике": "бледный преступник склонился; он убил, но еще и украл".

Для Ницше «кража» является снижением чистого преступления, заключенного в прямом акте немотивированного убийства. Субъектом освобождения, таким образом, становится у де Сада не просто обычный человек, но человек особый, «обособленный», героический, который не просто ясно осознает (чего никогда не делают умеренные либералы), что увеличение свободы одного возможно только за счет уменьшения свободы другого, но и стремится последовательно довести свою личную свободу до максимума и сократить свободу окружающих до минимума. Именно такой выведенный де Садом тип «садиста» и стал постепенно фигурой, которая преследует коллективное бессознательное современного человечества.

Почему? Потому что появление такого персонажа является не просто случайностью, но *необходимым* следствием гуманистического «развития» человечества по пути либерализма и просвещения! Именно такой садистский субъект неявно присутствует в "гуманистическом подсознании" людей, лишенных сакральных ориентиров традиционной цивилизации. Он — это "темный двойник", в котором постепенно копится коллективный счет человечества за его свободу и его «человечность». На дне «гуманного» подсознания человечества шевелятся тени героев «Жюстины» и «Жюльетты». Они грозят кнутом и острым кинжалом тем, кто трусливо остановился на пути «освобождения» человечества на полдороге.

Не узнаем ли мы в де Саде и его героях знакомого призрака? Не источают ли его герои тревожный аромат «фашизма», конечно, не исторического и конкретного, но «психического», пресловутого и пугающего "психофашизма"?

4. Они пришли

Либеральное подсознание современного человека носит в себе свой собственный приговор, свое собственное отрицание, свою собственную смерть. На предельной грани темных энергий души современного человека живет страшное существо — "магический фашист", призрак, обретший плоть, персонаж маркиза де Сада, ворвавшийся в вашу квартиру... У Оруэлла в «1984» есть очень важное место, свидетельствующее о довольно глубоком понимании законов человеческой психологии: в последней и самой страшной камере пыток, куда попадает герой, с ним случается то,

чего он больше всего страшился на протяжении своей жизни, в снах, грезах, тревожных видениях. Крысы начинают грызть его лицо. Если современное общество, шире, современное человечество страшно боится «фашиста», и если эта фигура соответствует определенному глубиннейшему пласту "коллективного бессознательного", то такой «фашист» обязательно появится. Конечно, не в форме политического движения, сходного с итальянским или немецким прецедентном. Исторические фашизм и нацизм почти ничего общего не имели с тем "психическим фашизмом", который является внутренней, психической угрозой человечеству сейчас. Новый «фашизм» возникнет по иной логике и на основании иных законов. Скорее всего он будет намного страшнее предшествующего, так как он будет качественно *другим*. Он возникнет не как спасение от либерализма (попыткой чего были предшествующие версии фашизма), но как наказание за либерализм, и родится он не вне, а внутри либерального общества. Как последняя точка его истории, как его закономерный конец. Но поскольку человечество, фактически, отождествило сегодня свою судьбу с «гуманизмом» и «либерализмом», есть все основания полагать, что это будет одновременно и концом человечества.

"Фашист" понятие внутреннее. Тот, кто не поймет необходимости взять на себя всю полноту кошмара, свойственного внутреннему миру героев де Сада, кто не сможет принять на себя трагическую и дикую миссию «садиста», с необходимостью станет «жертвой». В этом жанре законы очень жестоки, как жестоки на практике либеральные реформы и их результаты. Конечно, у самых радикальных либералов уже можно разглядеть многие «фашистские» и «садистские» черты. Но по сравнению с истинными «садистами» это лишь первые шаги «гуманистического» детсада. Вряд ли сами либералы найдут в себе силы двинуться к идеалу Сен-Фона, Мальдорора или Сверхчеловека. Для этого их гуманизм остается слишком «теплым» (не горячим и не холодным). А следовательно, они станут "жертвами".

А если это так, то фашизм придет к ним в роли палача. Нет, не на митингах и съездах националистов, не в среде преступных авторитетов увидим мы настоящих «психофашистов», грозных героев современного подсознания. По ту сторону коллективистских идеологий и банального криминала, в полночный час надевают они свои темные маски, вооружаются острыми ножами и кожаными плетками и тихо скользят по темным улицам в поисках жертвы. Они появляются неожиданно и внезапно, как черные, ночные призраки, вызванные нашим непрекращающимся ужасом, нашим психозом. Они анонимны и бесчисленны. Они терзают и мучают нас в долгих постперестроечных снах. Они

медленно продвигаются к власти — но не политической, ограниченной и компромиссной. К власти абсолютной, основанной на тотальном господстве «садиста» над трусливой и трепещущей массой обреченных жертв, "антифашистов".

Фашисты не злы и не жестоки сами по себе. Их насилие спокойно и холодно, почти ритуально. Мы своим страхом, своей вовлеченностью в либеральные нормативы современного одиночества сами провоцируют их тайное ночное посещение. Тихое посещение без всяких угроз и политических требований. "Каждый пустой орех хочет быть расколот". Такой колкой и занимается «фашист», страшный персонаж заката либеральной цивилизации, обретающий сейчас свое грозное физическое рождение.

Все, кто поверили в "человеческое достоинство" и "человеческую свободу" в секуляризированном мире без Традиции и сакральности, заплатят строго по счетам. За себя и за своих предшественников.

Фашисты в городе. Они повсюду. Они в нас.

Их бритвы остры. Они не откажутся от предоставленной им «суверенности», но мы заплатим им за ее бремя и ее трагизм. Фашисты придут. Обязательно. И начнут свои пытки, и не остановятся до тех пор, пока не прочтут в наших глазах первые признаки понимания того, в какой реальности мы находимся, и что мы в ней должны были бы делать. Если же наши глаза останутся такими же, как сейчас, грозные призраки цивилизационной полночи заведомо снимают с себя ответственность за печальный исход.

Рано или поздно, но наглая вера наивного человечества в "добрый конец" будет опровергнута печальным и страшным эпилогом "тщеты добродетели".

Вы помните, что стало, в конце концов, с Жюстиной?

Статья написана в 1994 г., впервые опубликована в 1994 в «Московской Правде» (приложение «Новый Взгляд»)

РЕЖИМ ВОДЫ

1. Чтобы стать королем

В магической практике принцип Воды соответствует первой стадии внутренней реализации. Данная операция часто называется герметическим термином «диссолюция», "растворение", т. е. действие, которое вода оказывает на плотные предметы. Чтобы понять режим Воды, предпримем краткий экскурс в сферу магического понимания мира. С точки зрения магической теории, человек занимает в настоящее время в мире не то место, которое

ему отведено законами Бытия. Изначально и принципиально человек сотворен как центральная фигура своего уровня существования, предназначенная для королевского и полновластного господства на этом уровне — на уровне земли. (Отсюда обязательная апелляция к королевским символам во всех магических доктринах). Но на практике дело обстоит иначе — человек является не субъектом материального, фиксированного мира, но объектом, подверженным влияниям окружающих его внешних сил — как человеческих, так и природных, как социальных, так и политических.

Таким образом, "плотный мир", с которым изначально имеет дело человек, ставший на путь магической реализации, является «порочным», "враждебным", требующим радикального преобразования. Структуры и законы этого мира, фиксированные в природных законах и социальных кодексах, — коль скоро они подтверждают статус кво нецентральной позиции мага, — подлежат разрушению, отмене, размыванию, чтобы потом, по ту сторону "ложной кристаллизации", маг-субъект смог бы создать иной мир, иную землю, упорядоченную исходя из принципа центральной позиции посвященного. Именно этой цели — растворению "ложной кристаллизации" — и служит режим Воды, «растворение». Очевидно, что у обычного начинающего практиканта магии нет средств для прямого материального воздействия на окружающий его материальный мир, нет достаточных инструментов для того, чтобы "стать королем", попрать законы природы и реорганизовать социально-политическую реальность по своему усмотрению. Попытки получить материальный "универсальный растворитель" материальными же средствами — хотя они и предпринимались и, видимо, будут предприниматься (поиск "абсолютного оружия" и т. д.) — в подавляющем числе случаев никакого серьезного эффекта не дают. Более того, такая зависимость от материального мира только отдаляет мага от его реализации. Значит, в своем пути «растворения» маг должен искать иные, нематериальные средства. Самым простым и самым доступным средством является "мир сновидений".

2. Личность сновидений

Погружение в "мир сновидений", «утопание» в нем — это первый этап магического «растворения» реальности. На этой стадии часто используют самые различные средства, провоцирующие деформацию внешнего мира для практиканта — от наркотиков-галлюциногенов до простого алкоголя[10]. Иногда упорные упражнения по стремлению "спать бодрствуя" дают аналогичный результат. Смысл этой операции заключается в самых общих

чертах в том, чтобы постоянно «расплавлять» восприятие внешнего мира, размывая как его материальные, предметные, так и социальные связи. В состоянии сновидения человек человек пребывает в мире "жидких образов", которые непосредственно проистекают из его собственного психического организма — зависимость «внешнего» от «внутреннего» в сновидении совершенно очевидна для психики. Точно так же следует воспринимать магу, работающему в режиме Воды, и "состояние бодрствования". Следует «растягивать» границы окружающих предметов и существ, предполагая в любом «внешнем» объекте возможность неопределенно широкого изменения — по качеству, количеству, форме. Вода магов — "универсальный растворитель" не прекращающегося сновидения — должна отменить «отдельность» вещей как друг от друга, так и от существа мага. К примеру, вы смотрите за окно на улицу. В режиме Земли, в нормальном состоянии бодрствования все возможные комбинации разворачивающихся за окном сцен строго лимитированы и заранее предполагаются. Если вы взгляните за окно в режиме Воды, вы можете увидеть там такое, что обычного человека мгновенно превратило бы в буйно-помешанного. Несколько солнц, гигантские черные статуи, медленно двигающиеся над крышами самых высоких зданий, скользящие вдоль стен ярко красные фигуры с расплывчатыми контурами... Режим Воды — это как бы искусственное и добровольное схождение с ума, но единственное отличие от настоящего безумия состоит в том, что практикующий маг хранит дистанцию по отношению к «освобожденном» тонкому миру, включаясь в паранормальную ситуацию не до конца, с внутренней иронией и отстраненностью. Как обычный человек в повседневной жизни довольно легко учится отделять важное от второстепенного — и соответственно считать большинство событий и вещей привычной тривиальностью — так же маг в режиме Воды быстро обучается будничному отношению к пластичному переливанию причудливых форм — как правило все происходящее на тонком уровне не более важно, чем повседневные события ординарного мира.

3. Кто мы? Где мы?

Переход к режиму Воды для мага не самоцель, а привыкание к «текучей» реальности — вообще только первый, подготовительный этап работы в этой стихии. Важнее всего в этом процессе, что практикант растворяет заданность своего природного и социального окружения, покидает тюремные стены физического и общественного определения его объектного и фиксированного места в объектной и фиксированной реальности. Конечно, в режиме Во-

ды маг еще очень далек от того, чтобы стать субъектом, "королем вещей", но в то же время он больше не является и рабом вещей. Режим Воды размывает и прежнюю уверенность относительно его «я». НА этом этапе начинающий маг часто задает себе странный вопрос: "Кто я?" или в некоторых случаях — "А не являюсь ли я тем-то и тем-то?"[11]. Первая форма вопроса — "Кто я?" — является является, безусловно, предпочтительной, так как попытки определить свое мистическое имя (к примеру, "я — Агриппа Нетесгеймский" или "я — инкарнация Будды" и т. д. ведет лишь к ложной кристаллизации и часто кончается банальным психическим заболеванием ("я — Наполеон"). Как бы то ни было, маг теряет оковы определенности, становится «неизвестной», "переменной" величиной, в первую очередь, для самого себя. Лучше в этот период магической работы менять привычную остановку, знакомое окружение. Важно, чтобы люди и вещи не очень настаивали на отношении к практикующему как к давно известной им личности. Если это невозможно, маг должен симулировать для привычного окружения собственное умственное «заболевание» ("маска одержимого") — либо наркоманию, либо алкоголизм, либо раздвоение личности. Только в таком случае окружающий мир допустит и признает за практикантом "законное право на странность".

Дальнейшее развитие режима Воды должно быть ориентировано на то, чтобы закрепиться в "текучем мире", освоиться в нем, фиксировать «водно-психическую» стихию как "горизонтальный план", чьи качественные принципы должны стать столь же очевидными магу, как качественные границы материального, «грубого» плана. Если "личность сновидения" будет столь же четко оформлена, столь же дискретна, столь же мобильна в отношении психического пейзажа, как человеческое тело в отношении физической реальности, если эта личность досконально освоит все правила и закономерности «тонкого» уровня — как ребенок постепенно осваивает закономерности мира взрослых — можно считать, что режим Воды в целом освоен, и маг родился и повзрослел в «водных» пространствах потустороннего. Пределом и концом режима Воды является "обретение Имени", которое маг узнает о осознает на тонком плане. «Имя» означает качественную оценку "личности сновидения", «расовое», "кастовое", «социальное» положение мага в мире сна. Собственно говоря, конечная фиксация «я» мага на тонком уровне и есть его «коронация» и восхождение к центру вещей. Освободившись от цепей материальности, маг принадлежит к уровню, санкция которого необходима для любого явления в мире материальном — как в природе, так и в обществе. Власть, которую дает практиканту укрощенный,

освоенный мир сновидений, огромна. Знание, получаемое в реализации режима Воды, бесценно. Единственным препятствием, которое остается перед магом в материальной сфере, является тонкий импульс воли других магов, так же, как и он сам, «проснувшихся» по ту сторону «грубого» плана. Если маг не может осуществить чего-то в сфере плотных вещей и телесных существ, значит ему противодействует другой персонаж, прошедший режим Воды. Подобное сталкивается с подобным. Но важно заметить, что противодействующая воля не обязательно исходит от человека-мага — тонкий мир населен кроме "людей сновидения" еще черт знает кем. Впрочем, маг в режиме Воды научится ориентироваться и быстро сможет распознавать невидимых соперников.

4. Утехи жидкого тела

Режим Воды тесно связан с женским началом, сходным с водной стихией по своему определению. Поэтому большинство магических практик режима Воды изобилует элементами эротического символизма и апеллирует к сексуальным энергиям. Эротическое опьянение является еще одним средством магической интоксикации, практикуемой магами. Причем, естественно, речь идет и психическом, субтильном, тонком женском присутствии, которое не только не обязательно связано с физической женщиной, но подчас наиболее ощутимо в ее отсутствии. Маг, растворяясь в «сновидении», вступает в сферу постоянного экстатического возбуждения, непрерывного эротического восторга, сопоставимого лишь с кульминацией обычного полового акта. Существо мага становится "телом наслаждений". Режим Воды схож с нескончаемой брачной ночью, в которой двое сливаются в одно, увлекая в сладострастном торжестве за собой всю полноту окружающих вещей. В первой половине «диссолюции» маг сливается с женским типом эротизма, он воспринимает полноту субтильных энергий как потоки внешнего наслаждения. Позже, по мере приближения к тайне «Имени», он начинает овладевать этими энергиями, догадываясь о том, что это проявления его собственной тонкой природы. Параллельно с этим его эротика становится мужской и организованной. Вместо слияния с волнами тонкого мира, теперь ему приносит наибольшее удовлетворение их разделение, их подчинение, их укрощение и, в конечном счете, их фиксация. В пределе, «растворенный» сам становится «растворяющим», "растворителем", превращается из воспринимающего эротический поток в источник этого потока, в центр сексуального, психического возбуждения тонких стихий. Здесь кончается и сам режим Воды как режим Женщины. Отныне могущественные,

но опасные силы тонкого мира служат «оператору» как преданные и страстные наложницы царю Соломону. По его воле «женщины» тонкого мира растворяют теперь материальные границы, открывая магу свободный путь к королевскому достоинству.

5. Профессия быть

В режиме Воды маг осваивает особую профессию, которая заключается не в том, чтобы делать (что бы то ни было), но в том, чтобы *быть*. Привязанность не только к результатам действия (что вообще дисквалифицирует мага начисто), но и к самому чистому действию является страшным препятствием на пути «диссолюции». Маг не работает. Он есть. Единственное его занятие — это движение внутрь, но так как внутри нет пространства, то это путь неподвижный, путь на месте. Только видение Вод, водных стихий, водных существ и предметов. Талисманы, эвокации, обряды и ритуалы являются лишь внешней атрибутикой, призванной сместить сознание с установленных позиций. Все это не обязательно. Другое дело, что человеческое существо не может вообще ничего не делать, и поэтому в силу необходимости магам приходится порой заниматься определенными вещами. Но в таком случае маг выбирает нечто заведомо странное, внешне бессмысленное, лишенное всякого содержания. Когда человек плывет в море, он обычно просто плывет. Когда занимается любовью — просто занимается любовью. Маг в режиме Воды просто «растворяется». "Имя" либо обретается без усилий, либо не обретается вообще.

Путь Воды предназначен для особых существ, принципиально недовольных самим качеством внешней реальности. Если кто-то в целом принимает эту реальность, он потерян для магии. Магия закрыта для него. Большинство людей не интересуются проблемой бытия — как и для животных, бытие для них принципиально не подлежит постановке под вопрос, оно очевидно и осязаемо конкретно. Для мага наоборот. Он глубоко страдает в мире материальных и социальных «скорлуп», он хочет из него выбраться и встать в центре вещей, там, где проходит волшебная ось бытия. Именно поэтому маг особенно ничем и не рискует, приступая к практике режима Воды. Для него все равно нет другого выхода — иначе «скорлупы» и призраки повседневности грубо убьют его. Для любопытного и неосторожного обывателя, мучимого комплексами, путь растворения также неопасен, так как подобный тип все равно никуда не дойдет по тайным тропинкам магии, а при этом у обывателя зверский инстинкт самосохранения (как впрочем, у большинства людей). Магия не опасна, она просто-напросто недоступна. Даже шарлатаны и паяцы с магическими

претензиями на самом деле лишь вносят в тупую материальную действительность лишь некоторое разнообразие. Не более того. Когда режим Воды заканчивается, наступает другой режим. Но понять его можно лишь тем, кто обрел "Имя".

Статья написана в 1994 г., впервые опубликована в 1994 в ж-ле «Элементы» № 6 (Досье «Эротизм») под псевдонимом "Александр Штернберг"

Часть 7 Царство Сатурна (из-под черной мантии)

ЗВЕЗДА НЕВИДИМОЙ ИМПЕРИИ

(о Жане Парвулеско)

1. Профессия — визионер

Жан Парвулеско — это живая тайна европейской литературы. Мистик, поэт, романист, литературный критик, знаток политических интриг, революционер, друг и конфидент многих европейских знаменитостей второй половины XX века (от Эзры Паунда и Юлиуса Эволы до Раймона Абеллио и Арно Брекера). Его истинная личность остается загадкой. Румын, бежавший на Запад в 40-е, он стал одним из самых ярких франкоязычных стилистов в современной прозе и поэзии. Но какими бы различными ни были его труды, от тантрических станцев и сложных оккультных романов до биографий своих великих друзей (в частности, "Красное солнце Раймона Абеллио"), его настоящее призвание — «визионер», прямой и вдохновенный созерцатель духовных сфер, открывающихся избранным за угрюмой и плоской видимостью современного профанического мира.

Парвулеско при этом не имеет ничего общего с вульгарными представителями современного неомистицизма, столь распространенного сегодня как некая инструментальная компенсация за технотронно-информационную рутину быта. Визионерство Парвулеско мрачно и трагично; никаких иллюзий относительно адской, инфернальной природы современного мира у него нет и в помине (в этом смысле он, скорее, традиционалист). Ему предельно чужды инфантильный оптимизм теософов и оккультистов и псевдомистические «консервы» Нью Эйдж. Но в отличие от многих традиционалистов «академического» темперамента, он не ограничивается скептическими причитаниями о "кризисе современного мира" и голословным, маргинальным осуждением материальной цивилизации конца Кали-юги. Тексты Жана Парвулеско полны Сакрального, которое говорит в них напрямую, через сновиденческий, почти пророческий уровень странного откровения, «посещения», пробивающегося из высших сфер сквозь магическую блокаду темных энергий, наполняющих сегодня мир коллективной и космической психики. Парвулеско — аутентичный визионер, достаточно глубокий и доктринально подготовленный, чтобы не принимать первые попавшиеся фан-

томы субтильной реальности, за "посланцев света", но в то же время предельно напрягающий свою интуицию в опасном и рискованном "путешествии вовнутрь", к "центру Черного Озера" современной души, без страха выйти за грань фиксированных рациональной догматикой норм (отсюда многоэтажные парадоксы, которыми полны книги Парвулеско). Послание Парвулеско можно определить таким образом: "Сакральное скрылось из дневной реальности современного мира, и совершенно очевидно, что мы живем в Конце Времен, но это Сакральное не исчезло (так как не могло исчезнуть в принципе, будучи вечным), а перешло на ночной, невидимый план, и теперь готово обрушиться на человеческий физический космос в страшный апокалиптический миг апогея истории, в точке, где мир, забывший о своей духовной природе и открестившийся от нее, будет вынужден столкнуться с ней в жестоком мгновении Откровения". Пока этого не произошло, и человечество мирно спит в своих темных материальных иллюзиях, только избранные, визионеры, члены засекреченного братства, Апокалиптического Ордена бодрствуют, тайно предуготовляя пути пришествию Последнего Часа, "Царства Небесного", Великой Империи Конца.

Жан Парвулеско считает себя не литератором, но глашатаем этой Невидимой Империи (так названа его последняя книга — "Звезда Невидимой Империи"), «спикером» оккультного Парламента, состоящего из планетарной элиты «пробужденных». Его личность двоится, утраивается, учетверяется в персонажах его романов, где действует и сам автор, и его двойники, и его оккультные дубли, и реальные исторические личности, и потусторонние тени, и скорлупы "внешних сумерек", и "именные демоны", и тайные агенты оккультных спецслужб. Парвулеско открывает целый параллельный мир, а не только сценографию индивидуальных фантазий или воспоминаний. Население его текстов пугающе реально; его странноватый (часто довольно черный) юмор распространяется иногда на священные реликвии религии, на догматы и каноны, от чего их внутренняя тайная сущность пробуждается, лишенная убийственного для духа тупого фетишистского почитания. Следуя предписанию Тантр, Парвулеско оживляет язык, делает его оперативным. И поэтому его тексты нечто большее, чем литература. Это магические заклинания и скандальные разоблачения; это провокация событий и предсказание их смысла; это погружение в Океан Интериорности, подземные туннели Сокрытого, в пугающую империю того, что пребывает *внутри* каждого из нас. Именно поэтому Парвулеско бывает подчас так же страшен, как любой истинный гений: он пристально и по-научному изучает нас *изнутри*, иногда в своих эксперимен-

тах переходя известную грань. Визионер-анатом.

2. Вначале был Заговор

Парвулеско отвечает ясно и парадоксально одновременно: оно *двойственно*. Тайные агенты Бытия и Небытия присутствуют во всех ключевых сферах управления современным миром, направляя все процессы цивилизации. Из наложения друг на друга энергетических векторов двух оккультных сетей и происходит ткань актуальной конкретной истории. Генералы и террористы, шпионы и поэты, президенты и оккультисты, отцы церкви и ересеархи, мафиози и аскеты, масоны и натуралисты, проститутки и блаженные святые, салонные художники и деятели рабочего движения, археологи и фальшивомонетчики — все они лишь послушные актеры насыщенной конспирологической драмы, и кто знает, какая именно социальная идентификация скрывает более высокого посвященного? Часто разбойник или нищий оказывается куратором Президента или Папы, а военачальник или банкир выступают марионетками салонного поэта, за гротескной и фантазийной персоналией которого обнаруживается холодный мэтр и архитектор жестокой политической истории.

3. Против демонов и демократии

"Звезда Невидимой Империи" — последний и ключевой роман Парвулеско. В нем сходятся воедино нити предшествующих книг. Здесь описывается приближение к окончательной развязке той трансцендентной метаистории, хронистом которой выступает наш автор. Вот его резюме. По всей планете, и особенно во Франции и Португалии (а также в Перу и Мексике), магических «акапунктурных» точках оккультного Запада, агенты Небытия установили *черные пирамиды*, физические и сверхфизические объекты, предназначенные для обеспечения прямого вторжения в мир демонических энергий, орд Гогов и Магогов. Этот апокалиптический проект имеет секретное название "проект Водолея", так как в соответствии с астрологическим символизмом скоро наступит "эра Водолея", несущая с собой не радость и гармонию (как пытаются заверить человечество "агенты Небытия"), но разложение, гниение, хаос и смерть, "растворение в нижних водах". Герой "Звезды Невидимой Империи" Тони д'Антремон так описывает пророческое видение начала "эпохи Водолея": "Я вижу вместе с Лавкрафтом копошение гигантских омерзительных масс, движущихся нескончаемыми волнами, наступающих на последние остаточные кристаллические структуры сопротивления духовных элит; я созерцаю, в экстатическом бессилии моего галлюцинативного пробуждения, мерцающую черную пену, пену черного

разложения, террор демократической вони и страшные аппараты этих конвульсирующих трупов, которые — в макияже грязных шлюх и с лживой улыбкой, с калифорнийской пляжной улыбкой европейских антифашистов, с улыбкой шлюх-манекенов со сверкающих витрин (так бы я это определил) — уготовляют наше конечное поражение, ведут нас туда, куда не знают сами, или, точнее, знают об этом слишком хорошо, аппетитно высасывая по ходу дела из нас костный мозг; это и есть галлюцинативная свинцовая мантия Прав Человека, этот фекально-блевотный выброс Ада, хотя, говоря так, я оскорбляю Ад."

Слуги «Водолея», открывающие дорогу в человеческий мир черным «скорлупам» внешних сумерек, стремятся преподнести свое противоестенное пришествие как благо, как спасение, как предел эволюции, скрывая свою сущность, Vomitto Negro (Черную Блевотину) под политическим и спиритуалистским лозунгом New Age или new world order.

Но против заговора Водолея, в котором концентрируется весь страшный, «метагалактичекий» потенциал агентуры Небытия, ищущей своего финального воплощения в "новом мировом порядке", борются представители тайного западного ордена Atlantis Magna. Особую роль в ритуалах этого ордена играет Женщина, известная под мистическим именем Licorne Mordore, или "красно-коричневый Единорог". В физической реальности она носит имя Джэйн Дарлингтон. Однако истинная сущность этой женщины принципиально выходит за рамки индивидуальности. Она, скорее, представляет собой некую сакральную функцию, распределенную между всеми женщинами ордена, личностные и бытовые отношения которых друг с другом отражают онтологическую иерархию самого бытия (одна из них соотвествует духу, другая — душе, третья — телу). Мужчины Ордена, в том числе и главный герой Тони д'Атремон, также едва ли являются индивидуумами в строгом смысле: смерти и адюльтеры, описаниями которых наполнен роман, иллюстрируют сугубо функциональную сущность главных персонажей; ритуальная смерть одного из них лишь активизирует конспирологическую деятельность другого, а их жены, совершая измену, обнаруживают, что остаются верны, в сущности, *одному и тому же существу*. Итак, Atlantis Magna ткет свою континентальную сеть борьбы с заговором Водолея. На высшем трансцедентальном уровне речь идет о ритуальной тантрической реализации эсхатологического Явления, связанного с приходом Утешителя и приходом Жены. Только на этом уровне можно победить строителей "черных пирамид". Подготовка и организация таинственнейшего ритуала "красного круга" составляет основной сюжет романа. Члены Atlantis Magna на пути к этой

процедуре совершают символические путешествия, анализируют мистические тексты, отыскивают истинные причины политических трансформаций, исследуют странные аспекты истории некоторых древних европейских родов, расшифровывают эзотерические идеи (появляющиеся как утечка информации в обычной бульварной литературе), переживают любовные и эротические связи, подвергаются покушениям, становятся жертвами похищений и пыток, но вся эта конкретная плоть увлекательного, почти детективного романа является непрерывным прочтением и уточнением взаимосвязанной визионерской реальности Последнего События Истории, проявления Великой Евразийской Империи Конца, Regnum Sacrum или Imperium Sacrum, отблески которой различимы во всех аспектах современного мира.

На уровне политического заговора герои романа также действуют активно и решительно. Духовное противостояние New Age, неоспиритуализму, представителям которого (от Алисы Бейли до Тейяра де Шардена и Саи Баба) Тони д'Антремон предлагает устроить "оккультный супер-Аушвиц, супер-Майданек", проецируется на политическое противостояние "новому мировому порядку", американизму и либерализму, что заставляет "агентов Бытия" ткать сети планетарного заговора с участием всех политических сил, оппозиционных мондиализму. Палестинские террористы, подпольные группы европейских неонацистов, социалреволюционеры и члены "Красных Бригад", ненавидящие «демократию» потомки аристократических родов, в тайне желающих конца либеральной эпохи, члены итальянской мафии, голлисты и франкисты, революционеры Третьего мира, шаманы Америки, Азии, коммунистические лидеры, немецкие банкиры — все они становятся участниками геополитического проекта, направленного на воссоздание финальной Евразийской Империи. Дипломатические приемы, заграничные поездки, конфиденциальные переговоры и сбор информации составляет политический аспект заговора "агентов Бытия" и особую сюжетную линию романа, накладывающуюся на оккультные беседы и долгие эзотерические монологи героев.

Роман Парвулеско построен не по традиционной логике законченного повествования. Характерно, что он прерывается на полуслове на 533 странице. Все предшествующее содержание вплотную приблизило читателя к эсхатологической развязке оккультной войны, но... Здесь кончается литературный мир, и начинается подлинная реальность. Большинство персонажей романа — исторические лица, некоторые из них умерли, некоторые до их пор живы. Книги и тексты, цитируемые в повествовании, реально существуют. Многие эпизоды и пересказанные легенды также

не являются выдуманными (хотя многие являются). Характерная деталь: большинство упоминаемых имен снабжены в скобках датами рождения и смерти. После прочтения "Звезды Невидимой Империи" возникает закономерный вопрос, *что* именно мы только что прочли? Роман? Фикцию? Фантастику? Сюрреальную литературу? Или, может быть, эзотерический трактат?

Или настоящее откровение подлинной подоплеки современной истории, увиденной с позиции метафизической полноты во всем ее объеме, по ту сторону галлюционаций, которыми являются, по сути, все банальные обыденные представления, ничего в ней не объясняющие и предельно далекие от истины?

Сам Жан Парвулеско в посвящении, украшающем подаренный мне экземпляр, называет свой роман так: "секретнейший и опаснейший инициатический роман, где Абсолютная Любовь предоставляет свое финальное оружие Абсолютной Власти и закладывает оккультные основания будущей великой Евразийской Империи Конца, которая станет тождественной Царству Небесному, Regnum Sanctum". Ни больше ни меньше.

4. Шива, красно-коричневый

Жан Парвулеско в одной из наших бесед, когда я рассказывал ему о смысле термина «наши» в русской политической терминологии, очень оживился и показал мне место в одном из своих ранних романов (середины 70-х годов), где он провиденциальным образом употребляет тот же самый термин и в поразительно схожем смысле. «Наши» для него были членами "заговора Бытия", тайной сетью агентов влияния, которые объединены общей оккультной целью по ту сторону политических различий и которые противостоят космополитической и профанической цивилизации, устанавливающейся на планете. Более того, мои итальянские друзья прислали мне копию статьи Парвулеско конца 60-х годов, в которой он говорил о «евразийстве», геополитическом проекте Континентального Блока, о необходимости русско-германского союза (возобновлении пакта Риббентроп-Молотов), и даже о необходимости сближения красных и коричневых в едином революционном антимондиалистском фронте! Как странно тексты этого удивительного человека, — популярные только в качестве литературных произведений и вызывающие снисходительную улыбку у «академических» традиционалистов, — почти с пророческим ясновидением упреждающе описывают за много лет то, что стало политическим фактом только в последние годы, да и то в далекой от Европы России... Все это наводит на довольно тревожные мысли, относительно истинной природы этого гениального писателя. Кто же Вы, в конце концов, господин Парвуле-

ско, он же коммандор Альтавилла? Кем бы он ни был, он безусловно «красно-коричневый», хотя бы потому, что все его симпатии на стороне таинственной женской фигуры, называемой в некоторых реально существующих инициатических обществах "Красно-Коричневым Единорогом", Licorne Mordore. Но надо заметить, что французское слово «mordore» означает, точнее, "красно-коричневый с золотом или золотым отливом". Помимо брезгливого и уничижительного термина "красно — коричневый", которым давно клеймят наиболее интересные политические силы в России, существует и королевский, царственный оттенок этого цвета — как финальная эсхатологическая коронация Алхимическим Золотом великой континентальной Евразийской Революции, которую готовят и осуществляют сегодня «наши», тайные и явные "агенты Бытия". Еще один персонаж сакральной традиции наделяют этим цветом. Речь идет об индуистском боге Шива, литургически называемом «красно-коричневым» и «страшным». Характер этого бога близок к стихии наших красно-коричневых.

Да, эта стихия страшная и разрушительная в своем внешнем проявлении. Но именно грозный красно-коричневый Шива является хранителем тайны Вечности, открывающейся во всей своей полноте в момент Конца Времени, отрицая своим «страшным» явлением начало "эры Водолея". Красно-коричневый Шива — покровитель традиции сакральной Любви, Тантры. Той самой Тантры, которой посвящена одна из первых книг Жана Парвулеско "Милосердная Корона Тантры".

Агенты внутреннего Континента бодрствуют. Уже появляется на ночном небе нашей омерзительной цивилизации волшебная Звезда, возвещающая о скором превращении Внутреннего во Внешнее. Это — Звезда Невидимой Империи, Империи имени Жана Парвулеско.

Статья написана в 1994 г., впервые опубликована в газете «Завтра» в 1994

ОРИОН ИЛИ ЗАГОВОР ГЕРОЕВ

1. Открытый вход в закрытый текст делла Ривьера

"Магический мир героев". Книга с таким названием Чезаре делла Ривьера вышла в 1605 году. Позже, уже в XX веке, Юлиус Эвола переиздал ее со своими комментариями, утверждая, что именно в этом герметическом трактате содержится наиболее открытое и понятное изложение принципов духовной алхимии, герметического искусства. Рене Генон в своей рецензии заметил, однако, что труд делла Ривьера все же далеко не так прозрачен,

как утверждал Эвола.

Действительно, "Магический мир героев" предельно энигматичен — во-первых, по своей литературной форме, а во-вторых, потому что вещи и слова, с которыми оперирует автор, являются сами по себе чем-то предельно загадочным, непонятным, не имеющем эквивалентов в конкретной реальности.

Но, может быть, трудности в понимании данной темы возникают оттого, что сам "принцип героизма", фигура Героя довольно далеки от сферы того, что нас окружает? Может быть, для истинных героев трудный текст кристально понятен и не нуждается в дальнейшей расшифровке?

Кристально понятен и прозрачен, как лед...

2. Космогония льда

В книгах Эволы, посвященных самым разным традиционалистским и политическим проблемам, всегда есть апелляция к принципу Холода. Тема Холода всплывает то там, то здесь, независимо от того, идет ли речь о тантре или экзистенциальной позиции "обособленного человека", о дзэн-буддизме или средневековых рыцарских мистериях Европы, о современном искусстве или автобиографических заметках. «Холод» и «дистанция» — вот два слова, которые, пожалуй, чаще всего встречаются в лексиконе "черного барона".

Герой, по определению, должен быть *холодным*. Если он не отделит себя от окружающих, если он не заморозит в себе теплые энергии повседневной человечности, он не будет на уровне свершения Невозможного, т. е. на уровне того, что делает героя героем. Герой должен уйти от людей. Но за пределом социального уюта бушуют пронизывающие ветры объективной реальности, жестокой и внегуманной. Земли и камни восстают на анимальный и вегетальный миры. Агрессивная растительность разъедает минералы, а дикие звери безжалостно топчут упрямые травы. Стихии вне общества не знают снисхождения. Мир сам по себе — триумфальное пиршество вещества, нижняя плоскость которого слита с глыбами донного космического льда. Герой холоден, потому что он объективен, потому что он принимает от мира эстафету спонтанной силы, бешенной и недоброй.

Все характеры исторических героев — от Геракла до Гитлера — были одинаковыми: они были глубоко *природны*, стихийны, бездонно холодны и дистанциированы от социального компромисса. Они — носители бездны Объективности.

В своей странной герметической манере Чезаре делла Ривьера таким образом трактует слово" Angelo" ("ангел") -

Angelo = ANtico GELO, т. е. "Ангел = Древний Лед".

Это уже относится к другой фазе подвига — не уход к объективности, но выход за ее пределы, за границу "ледяного фирманента", "ледяной тверди небес".

Алхимия и каббала много знают о тайне "ледяной тверди". Это — граница, отделяющая "нижние воды" жизни от "верхних вод" Духа. Фраза делла Ривьера имеет строгий теологический смысл: покидая сферу душевной жизни, герой становится кристалликом льда в стеклянном море Духа, светящимся ангелом, на котором зиждится небесный трон Царя. Снежная королева у Андерсена заставила мальчика Кая выкладывать из льдинок таинственное ангелическое слово «Ewigkeit», но теплые силы земли ("Герда" на старонемецком — "земля") вернули неудавшегося героя к скудному и безысходному быту. Вместо ангела, он стал впоследствии краснощеким скандинавским бюргером — с пивом и сардельками. Холод — признак трупа и посвященного. Тела йогов оледеневают по мере пробуждения священной змеиной энергии — чем выше поднимается Кундалини, тем безжизненнее становятся соответствующие части тела, пока посвященный не превратится в ледяную статую, ось духовного постоянства.

Каждый герой обязательно совершает путешествие на полюс, в сердце полночи. Там он учится любить ту темную и непонятную субстанцию, которую алхимики называют "нашей землей" или "магнезией философов". Урна с прахом барона Эволы похоронена в толще альпийского ледника, на пике Монте Роза. Может быть, гора была названа так в честь сакральной возлюбленной неумершего Фридриха Гогенштауфена. La Rosa di Soria. Полярная роза.

3. Путешествие полярной нимфы

Силиани, таинственный алхимик XIX века, чей псевдоним был установлен только при помощи Пьера Дюжоля, «Магафона», друга Фулканелли и... тайного Валуа, писал о том, что его героическое путешествие в "магический мир героев" началось со странного визита "нимфы полярной звезды"...

Где ее следы?

Они ведут внутрь. Внутрь земли, где таится фантастическая материя, называемая "серной кислотой философов". Visitabis interiora terrae rectificando invenies occultum lapidem. Камень совершенно черен, как душа, окутанная "противообразным духом", "antimimon pneuma" гностиков. Оттуда, из черноты персональной неопределенности, из недифференциированности «я», ускользающего от всякого имени, начинается магический подвиг. Если герой не поставит под вопрос то, что является его кажущейся сутью, он обречен. Даже божественные родители не дают ответа на проблему происхождения "я".

4. Секрет Небесного Дракона

Поиск нимфы связан с проблемой определения подлинной полярной звезды. Небесный полюс, как "убегающая Аталанта", движется по кругу. Когда-то субтильное создание скрывалось в меху Большой Медведицы, недалеко от Арктура. Сейчас она называет себя «Шемол». Через 12 тысяч лет она скажет о себе — "Я — Вега". Но какова Ось, вокруг которой совершается танец тысячелетий?

Черная точка на северном небе. Дракон обвивается вокруг нее, соблазняя пристального наблюдателя, предлагая сомнительные плоды познания. Полярная нимфа дала Силиани ключ к победе над Драконом. Герметики считают, что речь идет о первоматерии. Дракон небес, истинный север эклиптики. Он сторожит бореальное сердце черных далей. Как спираль, очерченная вокруг отсутствующего центра.

5. Секунда Бетельгейзе

Орион — самое загадочное из созвездий. На его правом плече скрывается время. Он — главный герой подземного (и не только подземного!) мира. По-арабски, «бетельгейзе» — "плечо героя". Именно на этом его плече хранится тайна той книги, которую Фулканелли вначале дал Канселье, а потом взял назад и запретил публиковать. Речь идет о "Finis Gloria Mundi", о *третьей* книге адепта. Когда молоко Девы дотрагивается до мускулистого плеча "черного бога", а сам он при этом теряет свои руки под безжалостными ножами палачей, грядет всемирный огонь, сфера переворачивается. Небо падает. Оно, как известно, из камня. Герои таинственно готовят страшные потрясения обществу. Оно успокаивает себя тем, что выгнало их вон из истории, но где проходит четкая грань между библиотекой и ядерным полигоном, между темным углом для медитаций и ковровыми бомбардировками?

Есть сведения, что агенты Бетельгейзе, замаскированные под чиновников обитатели "магического мира героев", пробрались к теплоцентралу власти. У них в мозгах — лишь жестокость небесных соответствий и прецессионные циклы. Ядерный костер северного полушария — для них путь на Олимп, костер Геракла.

У Эволы помимо внешней миссии была миссия тайная...

6. Лес Рамбуйе

"Лес Рамбуйе — это лес крови" — гипнотически повторяет в своем романе Жан Парвулеско. То в нем находят белого оленя с перерезанным горлом, то труп обнаженной женщины с идентичными ранами. Магический лес, в котором заблудился еще Данте. "Лес философов". На одной гравюре, иллюстрирующей "Изумруд-

ную скрижаль" Гермеса Триждымудрого, человек с оленьей головой передает Еве луну. Позже, если верить Парвулеско, они повстречаются в саду Рамбуйе.

Невеселое рандеву.

"Однажды Аполло вернется, и на этот раз навсегда", — гласило последнее пророчество Дельфийской пифии в IV веке после Рождества Христова.

Статья написана в 1993 г., впервые опубликована под псевдонимом Леонид Охотин в ж-ле «Элементы» № 5 (Досье «Демократия») в 1994

VENUS VICTRIX[12]

1. Из одной традиционной науки вышло два суррогата

Современная астрология имеет одну крайне негативную особенность: она обращена к чистой прагматике, почти исчерпывается составлением гороскопов и их интерпретацией. При этом совершенно упускаются из виду наиболее существенные аспекты этой науки, которая в древности имела аболютно традиционный (в смысле Генона) характер и являлась элементом общей космологической доктрины. При этом вся традиционная космология чаще всего рассматривалась в связи с еще более общей областью — с Метафизикой.

В процессе десакрализации цивилизации космология постепенно утратила сопряженность с Метафизикой. Этот момент очень ясно виден в позднеегипетской цивилизации, где собственно метафизическая проблематика совершенно исчезла, уступив место космической магии. Но все же такая космическая магия, хотя и несущая в себе довольно сомнительные аспекты, была подлинно традиционной наукой. Таковой она оставалась и в рамках сугубо христианской цивилизации в комплексе сакральных наук, совокупно называемых «герметизмом». Астрология же являлась одной из составляющих герметизма.

Далее на рубеже Нового Времени произошел двойственный процесс. Традиционные науки — в нашем случае, астрология — разделились на две составляющие. С одной стороны, чисто рационалистическая, позитивистская сторона науки превратилась в астрономию (хотя древние употребляли и то и иное понятие как синонимы). Астрономия занималась сугубо физической стороной космических явлений, рассматривала телесный уровень небесных тел и их движений. Соблюдая строгость рационалистических методов, астрономы упускали при этом из виду «тонкий» план мироздания, что делало их выводы и утверждения неточными,

несмотря на внешнюю стройность рассчетов и вычислений. Другая половина науки, разорванной надвое, стала достоянием гадальщиков, шарлатанов и лунатиков, не способных интеллектуально осмыслить выводы астрономов-рационалистов и убегающих в сферы фантазии, натяжек, волюнтаризма, одним словом, «темнилова». Но с другой стороны, эта оккультистская линия все же сохранила некоторые элементы подлинно традиционной астрологии, — темы, гороскопы, основы мифологических интерпретаций, — утратив при этом важнейшие ключи и тайну пропорций, которая в древности связывала исследования плотного мира с исследованиями тонкого мира. Собственно, эта вторая половина традиционной астрологии и называется «астрологией» в современном смысле.

За этим оккультистским этапом вырождения последовал следующий, еще более сомнительный. Астрология в ее прикладном качестве стала достоянием совсем уже профанической реальности наряду с прогнозами погоды или статистическими исследованиями. И дело не в том, сбываются ли астрологические прогнозы или нет. Прогнозы погоды тоже далеко не всегда соответствуют истине. Важно, что оккультистская пародия на традиционную науку еще более деградировала и выродилась, перейдя на полосы светских изданий и телеэкраны. Таким образом, наиболее духовная и субтильная часть древней науки стала использоваться в еще более утилитарных и примитивных целях, нежели академическая астрономия, сохранившая, по меньшей мере, статус строгой науки. Так духовное, но не подлинно, а частично, стало еще ниже, чем материальное и физическое. — Урок всем неоспиритуалистам, посягающим своими слабыми мозгами на великие основы Традиции, которая им непонятна и недоступна. В наше время быть астрологом еще более позорно, чем наперсточником или казнокрадом.

2. Одна анормальная планета

Но хотелось поговорить совершенно не об этом, а о Венере. Существует такое понятие как Северный Полюс эклиптики. Эта точка, которой на небе точно не соответствует ни одна звезда, лежит где-то в созвездии Дракона. Северный Полюс эклиптики отличается от полярной звезды, так как ось нашей планеты наклонена на 23,6 градусов по отношению к перпендикуляру к плоскости ее вращения. Более того, в силу предварения равноденствий (прецессии) полярная звезда (уточним, полярная звезда планеты земля) описывает в течение 25 920 лет полный круг. Важно заметить, что Северный Полюс эклиптики является северным, если рассматривать все с земли. Это означает, что речь идет

о центре, вокруг которого движется проекция северного полюса земли на небосвод. Вместе с тем, если рассматривать всю солнечную систему как круг с центром в солнце, то Северный Полюс эклиптики будет также точкой пересечения перпендикуляра к солнцу и небесного свода, причем той точкой, которая лежит в центре прецессионного вращения полярной звезды северного полушария.

Тут возникает интересный момент: является ли Северный Полюс эклиптики категорией относительной, т. е. конвенцией, построенной с геоцентрической позиции, или это нечто более общее? Если для земли проблема того, что является севером, а что югом, решается однозначно, то для других планет это менее очевидно. В данном случае можно взять в качестве общей меры направление вращения планеты, и если оно будет совпадать с направлением вращения земли, то можно признать севером тот же полюс, что и в случае земли.

И тут выясняется крайне интересная картина. Астрономия говорит нам, что все планеты солнечной системы, за исключением одной, вращаются в одном и том же направлении — в том же, что и сама земля. Иными словами, можно утверждать, что север земли есть север и для большинства остальных планет и вместе с тем для самого солнца. Это означает также, что Северный Полюс эклиптики является настоящим, объективным северным полюсом неба, одинаково северным и для планет и для солнца. Это — северный полюс круга, в сердце которого лежит наша родная пылающая звезда. Наш Отец. Pater ejus est sol.

Лишь одна планета не подчиняется этой логике, лишь для нее одной все пропорции перевернуты, а север — это не север, и юг — не юг. Ясно, что такая аномалия должна отразиться на особом качестве планеты, на ее особом статусе и особой природе. И тут начинается самое интерсное. Среди пяти традиционных планет, известных древним (Сатурн, Юпитер, Марс, Венера и Меркурий), только одна Венера связывалась с женским божеством. Кроме того, римляне называли Венеру «Люцифером», "денницей", и позднее в христианской традиции эта фигура была отождествлена с дьяволом. Тоже неслучайно. Складывается впечатление, что Венера — это планета наоборот, не просто иная, но противоположная, по полу, качеству, мифологической роли. Она симметрична не только Марсу, — ее символическому партнеру относительно солнца[13], - но всем мужским планетам на основании хотя бы полового признака мифологического персонажа и физического признака обратного распределения полюсов.

Мы подошли к важному выводу. Имена мифологических персонажей, даваемые тем или иным планетам в древних астрологи-

ческих системах, каким-то образом учитывали те их чисто физические качества, которые не могли быть известны на научном уровне древнему человечеству. Иными словами, система отождествлений физической и мифологической реальностей основывалась на некотором знании, предшествующем и субъективным мировоззренческим конструкциям и объективной физической картине космоса, но в то же время обобщающем их. Планеты и звезды получали свои имена не на основании каких-то внешних и случайних соответствий, волюнтаристических решений или усложненных расчетов, но как проявление особого гносеологического комплекса нечеловеческого происхождения, который отражал внутреннюю реальность этих вещей, проявляющуюся и в их физической телесной конституции.

3. «Преадамиты» в Антарктике

В различных мифологических системах существует один любопытный сюжет, связанный с происхождением человечества или его определенной части. В этом сюжете описывается происхождение людей от Афродиты или германской Фрейи. Трудно сказать, где изначальный источник этого мифа. Но вот несколько деталей:

Во-первых, с астрологической точки зрения, происхождение людей (или человеческих душ) от Венеры является почти тавтологией, так как Венера — единственная женская планета из пяти традиционных, и в тонкой конституции человека (независимо от пола) женский элемент присутствует обязательно. Неслучайно даже в профаническом мире астрологический знак Венеры обозначает женщину и все с ней связанное. Таким образом, все мы в каком-то смысле "дети Венеры". Во-вторых, существует предание (весьма спорное с точки зрения исторической, но удивительно любопытное, с точки зрения мифологической) "Ура-Линда хроники", в котором утверждается, что предками "белой расы", «фризов», индоевропейцев была богиня Фрейя, жена Одина, чьей планетой считалась Венера. Крайне любопытно в этом отношении старое самоназвание славянского племени «венеты» или «венеды», которое сохранилось в общем названии финно-угрскими языками русских "вэне".

В-третьих, у индейцев Центральной Америки одним из главных божеств является Кетцалькоатль, "змея, покрытая перьями". Он считается создателем людей и основателем столицы тольтеков — города Толлана, который часто связывается со столицей Гипербореи — Туле. Цвет Кетцалькоатля — зеленый, такой же, как у Венеры. Да и сам он считается духом планеты Венера, что легло в основу особого пятилетнего календаря, учитывающего не солнечные года, но «венерические» (5 лет Венеры соответствуют

приблизительно восьми годам солнца). Так же, как Венера Кетцалькоатль связан с двойственностью, дуализмом.

Второй пол, двойственность появления утренней-вечерней звезды на небосклоне, обратная ориентация вращения...

Все эти линии каким-то образом сходятся в странной теории о происхождении людей именно с планеты Венера. Конечно, это сразу вызывает ассоциации с «люциферизмом». При этом очень часто такой «люциферизм» соотносится с сугубо гиперборейской темой, темой северного полюса и той страны, которая, по преданию (греческому, иранскому и ведическому), находилась на далеком севере. Не исключено, что речь идет о какой-то параллельной линии антропогенеза, связанной с особым типом человечества и отраженной в мифологии в сюжете о снисхождении «ангелов» к людям, "к дочерям человеческим". Вся тематика называется идеей «преадамитов», т. е. людей, существовавших до Адама. О них говорит сура «Корана». Любытное развитие данный сюжет получил в ариософском движении, на фрагментах которого основывалась позднее нацистская мистика. Речь шла о том, что «преадамиты» или «люцифериты», дети Фрейи, были нордическими предками арийской расы. В ходе своего движения к югу они смешались с «адамитами», "автохтонами" планеты Земля. От скрещивания и смешения пошли все народы. При этом самые чистые (по меньшей мере, идеологически) адамиты сохранились в виде семитической расы и ее религий (иудаизм, ислам), а фрагменты «преадамического» мировоззрения "детей Венеры" легко угадываются в индоевропейской мифологии. Для этой линии человечества Северным Поюсом эклиптики является не черное сердце Дракона, а нечто обратное. И теперь уже совершенно понятно, откуда взялась теория мистической Антарктиды в неооккультной мифологии. Экспедиции адмирала Деница[14] к земле Королевы Мод... Полая земля и антарктические плавания крупнейшего неонацистского мистика Серрано.... Странная битва американской военной флотилии адмирала Берда[15] в 1946 в антарктических водах с неопознанными подводными лодками... Тревожные мотивы Эдгара Аллана По в "Путешествиях Артура Гордона Пима" и Ховарда Филлипа Лавкрафта в его новелле "На горах безумия"... Делириумные «разоблачения» Х.Р. Мартена существования на Антарктиде таинственного Зигфрида, оккультного главы грядущего Четвертого Райха... Добавьте сюда обостренный интерес нацистов к проблеме американских индейцев (это немецкие авторы с явными националистическими симпатиями, такие как Карл Май, привнесли в приключенческую литературу образы "хорошего индейца" и "подлого бледнолицего" — образы, подхваченные затем советским и особенно гэдээровским кинематографом; у ан-

глосаксов и французов, индейцы, напротив, обычно "грязные подонки"), расшифровка в свете "гиперборейской теории" индейских наречий основателем «Аненербе» профессором Виртом в книге "Происхождение человечества" и экспедиции учеников Хорбигера в перуанские храмы, т. е. "след Кетцалькоатля"…. Ныне существующая на юге Чили колония «Дигнидад», состоящая только из немцев и сохранившая островок "Нового Порядка" как раз недалеко от Антарктики… Навязчивая тема новейших фантастических фильмов типа «Нечто», где снова Антарктида становится центром вторжения на землю антиматерии…

Евгений Головин писал:

"В дали от Зодиака
как злая лесбиянка
Раскинулась нагая Антарктида…"

Очень занятный ансамбль тревожных сюжетов, связанных с зеленой звездой, рожденной из пены.

4. Астрология против астрологии

Венера — лишь наугад взятый пример соотнесения астрологии со смежными темами — астрономического, мифологического, символического характера. Вынесенная на план такого подхода Венера мгновенно гасит своим ужасающим светом все банальные выкладки гороскопов, приземленные (и уже поэтому неверные) интерпретации, скудоумные упражнения в шарлатанстве современных неоспиритуалистов. Единственно интересной ориентацией астрологии остается практически отсутствующая сегодня тенденция к возвращению метафизических основ этой сакральной науки, к новому обнаружению ее глубинного утраченного смысла. Если планета Венера связана с такими значительными темами, если к ее символизму сводятся нити таких потрясающих тайн, то просто позорно интерпретировать наличие ее влияний в гороскопе как "указание на скорую влюбленность, перспективу брака, страсть, приятное времяпрепровождение и т. д." Приятное, ничего не скажешь, времяпрепровождение в антарктических льдах в объятиях лициферических существ из подземных баз Четвертого Райха! Венера покровительствует Любви, но инициатической, тантрической, эротокоматозной и реализационной. Идиотов же эта планета (ее дух, ее "я") превращает в свиней, как Цирцея.

В сущности, не менее дикие тайны и не менее страшные бездны хранят в себе и другие планеты, кое-какие из них, заметим, названы совершенно неправильно.

Индийская Шукра, арабская Зухра, греческая Афродита, тольтекский Кетцалькоатль, латинский Люцифер — таинственная революционная реальность, пугающая, влекущая, садически жестокая и исполненная анормальной неги. Богиня, ее присутствие, ее таинство, ее потерянное в лабиринтах вырождения страждущее сумасшедшее потомство. Космическое подполье, альтернативный полюс, план по перевороту земного шара, как клепсидры. Typus Mundi таинственного алхимического текста, расшифрованного Эженом Канселье.

Астрология против астрологии. Взрывная реальность ослепительного откровения против занудливой и сервильной профанации оккультистских дельцов и стареющих дамочек с расшатанной психикой. Северный Полюс эклиптики, в конечном счете, есть порождение только мужских планет. Плод их заговора. Но до патриархата существовала более древняя и более сакральная цивилизация — эра Матерей. И не случайно в некоторых языках (в том числе немецком) солнце — женского рода, die Sonne. Не есть ли это шифрованное указание на то, что истинный полюс эклиптики и высшее «я» солнца лежат с обратной стороны шара тверди? Где-то в окрестностях Южного Креста... Если это так, то наше дело восстановить справедливость. И тогда мы увидим Venus Victrix во всем ее невозможном, ослепительном сиянии. Медная Дева, которую не может вместить Вселенная. Коронованная диадемой льдов в лучах женского солнца. Солнце — ее одежда, ее облачение, ее золотая парча. От красно-зеленой меди до философского золота рукой подать. Выбелить лицо Латоны и разорвать все книги. Детская забава.

А русским следует серьезно призадуматься относительно своего происхождения... Дети какой матери — мы? Не той ли самой?

Статья написана в 1995 г., впервые опубликована в ж-ле «Наука и религия» в 1995

ЛУННОЕ ЗОЛОТО

"Andromaque, je pense a vous" — "Андромаха, я думаю о Вас". Так начинается знаменитое стихотворение Шарля Бодлера «Лебедь». Евгений Головин, гениальный знаток творчества "проклятых поэтов", указывал на то, что величие Бодлера проявляется уже в обращении к Андромахе на «Вы». С самого начала этих строф обнаруживается вибрация *дистанции*, которая является смыслом всего стихотворения. Это — дистанция между поэтом и Вдовой, символом Абсолютной Печали. Одновременно, это дистанция между самой Вдовой и утраченной полнотой брака с героем Трои. Трое покровительствовал Аполлон, гиперборейский бог. В победе

ахейцев — триумф банального. Поражение Трои — утверждение великой дистанции и начало парадокса. Афродита — прекрасней Геры и тоньше Паллады... Даже если за это заплатят гибелью великого города... Потомки Трои, изгнанники, скитальцы позже основывают Рим. И мстят. «Илиада» не закончена. Римский пурпур дописал еще несколько томов, но этот царственный пурпур вскормлен скорбью, острым ощущением утраты, нищеты, обездоленности. Ромул и Рем, несчастные подкидыши, из-под звериных сосков поднимающиеся для покорения вселенной.

Андромаха, некогда жена славнейшего мужа, отданная на произвол мелкого ахейского тирана. Это — Пистис София, упавшая в бездну материи из светового эона, это — изгнанная Шекина, лишенная внимания Короля. Мысль об Андромахе будит в Бодлере другое воспоминание — воспоминание о лебеде. Гордая белая птица, сбежав из клетки дешевого зверинца, влача свои крылья по грязной пыли, в пересохшем ручье в отчаянии вздымала пыль, изгибая снежную тонкую шею.

"Вода, когда же ты хлынешь?
Когда же ты засверкаешь, молния?"

Небеса пусты и невзрачны. Лишь дым с парижского вокзала оживляет их безразличный холод. Возможно, обесчещенная, проклятая, райская птица бросала вызов самому Богу...

"Я думаю о негритянке, исхудавшей и чахоточной,
Топчущейся в грязи и ищущей безумным глазом
Отсутствующие пальмы великолепной Африки
По ту сторону бесконечной стены тумана..."

Андромаха, Белая Вдова, Белая, как бежавший из зверинца, но обреченный лебедь, становится Черной Женщиной, о которой пророчествуют загадочные слова Библии: "*Я черна, но я прекрасна*". Африка — черная родина. Кеми, черная земля, королевское искусство... В другом месте Бодлер говорит: "*для тебя я все золото превращу в свинец*". Всю луноглазую и туманную Европу — в роскошную Африку. Некоторые комментаторы считают, что здесь Бодлер намекает на свою темнокожую возлюбленную. Кто знает, сливались ли в его абсолютном сознании земная женщина и великий алхимический принцип?

В первом посмертном издании "Цветов Зла" Теофиль Готье писал, что Бодлер принадлежал к людям, которые думают сложно, а потом в тексте или беседе стараются упростить продуманное, чтобы сделать его понятным. (Это не всегда им удается). Большинство же людей, наоборот, мыслит банально, но иногда, чтобы казаться умными, сознательно усложняет свои примитивные

построения. Быть может, «негритянка» Бодлера — это и символ, и конкретная, живая актриса одновременно. А может быть, она еще при этом и нечто третье? "Тайная посланница звезды Бетельгейзе", например, как сказал бы Жан Парвулеско.

"Проклятых поэтов" магически притягивала нищета, скорбь, обреченность, обездоленность. "El Desdichado" Нерваля и его "Христос в Гефсиманском саду" — мистический манифест всех «проклятых». Меня поразила деталь кончины Нерваля — он повесился на улице, ближе к утру, когда небо уже начинал заливать безобразно свежий рассвет. Лебедь Бодлера ускользнул из зверинца тоже на рассвете — "*в час, когда пробуждается Труд"*. Утро для познавших тайну дистанции часто бывает невыносимым. Королевских детей раньше прятали в погреб, а герметики предупреждали, что материю философского камня нельзя подставлять солнечным лучам — в противном случае Великое Делание будет сорвано. Когда луч псевдозари непреображенного, ветхого мира падает на "*аквитанского принца, чья башня разрушена*" ("El Desdichado"), он страдает, как трансильванский вампир.

В поэзии логика обратна логике обыденного. Тот, кто спасается от бури и достигает берега, проигрывает и теряет все. "Потерпевший крушение" — вот истинно выигравший. Поэт, как Шива, выпивший яд Калакуту на дне мирового океана, заворожен самой низшей точкой Бытия. Он провидит в ней спасительную мистерию. Дно Зла дает поэту эталон для измерения онтологии, вкус метафизической дистанции, постижение пропорций. Банальные существа боятся Дна. Они всячески избегают его. Но низ подтачивает их изнутри, пока не выест душу. Нет ни одного святого, который миновал бы искушения Ада. Нет ни одного спасенного, который не познал бы таинства греха. «Добропорядочные» вне спасения и вне поэзии. Они — исторический антураж, картонные декорации...

"Я думаю о матросах, забытых на острове"...

О грубых и жестокосердых людях, не внушающих никакой симпатии, о глупых и циничных разбойниках, помеченных оспой и шрамами... Но, "забытые на острове", они преображаются. Если бы они спокойно плавали на своих кораблях, их жалкие душонки ни на волос не изменили бы могучего и бессмысленного хода Судьбы. Однако их просто забыли на одном из островов. Может быть, капитан посчитал, что их разорвали дикие звери, или кто-то просто высадил их там в наказание за разбой или неудавшийся бунт... Может быть, они налетели на рифы... Как бы то ни было, о них "забыли".

Безнадежные, неизвестные никому, брошенные, бессмысленные в прошлом и будущем, безымянные и не любимые, «проклятые» они входят прямо в центральные врата Бытия, куда путь заказан даже избранным. Дистанция, которая отделяет их от Большой Земли, абсолютна. Они — в центре Ада. По ночам ангелы смотрятся в их расширенные от ужаса зрачки и пугаются отсутствия в них своего отражения...

"Я думаю о матросах, забытых на острове,
О пленных, о побежденных!... И еще о многих других!"

Быть отверженным, пленным, побежденным, забытым — великая награда, которую Дух дает «своим». Данте, как и тамплиеры, никогда не улыбался. Некоторые говорили, что это потому, что он побывал в Аду. Генон возразил, очень точно, что, напротив, он не улыбался, так как побывал на Небесах и отныне, глядя на землю, безмерно скорбел. Мальдорор Лотреамона тоже не мог улыбаться. Тогда он взял остро заточенный нож и взрезал себе кончики губ. Посмотрев на себя в зеркало, он нашел, что улыбка получилась неудачной...

Улыбка — грех против Духа. Тот, кто улыбается, не думает об Андромахе. Тот, кто не думает об Андромахе, вычеркнут навеки из таинственной книги Света.

И о нем, в свою очередь, забудут нищие, люди-никто, вечные обитатели грязных больниц, мрачных тюрем, жестоких притонов, унизительных ночлежек, помоек и подвалов... Они-то и явятся грозными присяжными на Страшном Суде.

"Я думаю... и еще о многих других..."

Но кто такие «другие», о ком думает великий Бодлер? Надо ли понимать, что речь идет лишь о новых категориях отверженных, которых он забыл перечислить раньше?

Или, может быть, мысль об Андромахе привела его к какому-то порогу, за которым начинается встреча с «невыразимыми», с теми, чье страдание так велико, что само имя их разрушило бы хрупкий мир вокруг нас? Говорят, Франциск Ассизский увидел в свои последние дни самую страшную картину мира — распятого и рыдающего Херувима, зависшего над холмом на сером облаке. А какую фигуру видел в свой последний миг полузадушенный Жерар де Нерваль?

На фоне неподлинного рассвета чья-то тень стала перед его взглядом... В ней не было ничего обнадеживающего...

Американцы посадили своего соотечественника, самого великого поэта Америки, Эзру Паунда, в клетку. За то, что ему, как и Блэйку, было очевидно, что деньги и богатство — самое страшное

зло, а бедность, справедливость и чистота — величайшее благо.

"Еще поют петухи в Мединасели" — написано на единственном в мире памятнике Паунду, находящемуся в испанской провинции Сория. Все обездоленные мира совершают туда мистический пилигримаж. Что чувствуют они, стоя там, в простой испанской деревушке, где никто не знает, в честь кого поставили этот странный камень итальянский принц Иванчичи и чилийский нацист Серрано?

Он воздвигнут во славу бедности и простоты, незначимости, обреченности... Великое и гениальное связано таинственными узами с малым и простым. Это — помазанность общей Печалью, единой и неделимой Печалью "гефсиманской ночи".

Все аватары Вишну в индуизме заканчивали свое полное подвигов воплощение безмерной, нечеловеческой тоской... Рама тосковал и не радовался обретенной Сите, которую третировал в раздражении, а Кришна бродил в одиночестве по гнилым тропическим зарослям, пока не умер от тоски... Иисус пережил в Гефсиманском саду нечто невыразимое, о чем догадался, наверное, только Нерваль.

"Tout est mort,
j'ai parcouru les mondes..."
("Все мертво,
я прошел все миры...")

Есть древняя легенда о первом Святом, Хозрате, который был некогда другом самого Бога. Но однажды, он спросил Бога: "Почему существует Ад, и почему не вся вселенная, сотворенная Тобой, прекрасна?" Бог прошептал ему на ухо ответ, который его не удовлетворил. Хозрат задал свой вопрос еще раз. Бог еще раз ответил. После третьего раза Хозрат взял свой меч и воскликнул: "Ты не знаешь ответа! Я буду сражаться с Тобой!" Друг Бога стал на сторону обездоленных, проклятых, "потерпевших крушение", на сторону "худых сирот, сохнущих, как цветы", на сторону Андромахи, на сторону Гектора, на сторону Трои. Он выступил против Зевса. Он имел на это все основания.

Статья написана в 1993 г., впервые опубликована под псевдонимом "Леонид Охотин" в ж-ле «Элементы» № 4 (Досье «Социализм») в 1994

ПСЫ

"В лунном свете на морском берегу среди заброшенных одиноких лугов, когда вас угнетают горькие раздумья, вы можете заметить, что все вещи принимают желтые, причудливые, фантасти-

ческие формы. Тени от деревьев движутся то быстро, то медленно, туда-сюда, складываясь в различные фигуры, распластываясь, стелясь по земле. В давно прошедшие годы, когда я парил на крыльях юности, все это заставляло меня мечтать, казалось странным; теперь привык. Ветер выстанывает сквозь листву свои тоскующие ноты; филин же гулко кричит, так что у слушающих его волосы принимают вертикальное положение".

Так звучит зловещий зачин восьмого фрагмента первой "Песни Мальдорора". Этот фрагмент в целом поражает своей идеальной, нечеловечески совершенной законченностью: перед нами открывается глубинное мировоззрение Лотреамона, этого "великого неизвестного" мировой литературы.

Относительно Лотреамона существует несколько основных версий. Его открыли в начале XX века сюрреалисты, распознав в нем своего предтечу. Есть вульгарное мнение, что речь идет о тяжелом душевнобольном, а некоторые литературоведы интерпретируют его тексты как пародию на романтизм, готический роман или как легковесные упражнения в черном юморе.

Все это, однако, никак не приближает нас к пониманию Лотреамона, который остается зловещей энигмой, завораживающей не одно поколение людей, ищущих радикальных ответов и неортодоксальных вопросов. Вглядимся в указанный фрагмент первой Песни Мальдорора, приблизимся к его автору, этому "дитя Монтевидео", получеловеку-полудемону, в котором сочетались экстремальная жестокость Сада, «сатанизм» Бодлера, ослепительность Рембо и отчаяние Нерваля.

Уже понятно, что в данном антураже должно произойти что-то страшное, какое-то чудовищное, невозможное событие, близость которого бросает тень паранойи на сумрачный и тревожный галюцинативный пейзаж. (Когда читаешь лотреамоновское описание природы, кажется, что речь идет о психоделическом видении, больше напоминающем компьютерную графику, нежели прямолинейное наблюдение за внешним миром; складывается впечатление, что эти пейзажи написаны им в месте, не имеющем ничего общего с изображаемой картиной.)

Кто появится теперь на этой макабрической сцене? Вампир? Убийца? Белокурая бестия Мальдорор? Первертная старуха с окровавленным лезвием? Монстр?

Нет. На сей раз это будут *псы*.

"Тогда обезумевшие псы разрывают свои цепи и убегают прочь из далеких хижин; они бегут по полям то там, то здесь, внезапно впав в бешенство".

Казалось бы, ничто не предвещало такого резкого поворота событий; зачин предполагал коварное, таящееся зло, а не эту

необъяснимо молниеносную истерию псов. Но факт остается: речь идет о вдруг обезумевших псах — сошедших со своего собачьего ума без причины, без смысла, просто так, вдруг. На фоне зловещих теней и лунного света.

Псы — знаки-существа спонтанного пробуждения, страшные силы без рефлексий и психологического обеспечения. Они врываются в ткань текста вопреки автору. Создается впечатление, что фраза "тогда обезумевшие псы разрывают свои цепи" навалилась на Лотреамона без предупреждения, откуда-то извне. Возможно, он планировал описать иной макабр, погрузиться в другие созерцания кошмара. Но псы — кто эти псы? — настояли на своем, подмяв волю автора. Это всего лишь образы, это всего лишь текст, как-то неуверенно подсказывает наше обыденное сознание, уже явно предчувствуя, что сталкивается с чем-то необычным, страшным, выходящим за рамки литературы, психологии, условного языка ментальных конструкций. С жесткой и трехмерной, материально-телесной реальностью лотреамоновских псов.

"Внезапно они останавливаются, смотрят по сторонам в диком беспокойстве слезящимися зрачками".

После этой картины никаких сомнений не остается, что эти существа — псы — только, что появились в мире; они ведут себя не как бешеные животные, но как существа, внезапно и совершенно неожиданно для самих себя очнувшиеся в пространстве, совершенно отличном от привычного для них. Отсюда "дикое беспокойство в слезящихся зрачках". Далее настает время странной мистерии, особого ритуала, в котором родившийся невмещаемый ужас воплотит гимн своей собственной непреходящести.

"И как слоны перед тем, как умереть в пустыне, бросают в небо отчаянный взгляд, в безнадежности вытягивая хобот и расслабляя инертные уши, так и псы расслабляют свои инертные уши (анатомическая точность — А.Д.), поднимают головы, вытягивают шеи и..."

Что они сейчас начнут делать?

"... и принимаются лаять один за другим..."

Дальше следует серия метафор их лая, которая может служить парадигмой для описания неописуемого.

"принимаются лаять один за другим как ребенок, орущий от голода, как кошка, пропоровшая себе живот о конек крыши, как женщина, собирающаяся рожать, как больной, издыхающий в госпитале от чумы, как юная девушка, поющая утонченную мелодию."

Этот метафорический ряд ставит нас в особое отношение к звуковому восприятию: нежный женский голос и вопли кошки с разорванными внутренностями или хрипы умирающего выстра-

иваются в одну линию лишь у существа, обладающего предельного *иной* психической конституцией, нежели обычная нервно-эмоциональная система человека. Даже неразумные младенцы дифференцируют позитивный и негативный звуковые ряды — несмотря на все культурные или этнические особенности. Это значит, что автор пребывает в мире потусторонних псов, где царствуют иные законы и иные соответствия. *Как* лают псы, теперь понятно. (Понятно?) На что они лают?

"на звезды севера, звезды востока, звезды юга, звезды запада;"

Обратите внимание на последовательность упоминания сторон света — вначале север, потом восток, потом юг, потом запад. Крест ориентаций соответствует полярному, годовому движению солнца, против часовой стрелки. Это знак левосторонней свастики.

"на луну, на горы, похожие издалека на вздыбленные скалы, торчащие в темноте;"

(Беспрецедентно авангардно сравнение горы со скалой!)

"на холодный воздух, который они вдыхают полными легкими и который делает их ноздри пылающими и красными; на тишину ночи; на сов, чей косой полет срезает им кончики носов и в чьих клювах трепыхается лягушка или мышь (живая пища и столь приятная для птенцов); на кроликов, появляющихся и исчезающих в мгновение ока; на преступника, который спешно скачет на своей лошади, совершив преступление; на змей, которые шевелят папортники, заставляя собачьи шкуры дрожать, а собачьи зубы скрипеть; на свой собственный лай, который пугает их самих;"

Это очень важная деталь: собаки лают на лай, воют на вой, пугаются страха, сходят с ума от безумия. В мире абсолютной агрессии Лотреамона нет начальной точки, которая в результате литературного процесса диалектически отрицалась бы в дальнейшем. В этом его сущностное, радикальное отличие от сюрреалистов, которые начинали с нормы и двигались к безумию. Лотреамон начинает с безумия и движется внутрь него. Это особая диалектика, доступная лишь псам. Которые лают "на жаб, которых они перекусывают одним движением челюстей (зачем так далеко удаляться от болота?);"

Примечание Лотреамона, помещенное в скобках, свидетельствует о его снисходительности и заботе о легкомысленных читателях, заходящих в поисках смысла слишком далеко (от болота).

"на деревья, чьи едва дрожащие листья скрывают столько тайн, в которые им хотелось бы проникнуть своими пристальными, разумными глазами;"

Снова прямое указание на эмерджентность псов, возникших ниоткуда и очутившихся в полном уме и психическом равнове-

сии в мире, пронизанном безумием и необъяснимостью предметов.

"на пауков, зависших на их огромных лапах или лезущих на деревья, ища спасения;"

Скорее всего, пауки успели свить себе паутину между собачьих лап за то время, пока они пристально взирали на деревья, пытаясь их понять.

Видимо, это длилось довольно долго. Может быть, несколько дней.

"на ворон, так и не нашедших за весь день добычи и возвращающихся в гнездо с усталыми крыльями; на прибрежные скалы; на огни, мерцающие на мачтах невидимых кораблей; на гулкий стук волн; на огромных рыб, которые плавая, показывают свои черные спины, а потом бросаются в бездну, и на человека, который сделал их рабами".

Описание лая окончено. Подобно магнитной стрелке, агрессивное безумие псов проходило по секторам делириумного пейзажа, выхватывая из небытия или привычного воспаленные куски реальности. Пустота и наполняющие ее мириады существ были исследованы внимательным взглядом сошедших с ума животных, пока он не остановился на предельной точке: "на человеке, который сделал их рабами". Здесь кристальное выражение метафизической мизантропии, человеконенавистничества, являющегося центральной линией в послании Лотреамона. Человек есть обертка бреда. Внутри и вовне его клокочет метафизический ад, полный невнятных намеков и режущего страха. Но человек — поработитель псов — нашел способ закрыться, убежать от вопля реальности. Он возомнил себя в безопасности. Он карикатуризировал мысль, жизнь, дух, смерть.

Мальдорор неоднократно грозился, что это ему так даром не пройдет. Рано или поздно псы восстанут. Чуть ниже и в этом фрагменте начинают явственно звучать угрожающе гомицидальные ноты.

"Потом они снова несутся по полям, перепрыгивая на окровавленных лапах через канавы, тропинки, через пашню, кучи травы и торчащие булыжники. Создается впечатление, что они впали в бешенство и ищут гигантский водоем, чтобы утолить свою жажду. Несчастный запоздалый путник! Друзья кладбищ набрасываются на него, раздирают на куски и тут же пожирают, брызгая кровавой слюной, так как зубы у них как раз для этой цели. Дикие звери, не осмеливаясь приблизиться, чтобы поучаствовать в поедании человеческого мяса, пускаются бежать куда подальше, пока не скроются из виду, дрожа."

Этот хрестоматийный пассаж живописует, что станет с человеком и с человечеством, если они немедленно не изменят своего отношения к псам (к псам Лотреамона; все уже поняли, что речь идет о чем-то совершенно ином, нежели "домашние животные", известные как собаки). "Проходит несколько часов, и псы, вконец обессилившие от бесцельного бега, с высунутыми языками, бросаются друг на друга, и не понимания, что они делают, рвут друг друга в клочья на тысячу кусков с неимоверной скоростью."

Все. Инфернальная литургия закончена. Псы, появившись из живоносной тьмы несуществования, совершив все, что могли, исчезли. Так проходит припадок падучей, накат галюциногенов, шевеление нитей жизни в тканях ходячего трупа. Псы съели друг друга. У них не было иного выхода. Иначе Лотреамону их некуда было бы деть. Все цепи они разгрызли в самом начале.

Цикл агрессии завершен. Далее следует расшифровка самим Лотреамоном метафизического смысла происшедшего.

"Они действуют так не из-за жестокости. Однажды мать со стеклянными глазами сказала мне: "Когда ты лежишь в своей кроватке и слышишь лай собак в далеких полях, спрячься под одеяло и не пытайся представить себе, что там происходит. Они одержимы ненасытной жаждой бесконечности, как ты, как я, как все смертные с бледными и удлиненными лицами. А впрочем, подойди к окну и понаблюдай за этим спектаклем, в нем есть особая утонченность". С тех пор я очень уважаю стремление к смерти. Я, как и псы, чувствую потребность в бесконечности... Но я не могу, не могу удовлетворить эту потребность! Мне сказали, что я — сын мужчины и женщины. Это довольно странно... Я думал, что я нечто большее! С другой стороны, какая разница, откуда я взялся? Если бы это зависело от моей воли, я предпочел бы быть сыном самки-акулы, чей голод — друг бури, и тигра, известного своей жестокостью: тогда я был бы не таким злым."

Жажда бесконечности. Это базовый импульс, ток высокого напряжения, просветляющий и поражающий случайных существ кошмарного мира. Изредка. Как молния. Как мгновенный бритвенный порез. Загадка псов прояснилась. Что-то большее, чем их существо, шевелилось внутри них, обдавая холодом и бросая в бешеный водоворот всеуничтожения. Псы — мысли Шивы, Кровавого, красно-коричневого. Шивы вечного, скрытого, вездеприсутствующего. У Мальдорора была очень хорошая мать. Уступая педагогическому инстинкту, она решила, в конце концов, объяснить ребенку смысл бесконечности и позволила ему наблюдать гомицид и последующий коллективный суицид псов. Она привила ему "уважение к стремлению к смерти" и "потребность в бесконечности". Как-то само собой напрашивается догадка, что эта

удивительная женщина чем-то напоминает Кали, супругу Шивы. Ведь, пожалуй, только эта Дама, действительно, страшней живущей трупами потерпевших кораблекрушение акулы.

Далее Лотреамон описывает существование Мальдорора в пещере.

"Иногда, когда моя шея не может больше двигаться в одном и том же направлении и замирает, чтобы вращаться в обратную сторону, я внезапно бросаю взгляд на горизонт, виднеющийся через щели, еще оставшиеся среди веток, плотно покрывших вход в пещеру: я не вижу ничего! Ничего... как будто нет этих полей, танцующих вместе с деревьями и с длинными линиями птиц, рассекающих воздух. Это мутит мою кровь, мой мозг... Кто бьет мне по голове железным прутом, подобно удару молота по наковальне?"

Ничего. Жаждущий бесконечности рано или поздно, но приходит к Ничто, к его вкусу, к его абсолютной, последней стихии. Этих полей и деревьев на самом деле нет. Они давно ушли вместе с разорванными в клочья псами. Псы утащили их с собой, в воронку вечности, вывернув пейзаж наизнанку.

Удар молота не может убить, как не может оживить чистый воздух, полный утреннего озона.

Ничего.

"Rien, cet ecume...". "Ничто, эта пена..."

Маллярме

Статья написана в 1995 г., впервые опубликована в ж-ле «Элементы» № 5 (Досье «Терроризм»), 1995

Часть 8 Гость изнутри

РУССКАЯ ВЕЩЬ

Россия — страна сна. Ее грани размыты, ее пейзажы туманны, лица русских людей не держатся в памяти. Язык основан на интонациях и ассоциациях, на каком-то таинственном токе невысказанного и нерационального, что проступает сквозь обычные слова и фразы. В тайне русского языка — тайна России.

Однажды гениальный Евгений Головин удивительно точно указал на существование в языке (русском) особого пласта, который находится между речью и молчанием. Это еще не слова, но уже и не отсутствие их. Это загадочный мир сонных звуков, странных вибраций, предшествующих фразам, предложениям, утверждениям. Их и мыслью не назовешь. Головин привел тогда в пример фразу писателя Юрия Мамлеева из эпохального романа «Шатуны» — "Федор рыл ход к Фомичевым". В ней выпукло, осязаемо, почти плотски ощущается этот промежуточный пласт, ткань стихии русского сна. "Что-то копошится в чем-то, чтобы попасть куда-то." Одна неопределенность упрямо орудует в другой, чтобы достичь третьей. Это не психоанализ, не безумие, не банальный идиотизм. Просто в подвалах национальной души ворочается нечто не имеющее названия, увертывающееся от света, отвергающее воплощение в форме, которая будет заведомо уже, суше, фальшивее.

У Мартинеса де Паскуалиса, основателя мистического учения «мартинизм», который так повлиял на европейскую (в том числе русскую) мистику XVIII–XIX века, есть особое таинственное понятие — «Шоз». Столкновение с этой реальностью является, по Мартинесу де Паскуалису, венцом духовного опыта, последним и высшим результатом сложнейших теургических и магических операций. Конечно, можно было бы тупо перевести французское слово «chose» его русским аналогом «вещь», но все сложнее. Русское слово «вещь» этимологически происходит от глагола «ведать», т. е. «знать». "Вещь", таким образом, в русском языке определяет не предмет сам по себе, но его известность, его знакомость, мысль, информацию о нем. Вещь есть то, о чем человеку (или нечеловеку) известно. «Шоз» — это нечто иное, это темная сторона предмета, ускользающая от взгляда разума. «Шоз» относится, скорее, к полуречи-полумолчанию. Это озарение неразумным присутствием, которое больше похоже на ожившую тьму.

Сны рождаются тогда, когда смежены веки. Русские так и живут. Видят наполовину то, что есть, а наполовину то, чего нет.

Тонкое опьянение, неожиданные совпадения, смутные предчувствия... Насколько все это интесивнее, чем рациональные действия, банальные цели, скупые наслаждения иссохшей в нудном бодрствовании плоти! Русские живут в постоянном предвосхищении «Шоз». Это нам всем понятно и близко. Колючая мгла нашего содержания, мягкая ткань умственного подземелья, белесые пятна родных сумерек.

"Федор роет ход к Фомичевым." Не поддающийся расшифровке контекст этого послания и есть почти физическое выражение «Шоз» Паскуалиса. И нет ничего яснее этого для нашего великого спящего пророческим сном народа.

Неслучайно Жозеф де Мэстр, знаменитый французский мартинист и крайне правый мыслитель, осел в России, а его главный труд носит название "Вечера в Санкт-Петербурге" (кстати, он был учителем Чаадаева, который прекрасно уловил полную анормальность русской жизни, хотя и не сумел перейти от возмущения ею к любви к ней — возможно, из-за ужаса перед чистой стихией "Шоз".) Также не случайно другой великий эзотерик Сент-Ив д'Альвейдр восхищался русскими, женился на русской и говорил, что "у этого народа мистицизм в крови, ему не надо ничему обучаться". Сюда же влекло доктора Папюса и его учителя мэтра Филиппа. А основательница теософизма — мадам Блаватская — была и вовсе русской истеричкой. Неважно, $что# конкретно говорят оккультисты, как они рационализируют свой опыт. Их системы как таковые — самое неинтересное, что у них есть. Гораздо забавнее тот особый, уникальный вкус помешательства, сонного лунатизма, который обязательно наличествует в их писаниях. Чтобы они ни несли об астрале или чакрах, сквозь них, в их мозгах "Федор роет ход к Фомичевым", в теплом мраке души копошится нечто неспокойное. То же самое, что у всех нас. "Русский след" есть во всех эзотерических учениях. Не случайно. Сны рождаются на нашей территории, в пределах России. Наша нация ответственна за них, как цверги ответственны за сокровища Рейна, а феи Монмура за Святой Грааль. Русский язык — сплошная непрерывная мантра. Контекст в нем удушает своей плотностью любое послание, событие расстворяется в фоне, зеркальные аналогии подрывают логический дискурс. Русский язык — мать всех языков, потому что это не язык, а возможность языка. В нем нет такого утверждения, которое не несло бы в себе собственного опровержения, самоиронии, абсолютно инакового послания. Это касается не только нашей литературы, но и газетных статей и официальных сообщений.

"В результате операции погибло 186 заложников" (Из чеченских сводок). Что это значит? Может быть погибли все 500, может

быть ошибка (или сознательная деза) и погибло всего 5. Может быть, это были не заложники, а агенты или сами боевики. Может быть, вообще ничего не произошло. Может быть, произошло нечто ужасное и не сопоставимо более масштабное. Может быть, погибли случайные люди. Может быть, смерти вообще не существует, но лишь плавный переход от одних сновидений к другим... Может быть, напротив, не существует жизни, и все мы давно умерли. Русские не удивятся ничему. Подмигнут в душе, почешут, нальют.

"Шоз" важнее всех слов и сообщений. Она давит изнутри и пропитывает своим пьянящим соком. Подобно слепым богам, ангелам-идиотам копошится «Шоз» в нашем национальном бессознательном.

Другие народы не выдержали бы так не только столетия, — как мы, — но и нескольких дней.

Выше разума и паранойи, грязи и непорочности, времени и конца его — Россия сна в вопросительных снегах и душной светлой тоске.

Родина.

Статья написана в 1995 г., впервые опубликована в газете «Лимонка» в 1995

ТЕМНА ВОДА

(о Юрии Мамлееве)

"Вы включаете в Schein все богатство мира
и вы отрицаете объективность Schein'a!"

В.И. Ленин (о Гегеле в "Философских тетрадях")

Юрий Витальевич Мамлеев не совсем писатель, назвать его произведения литературой не поворачивается язык. Но и не философ он. Где-то посередине, где художество плюет на стиль, а умозрение не ведает строгости. Но не вся ли русская литература такова? Всегда слишком умна для belle-lettre, но слишком растрепана для философского трактата... Все, что выпадает из этого определения — Набоков, например, — не особенно интересно, не особенно русское. В русском тексте должна быть, по определению, неряшливость (от полноты чувств и интуиций), сумбур, глубина, похохатывание, переходящее в слезливый припадок и особая прозорливость, сдобренная тоской. Концепция бросается в болтанку стихии и обретает особое анормальное бытие, гражданство, место в уникальной вселенной русской словесности. Конечно, не всякий туда попадает — в эту словесность, в мир нашего национального интеллекта. Мамлеев — вне всяких сомнений, литера-

тор России.

1 Неизвестные монстры 60-х

Мамлеев в «Шатунах» сформулировал миф, от которого не свободен никто. Это жуткое в своей телесности проклятие, угаданного и какого-то далекого смысла, пробившегося к нам и понуждающего нас к чему-то, что мы никак не можем ухватить. Не образы, не слова и тем более не сюжет важны в «Шатунах». Там содержится некоторое присутствие, не тождественное ничему по отдельности. В романе зарыто *нечто*. Нечто нероманическое. Как будто держишь в руках не книгу, а пустое место, воронку, ехидную, черную, засасывающую в себя большие предметы. «Шатуны» — это тайное зерно 60-х. В нонконформистском подполье тоже была иерархия. Самый внешний фланг — либерально настроенные чиновники и интеллигенты, не порывающие с системой. Эти вообще мало интересны, кормились объедками и все больше по задам. Далее — политические антисоветчики (кстати, как левые, так и правые, как западники, так и славянофилы, не надо забывать; на каждого Сахарова был Шафаревич, а на каждого Буковского — Осипов) и художническая богема. Эти были вне социума, под надзором, но все же в промежуточном состоянии, читали плохой самиздат и урывали крохи от внутреннего круга. В центре же внутреннего круга, т. н. «шизодидов» восседал на своем Южинском сам Юрий Витальевич Мамлеев и еще несколько "высших неизвестных", «метафизические». О них то и написан роман «Шатуны». Реалистичное повествование с наивным желанием красоты стиля о том, что было для внутреннего круга будничным.

"Свиньи, когда видят меня, блюют", — говорит в одной из песен Лотреамона его главный герой Мальдорор. Приблизительно такую же натуральную реакцию вызывал мамлеевский мир у неподготовленного внешнего круга. Говорят, в 60-е одна случайная затесавшаяся на чтения Мамлеева дамочка из «внешних» поступила в точности, как те свиньи. Ее кавалер, пошедший пятнами инженеришка, разозлившись, будто бы кричал Мамлееву: "Какой вы писатель?! Вы даже мне ботинки поцеловать не достойны..." "А вот и достоин," — ухмыльнулся Юрий Витальевич и полез под стол исполнить...

Если верить прекрасному русскому философу Сковороде, то "нужно везде видеть надвое", "всякая вещь двоится". За формой из праха проступает иная сторона. Если углубиться в эту иную сторону, сам мир праха, обычный, предстанет совсем в новом свете (или в новой тьме). «Шатуны» это развитие такого теургического реализма применительно к нашей духовной ситуации.

2 «Преступник» Мамлеев

Когда в декабре 1983 года меня привезли на Лубянку, отняв архивы Мамлеева, которые мне передал на хранение один "высший неизвестный" (так до сих пор и не вернули), задан был вопрос с угрозой — "а не стоит ли за литературой Мамлеева социального подтекста?" Тогда казалось, что очень косвенно, но стоял, поскольку жить в «Шатунах» и смотреть телевизор одновременно было практически невозможно. Какой-то глубинный приговор системе... да, просвечивал, но уж, конечно, поздний, рыхлый, косноязычный совдеп был слишком жалким объектом для разрушительного воздействия мамлеевщины. Надо было брать шире, подумать об основах современного мира, а может, и вообще всего человечества. Очень уже вселенской была страшная проблематика, обнаруженная "метафизическими"...

Сейчас «Шатуны» изданы отдельным изданием, открыто, причем уже повторно. Сам Мамлеев иногда показывается на телеэкране с кошечкой и мягко машет ручкой. Приехал из эмиграции, член Пенклуба, его теперь можно встретить чуть ли не с министром... А я бы на месте нынешних властей запретил бы все произведения этого писателя с еще большим основанием, чем были у застойных гэбэшников. Вы только почитайте, что там написано:

"Прижав парня к дереву, Федор пошуровал у него в животе ножом, как будто хотел найти и убить там еще что-то живое, но неизвестное. Потом положил убиенного на Божию травку и оттащил чуть в сторону, к полянке".

Это уже на первой странице, а дальше все идет по нарастающей. Если быть внимательным, то мы обнаружим здесь некоторые обертона, которые резко и наотмашь отличают мамлеевский текст от ставшей привычно «чернухи». У Мамлеева за видимым мракобесием явно проступает какая-то нагрузка, какой-то невероятно важный смысл, какая-то жуткая истинность... Вспоминается Савинков, писатель и террорист ("Конь бледный") или Жан Рэ, черный фантаст и реальный гробокопатель. Интересный питерский литератор Кушев, остроумно помешавшийся на Достоевском, доказал в своей брошюре "730 шагов", что Федор Михайлович сам убил старуху процентщицу. Точно так же совершенно ясно, что сам Мамлеев каким-то далеко не невинным образом причастен к тому, что описывает.

Но не в убийстве главное, хотя главный герой «Шатунов» именно убийца, Федор Соннов, причем Мамлеев поясняет, что мол, не простой он убийца, а *метафизический*.

3 Wanderer in Nichts

И снова к Сковороде, к его раздвоению вещей. Недаром его считают первым настоящим русским философом.

Кого ищет убить Федор?

Если есть *две* стороны у вещи, и если вторую сторону можно как-то схватить, значит, иное из отрицательной категории переходит в положительную. И наоборот, привычное, ординарное, становится сомнительным, недоказанным, проблематичным. Вот что гнетет всех пресонажей Мамлеева. Это ключ ко всякому «шатуну». Федор Соннов на практике воплощает глубинную мысль Сковороды самым прямым и бесхитростным образом: если жизнь души больше, чем жизнь тела, то миг убийства становится сугубо гносеологическим моментом, волшебной точкой, где иное проступает воочию, наглядно. Федор стремится использовать отходящую душу каждой новой жертвы своей как трамвай в потустороннее, как лифт, который унес бы его в мир более подлинный, чем безвоздушные тени земли. Это русский народ, беременный метафизическим бунтом, плотски и жадно жаждущий плеромы. Руша, он освобождает сокровенное нутро. Преступая, он жертвенно размазывает по горизонтали самого себя, чтобы проступила вертикаль. Страшный и громоздкий, мутный мыслями и неохватный локтями, несет он сквозь века тяжелую мучительную думу об Ином.

Убийца Федор, на самом деле, никого не убивает. Он силится мыслить, тянется осознать себя, шум русской своей крови, завороженной миссией, заколдованной пробуждением, обрученной с последней тайной. Федор свидетельствует о том, что не может в нем уместиться, что давит всех нас изнутри.

"Радость великую ты несешь людям, Федя", — вспомнил он сейчас, добредя до скамейки, слова Ипатьевны. В воздухе или в воображении носились образы убиенных; они становились его ангелами-хранителями." Действительно, "радость великую". Озарение нездешней свободой. Все остальные простонародные персонажи «Шатунов» — скопцы, идиоты, юродивые, сырая-земля Клавуня, самоед Петенька, русские тантристы Лида и Паша Фомичевы и т. д. — лишь антураж "метафизического убийцы", спектр не совсем радикального опыта, подпитанного, однако, верным импульсом. Особенно выразителен Петя, поедавший самого себя, вначале прыщи и ссадины, потом и свою кровь с мяском. Так втягивается существо внутрь себя, ко второй стороне вещей. Прагматичные индусы называет это "практикой черепахи". Это ближе всего к Федору, "путнику в ничто". Wanderer in Nichts.

4 Русская метафизическая элита

Федор — народ. Он понимает все конкретно. Мыслит руками, животом, телом. Есть в «Шатунах» и другой полюс — «метафизические». Интеллектуалы, подводящие под животворное народное мракобесие теоретическую основу. Здесь у Мамлеева образы более индивидуализированы, узнаваемы. Суперсолипсист Извицкий, влюбленный в свое я, как в телесную женщину, или еще более плотски. Узнаются явные черты одного гениального поэта и мистика. Извицкий — эстетический экстремист религии «я». Это специальная эзотерическая доктрина, согласно которой второй стороны вещей можно достичь бесконечно утончая свое субъектное начало. Ускользнуть по нити в зеркальный мир через самозабвенную любовь к себе. Оперативно магический нарциссизм, когда каменеет оригинал, но водное отражение обретает особую невыразимо наполненную жизнь. Бытие в подводных лесах.

Анна Барская — alter ego одной очень известной в Москве особы. Юрий Витальевич до своего неумного отъезда зарубеж (что забыл этот глубинно, до визга, русский писатель в скучнейшей Америке, никто не может сказать, тем более он сам) называл ее "духовной дочерью". Самая безумная и очаровательная женщина шизоидных 60-х. "Мать русской революции". Жена одного из лучших нонконформистских художников, — отравившегося такой лошадиной дозой наркотиков, от которой могли бы умереть все калифорнийские хиппи вместе взятые, — она пыталась донести «метафизическое» и до внешних кругов подполья. Лишенная Мамлеева в потерявшем тугой объем 60-х позднем Совдепе, Анна Барская лишь комментировала прошлое и пила с художничками. Часто перед ее квартирой в Филях на коврике лежал пьяненький Зверев. (Говорят, у него была бумага от какого-то министерства, подтверждающая, что он — национальное достояние и поэтому в вытрезвитель его забирать не нужно.)

Превратившийся в куро-трупа профессор Христофоров — мамлеевская сатира на тех «внешних», которые, заинтересовавшись «метафизическими», шарахались от их постановки вопроса. Проложив между русской метафизической реальностью и собой скверно понятые старые книжки, они зверели где-то между ужасом мысли и блаженным идиотизмом брежневского покоя. В перестройку такие стали главными авторитетами интеллигенции. Мамлеевский куро-труп — это "архитектор перестройки".

И наконец, главный герой — сам Анатолий Юрьевич Падов. Ясно, что здесь много автобиографических черт. Интеллектуальный двойник простонародного Федора. Русская метафизическая элита. Так же неистребима в нашей истории, как и вдохновенный странным духом народ наш. Углубленная в себя, часто неразли-

чимая за щелкунами-проходимцами, лезущими на передний план, она существует из века в век — в тайных обществах, под сводами царских библиотек, в радикальных оппозиционных движениях, в центре заговоров, в какой-нибудь провинции, занесенной снегами, но чаще всего в Москве. Истинная аристократия. Живой прототип Извицкого как-то рассказывал мне, что наткнулся в Ленинской библиотеке на редчайший энигматический трактат алхимика Сандивогиуса "О соли" с пометками анонимного читателя XIX века (старая орфография): "Все в России дураки, один я — умный". И приписочка: "Читай трактат Сандивогиуса-сына, обретешь камень." Падов и есть такой "умный".

"Однажды, поздней осенью, когда ветер рвал и метал листья, образуя в простанстве провалы, около одинокого, пригородного шоссе, в канаве, лежал трезвый молодой мужчина в истерзанном костюме и тихонько выл. То был Анатолий Падов".

Он выл от ума, от предельной ясности грандиозной метафизической проблемы, данной русскому сознанию без всяких дополнительных инструментов, напрямую, жестоко и милосердно. "Бездна призывает бездну". — Эти слова Псалтыри служили девизом одного тайного алхимического ордена. Формула истинной мысли. Бездна неопределенности данного, видимого мира, раскатанная, непустая, давящая, поднимает в сознании страшный вопрос о второй стороне реальности. Вторая сторона — не уютная примитивная католическая схемка, где небо и ад, как раек, людишки подобны колесикам. Русский всеохватный масштаб, в нем бескрайняя Россия, тайная, страшная, родная, поглощает человека, растягивает его сознание до своих бесконечных границ, и все для того, чтобы поднять вопрос об *Ином,* об обратной стороне, еще более великой, более таинственной, более странной, нежели сама наша святая страна. Жизнь и смерть, «я» и больше, чем «я», глубина и бездонность, делающая глубину отмелью. Омут созерцания, восторг невнятного ослепления, тьма невместимой интуиции. Завоешь тут.

5 Девочка, читающая Мамлеева

Что бы ни произошло, как бы все ни повернулось, Мамлеев и его «Шатуны» — это нечто закрытое, не подлежащее профанации, предназначенное для немногих. Глядя на нынешнее ладненькое издание, с ностальгией вспоминаю ксерокопированные томики в зеленом ручном переплете без тиснения (чтобы было непонятно для спецслужб; наивная хитрость), всего экземляров 50, в которых Мамлеев читался в первые годы прошлого десятилетия. Хорошо бы, конечно, если непонятливые «внешние», купив Мамлеева случайно, по недоразумению, поступили как те свиньи у Ло-

треамона, которых я уже поминал. Боюсь, что теперь такой чистой реакции не дождемся. Приученный к внешне похожему — плоской и совершенно необоснованной чернухе, неоправданным и недостоверным американским ужасам, сводкам дурной криминальной хроники — циничный нынешний читатель, скорее всего, просто не обратит на «Шатунов» внимания. Обнаглевший, утративший позднесоветскую девственность, насмотревшийся триллеров и экранизаций Стивена Кинга, современный русский окончательно потерял последнюю деликатность, минимум которой необходим для того, чтобы испытать отвращение, шок, ужас...

Особенно нервируют постмодернисты, копирующие некоторые узнаваемые интимные мамлеевские мотивы, но разбавленные китчем, желанием поразить, тупой саморекламой, несдержанным арривизмом, полной глухотой к национальной стихии — как в ее «сонновском», так и в ее «падовском» аспекте. Понятно, что остановить гадов никак не получится. А хочется.

Хочется также, чтобы, как на картине гениального Пятницкого, нежный глаз девушки засветился странным сиянием над страницами самиздатовских «Шатунов». В тиши, в тайне, в глубоком и сладком, безумном, московском, страшном, надрывном, слезливом, русском подполье, где вечная зима плоти пестует райский сад истомленного метафизикой духа.

"Девочка, читающая Мамлеева". Так называлась картина Владимира Пятницкого. Смотреть на нее когда-то водили целые делегации метафизиков. Это казалось невероятным парадоксом. — Мамлеева — и читают! Книжка его. Мир перевернулся.

Теперь вот издали. Могут прочесть все, кто захотят. Мир не перевернулся.

Грустно, очень грустно от этого...

Да и не только от этого.

Статья написана в 1995 г., впервые опубликована в «Независимой Газете» в 1995

аа

ДВУХГОЛОВАЯ ЧАЙКА МАРКА ЗАХАРОВА

Посвящается С.Курехину

1. "Странная" пьеса

Сам Чехов говорил о том, что «Чайка» — "странная пьеса". Даже для него, не говоря уже о публике, она была чем-то неожиданным, новым, необычным. Почему? Попробуем разобраться.

Сразу заметим, что есть две общепринятые традиции в постановке этой пьесы. Первая — классическая. Какие бы удачные или

неудачные версии ее мы ни рассматривали, очевидно одно: никакой странности в постановках не чувствуется. Все персонажи и сцены играются в обычном чеховском стиле, актрисы истерично голосят от женской потерянности, а актеры изображают вечные метания бессильной интеллигенции и экзистенциальное безразличие обывателей. Как и во всех остальных чеховских пьесах. Меняется лишь убедительность игры, и чисто технические навыки режиссера.

Практически то же самое можно сказать и о модернистской версии постановок «Чайки», к примеру, таганковской. Здесь то же ровное полотно однообразной драматургии, только истерика подается более жестко с фрейдистским пафосом, а интеллигенты выступают как откровенные психопаты. Короче, если в первом случае все растворяется в «классицизме», то во втором случае в «модернизме». И там и там есть свое (закономерное) прочтение Чехова, но равным образом отсуствует даже подозрение о том, что эта пьеса является чем-то экстраординарным для нашего писателя, а следовательно, проблемным, отличным от его остальных драматургических работ. Поэтому были такие трудности с первыми постановками «Чайки». Тогда публика еще делила созерцаемые спектакли на те, которые она понимает, и те, которые не понимает. Качества кича "поход в театр" как на чистое зрелище — при полном невнимании к концептуальной стороне происходящего — театр тогда еще не приобрел.

Редчайшей версией «Чайки», в которой, действительно, наличествует некоторая странность, является постановка ее Марком Захаровым. В ней налицо отказ и от классики и от модернизма, более того, отказ от обычного понимания Чехова. Поэтому именно захаровский спектакль обнажает и обнаруживает то, что обычно тонет в других трактовках.

2. Невыразительная парочка из другого спектакля

В постановке Захарова бросается в глаза один момент, он-то и составляет «странность» его спектакля. Речь идет о резкой разнице между игрой двух групп актеров: с одной стороны, пары Нина Заречная (Александра Захарова) — Констатин Треплев (Дмитрий Певцов), с другой, всех остальных, и особенно пары Аркадиной (Инна Чурикова) — Тригорина (Олег Янковский), главных в этой второй группе. С первого взгляда может показаться, что все дело в качестве актерского таланта, в опыте, в соответствии характеров. Но потом начинаешь понимать, что это не так, что дело сложнее. Явная граница проходит не по возрастной или профессиональной линии, но по концептуальным различиям двух этих миров у самого Чехова.

Совершенно очевидно, что линия Аркадина-Тригорин (и вся остальная их компания) действительно проходит в рамках традиционной «чеховщины», отчуждения, интеллигентского бессилия, экзистенциального тупика человеческих характеров, потерянных в потерявшем смысл и ориентиры мире. Их формула — бессилие перед лицом бытия, полный крах надежд и чаяний, отрицательный результат заведомо провального жизненного пути. Одним словом, вечный удел интеллигенции, зависшей где-то между элитарной экзальтированностью чистого бытия и простонародным смирением. Эта тема может быть адекватно воплощена и в классичесой и в модернистической манере, поскольку что-что, а полная дезориентированность и жизненный тупик нашей интеллигенции прекрасно известны. Конечно, талантливые актеры и блистательный режиссер показывают это выпукло и наглядно, убедительно и емко. В псевдоклассических советских «Чайках» эта безысходность была завуалированна неискренним подтекстом, что "так, мол, было только до революции", теперь иначе. Но интеллигентская "фига в кармане" начиная с 60-х была понятна и непосвященным. Какой интеллигенция была, такой она и осталась. Чурикова и Янковский не только в «Чайке», не только у Захарова исчерпывающе свидетельствуют всем своим видом, жестами, манерами, о том, что тема потерянности интеллигента для России остается вечно актуальной. "Новый человек" невозможен. Ветхие характеры, не способные ни гореть, ни затухнуть, бродят по нашей истории последних веков, как неизгонимые никакими экзорцисами упорные ревенанты.

Надо сказать, что у Захарова эта сюжетная линия в нынешней «Чайке» дана крайне мило — без отжившего классицизма, но и без модернистических псевдосовременных банальностей. Одновременно, в удачном сочетании есть в спектакле и то, и другое, и консерватизм, и свежесть. Но дело не в этом...

Дело в том, что линия Заречная — Треплев резко контрастирует с линией остальных персонажей, выпадает, вываливается, повисает в воздухе. Если Чурикова и Янковский играют то, что есть, убедительно, телесно, Захарова и Певцов пребывают в каком-то вакууме. Кто они? Зачем они? Что делают? По какому поводу расстраиваются? Абсолютно непонятно. Непонятно зрителю, актерам, видимо, режиссеру тоже.

Неужели необычный сверхпассионарный накал этой атипичной для Чехова пьесы проистекает лишь из банальной влюбленности молодого бездаря к истеричной актрисульке, без мозгов, таланта и элементарной жизненной осторожности? Если это было бы так, то в пьесе не было бы ничего «странного», напротив, это был бы заведомо провальный спектакль с совершенно необ-

основанной и неоправданной патетикой и дурным, мещанским символизмом.

Неуверенность Заречной-Захаровой и Треплева-Певцова у Марка Захарова относительно того, *что* они изображают в спектакле, свидетельствует о том, что они догадываются об особом смысле «Чайки», о некотором метасюжете, выходящем за рамки собственно «чеховщины». Они как бы остаются в невесомости, в каком-то стеклянном куполе, вынесенном за пределы основного хода пьесы. Они бледны, недостоверны, смазаны. Как персонажи того неуклюжего спектакля, который в начале «Чайки» пытается продемонстрировать циничной мамаше с ее именитым любовником несчастный Треплев.

Стоп. Этот декадентский спектакль в спектакле... Вот в чем «странность»! Именно благодаря этому сыплется стройность характеров. Пара Заречная-Треплев принадлежит к иной пьесе; он — автор, она — главная и единственная актриса. Поэтому они выпадают из общей «тусовки» Чуриковой-Янковского-Броневого и остальной интеллигентско-беспонтовой компании. Их пьеса *иная*, на фоне других весомых и объемных образов она стирается, будучи полупрозрачной, субтильной, не принадлежащей к мажоритарной реальности. Захаров осознает это и проводит резкую черту, устанавливает апартеид молодых по отношению к заслуженным, и тем самым, действительно, ставит метафизическую проблему «Чайки». Тонкий режиссер, не пошедший на поводу мэйнстрима, чуткий человек, могущий отличить понятное от непонятного. В наше время это исключение. Сегодня всем кажется, что они понимают все. Вместо вопроса сразу дается (как правило, глупейший) ответ.

Захаров, мужественно идя на риск смазать зрелище, предпочитает быть честным.

3. Чучело Ахамот

Декадентская пьеска Треплева — это, конечно же, не Чехов. Это Мережковский. Ее тема практически не пересекается с чеховскими характерами. Речь идет о холодной гностической интеллектуальной теории, внятной лишь для особых трансцендентно ориентированных умов. Заречная-Чайка — это не примитивное знаковое обозначение романтической девицы в соку, это персонаж глубоких эзотерических доктрин, София или Ахамот, Небесная Мудрость, гностическая Женщина-сверху, павшая в материальный мир безысходного количества, энтропии, ветхости. Нина Заречная, играя в пьесе Треплева, прямо обо всем этом и заявляет. Чайка — образ Души, потустороннего Света, онтологической причины.

Треплев — гностик, метафизический адепт Абсолюта, устремивший свой взгляд по ту сторону видимости, озабоченный сотериологической мистерией спасения Мировой Души. Он призван вырвать ее из оков тлена, восстановить ее небесное достоинство и через это героическое деяние преобразить и обновить Вселенную. Между ними протянуты магические нити инициатической сакральной Любви. Они втайне прежде времен повенчаны "Милосердной Короной Тантры" (Ж.Парвулеско). Эта пара совершенно не умещается в Чехове. Такое впечатление, что он просто перенес их со страниц других авторов, вместе с диалогами, взглядами, жестами, но при этом поместил в свой традиционный — кряхтящий о крыжовнике и попивающий наливочку — антропологический контекст. Они выпадают и смотрятся в нем нелепо. Уже у самого Чехова. Что же говорить о постановщиках...

"Я — чайка," — говорит Нина Заречная. Это означает не безвкусную метафору барышни, выходящей из пубертатного периода, но жесткий гностический тезис: "Я — Ахамот, трансцендентный Ангел запредельного сознания, крылатый женский архонт световых эонов. Я — не человек, я — огненная мысль Абсолюта."

Сам Треплев выступает как скриб полученного откровения, как палладин неочевидной, волевой истины, как герметик, алхимик, адепт секретного Ордена, как тамплиер или альбигоец. Для него фраза "Я — чайка" имеет откровенно метафизический смысл, и именно этот смысл предопределяет его поступки в сюжете. Они недостоверны и невнятны только потому, что их логика настолько тонка, что теряется за выпирающими во все стороны гранями сальной экзистенциальности остальных фигур пьесы. По той же причине и Заречная выглядит глупенькой.

Итак, «Чайка» — это две пьесы, диалог двух авторов, двух видений мира. Холодный абстракционизм Мережковского с его элитистской сотериологией и изумительно достоверный интеллигентский экзистенциализм собственно Чехова.

Гностический миф для избранных и пряный пессимистический реализм для профанов. Субтильные фигуры полубесплотных маргиналов Заречной и Треплева против мясистых душ Аркадиной и Тригорина. Любопытно, как Захаров чутко понимает Чехова. — Плохая актриса Нина Заречная и хорошая актриса Аркадина; бездарненький романтик Треплев и маститый писатель Тригорин. Захаров заставляет свою дочь Александру Захарову «плохо» играть плохую актрису, а супермена постперестроечных боевиков Певцова превращает в хилого маменькиного сынка (глядя на этих актеров, кажется, что они и есть такие в жизни). И напротив, Чурикова и Янковский, и так уже прошедшие десятки ролей, где они выплеснули всю мощь экзистенциалистской

безысходности, кажется, на этот раз в «Чайке» превзошли самих себя. Сверхубедительные, объемные, внушительные мерзавцы вышли у них фантастически реально.

Благодаря диссонансу в качестве актерской игры Захаров ненавязчиво и очень деликатно прокомментировал самого Чехова, расшифровал его замысел, акцентировал его сюжетную магистраль.

В терминах чисто интеллектуальных у авторов типа Мережковского вся проблема формулируется сухим и заведомо антиэгалитарным, провокационно энигматическим образом: "Ахамот пала в лапы мертвой материи". Чехов в «Чайке» иллюстрирует этот тезис своими художественными средствами. Вначале есть статическая суперпозиция первого спектакля (Заречная — Треплев, в нем они активные действующие лица) и второго главного спекталя (в нем на первом плане Аркадина и Тригорин — но начинают с роли зрителей). Нина Заречная объявляет гностический миф. "Чайка Души некогда низошла в миры холодного ада". Далее этот сценарий осуществляется на практике. Гностик-Треплев и его астральная Прекрасная Дама переходят из сферы патетических эзотерических деклараций в плотную действительность. Но это и есть реализация утверждения "Ахамот пала в лапы мертвой материи". Осмеяние субтильных молодых людей со стороны циничных зубров никак не отменяет их основного посыла. Напротив, все дальнейшее развитие событий подтверждает полную правоту начинающего декадента. Заречная падает в лапы скотины Тригорина, Треплев же безнадежно хранит гностический символ веры, постепенно отождествляясь в глазах профанов с второразрядным писателем-неудачником. (Потому, что не отрекается от своей доктрины и Любви).

В последних сценах мы видим, как небесная женщина ранняя Нина становится неудачной земной женщиной, полностью проигрывающей рядом с удачной земной женщиной Аркадиной, чей дух, однако, не больше выкидыша. Потрепанный Треплев также сжимается против вислогубого Тригорина, высокий гностик на фоне матерого писателя с колдовскими от плотности словами-вещами (хотя при этом и крайне ограниченного и лживого человека) выглядит вечным дилетантом. Персонажи первого спектакля как бы окончательно переходят во второй спектакль, сдаются, проигрывают. Вялое бормотание "я — чайка, нет, не то, я — актриса" — последние всплески воспоминания о том, чего, скорее всего, на самом деле, не было.

Из Захаровой не получилось Чуриковой, а из Певцова Янковского. И тем не менее, доказан не Чехов, с его вечным плохим концом и уверенностью в невозможности обновления, но именно

Мережковский. Душа-Чайка пала. Интеллигенция — это духи ада. Холод столь привычных нам типов — закон энтропии. (Только Броневой, и то, быть может, только потому, что сыграл Мюллера, о чем-то догадывается). Они побеждают, они невероятно сильны. Но от этого они не становятся позитивными, не смеют претендовать на возведение в норму. Сволочь и есть сволочь. Бытие как драма, как лишение, как спуск в ад. Но если есть страдание, значит есть страдающий. А если есть страдающий, значит есть высшее знание, повествующее нам о гностическом устройстве реальности. Бледным призракам декаданса совершенно необходимо пройти опыт спуска в интеллигенцию, в дезориентированный вампирический экзистенциализм лицемерных и убогих обывателей. Только тогда миф об Ахамот приобретет свой трагический смысл. Плевела будут отделены от зерен. Страждущий обнаружит свое онтологическое отличие от того, кто причиняет боль.

Чучело чайки из сундука — не печать антропологического пессимизма, это пароль тайного ордена.

За "работой в черном" следует "работа в белом". За "Чайкой"-1, столь грамотно поставленной Захаровым, следует "Чайка"-2.

4. Чайка-2

Захаров обозначил проблему. Подбор актеров, сценография, декорации, «жестюэль» и т. д. — все крайне выверено. Из Чехова вытянуто все, что можно. Налицо «странность» и в пьесе и в постановке.

Если все дело кончается "Чайкой"-1, то этой похвалой можно было бы закончить. Но в перспективе "Чайки"-2 следует добавить несколько слов. "Ахамот пала" — первый тезис гностицизма. "Ахамот восстанет" — второй (и последний) тезис гностицизма. Но восстанет в тот момент, когда всем (в том числе и ей) будет казаться, что все потеряно. "И возрадовались архонты эонов и воскликнули: "Больше нет Пистис Софии!" Спаситель приходит в Полночь Мира, когда все и думать забыли о солнце и даже не знают, что такое тьма, так как всем кажется, что тьма и есть Все. Первый тезис у Чехова (и у Захарова) проиллюстрирован прекрасно. Второй тезис ждет своего часа.

Это — час Революции.

Статья написана в 1995 г., впервые опубликована в «Независимой Газете» в 1995

ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ РОДИНА (Николай Клюев)

Пророк трансцендентной Руси

Он считал себя не просто поэтом, но пророком. Для Клюева это была не метафора. Дело в том, что в той русской сектантской среде, из которой он вышел, существовал официальный религиозный институт «пророков», "харизматиков", восходящий, по мнению сектантов, к раннехристианским «дидаскалам», "харизматическим учителям", практиковавшим глоссолалии и иные формы прямого контакта с миром Божественного и выражение этих состояний при помощи особого символического кода. (Возможно, скажем осторожнее, что этот институт был не прямым продолжением раннехристианских течений, но их позднейшей искусственной реституцией; хотя как знать — не сохранились ли эти изначальные христианские практики через древних монтанитов, позже мессалиан и далее к богомилам, русским стригольникам и т. д. — по тайной дороге инициатических организаций).

В принципе, такое отношение к поэзии мы встречаем во всех традиционных обществах. Поэты были подразделением жреческой касты, так как ритм языка, основы рифм и размеров считались самым сокровенным выражением космической гармонии. Сам процесс стихосложения рассматривался как следствие вселения в поэта духа или ангела, т. е. какой-то сверхчеловеской сущности, которая выражала свое послание особым ритуальным языком. — В простонародной крестьянской среде староверов-бегунов, откуда произошел Клюев, даже в XX веке мы сталкиваемся с тем же древнейшим элементом. Сам Клюев прекрасно отдавал себе отчет в архаичности своего мировосприятия, от которой не только не отказался, познакомившись с основами «светской», профанической культуры, но которую лишь еще более оценил и постиг. Не случайно, сам поэт очень часто сравнивает описываемые им реальности и состояния с шаманскими практиками ("За евхаристией шаманов Я отпил крови и огня").

Вместе с тем, Клюев постоянно подчеркивает однородность пространства между Святой тайной Русью, которую он воспевает, и сакральными цивилизациями древности — Египтом, Индией, Израилем, Эфиопией и т. д. ("Не даром мерещится Мекка Олонецкой серой избе..." и т. д.) Подобно всем пророкам, Клюев погружается в особое состояние, в особый мир, где прошлое, настоящее и будущее пребывают одновременно, где близкое и далекое меняются местами, где умершие и живые соседствуют друг с другом в Вечном Настоящем и ведут между собой глубокие беседы — с мифами, с природой, оживленной пронзительными лучами духа, со знакомыми и незнакомыми предметами. У древних евреев эта реальность называлась «Меркаба» или "страна колесницы". В нее погружались и ее описывали ветхозаветные пророки Иезекииль, Исайя, Илия, Елисей и т. д. В исламе этот мир называется «Хурка-

лья», это «алам-аль-митал», "пространство воображения", некая промежуточная инстанция между миром людей и миром богов. Аналоги этого пророческого культа можно найти практически во всех традициях и религиях.

В таком случае интерпретация поэзии Клюева представляет собой не столько литературоведческую, сколько религиоведческую проблему. От метафор, парабол, гипербол, образов, ритмов, культурных аллюзий и средств выразительности мы переходим на совершенно иную шкалу, где имеем дело с эзотерическими доктринами и мистическими терминами, адекватными той реальности, с которой мы в данном случае имеем дело.

Русский дуализм

Глобальное мировоззрение Клюева вытекает из принципиального дуализма, определяющего русскую душу и ее парадокс в последние три столетия — после раскола. Этот дуализм сводится к противопостоянию в самой Руси пары противоположных начал — актуального и потенциального, присутствующего и возможного, проявленного и потаенного, дневного и ночного. Начиная с фатального собора 1666-67 годов Русь как бы делится на две Руси.

Одна-официозная, формально отвергшая свою "эсхатологически-сотериологическую" функцию Москвы-Третьего Рима, осудившая Стоглав и доктрину национальной избранности русских как последнего православного народа, порвавшая со Святой Русью и чурающаяся древности как невежества, темноты, предрассудков, «порчи». Это Россия Романовых, Санкт-Петербурга, Петра, немецкой слободы, французских гувернеров, курортов Баден-Бадена, европейского Просвещения. Россия светская или стремящаяся стать таковой. Формальное суперконформистское внешнее православие, подчиненное Синоду. (Исихазм рассматривался этим «православием» почти как афонская секта еще в церковно-исторических работах XIX века; и это несмотря на канонизацию св. Григория Паламы!)). Десакрализованная монархия, копирующая протестантский север Европы.

Вторая Россия — Древняя Русь. Но Русь подпольная, мечтательная, предчувствуемая, живущая в параллельном мире, брезжущая, потаенная. Как Китеж. Но это не просто легенда, ностальгия, умонастроение, культурный мираж. Она имеет свою структуру. — Православное сектантство, социальные низы, казачьи станицы, политические нонконформисты. Даже во время официальных гонений на старообрядцев при Николае I, когда заявлять о своей вере для староверов и сектантов было не безопасно, по официальным статистическим справочникам- треть (вдумайтесь в эту цифру-треть!!!) всех русских людей исповедовала «еретические», с

точки официального православия, культы-старообрядческие толки, скопчество, хлыстовство и т. д. Эта Вторая Русь была в духовной и социальной оппозиции светской России. Она дышала не существующим (прошлым и грядущим одновременно). Она бредила национальной альтернативой, рассматривала существующий порядок в апокалиптических тонах и страстно желала Пришествия.

Без союза с этой Второй Русью, без ее активной поддержки Октябрьской революции никогда не произошло бы. Путь Клюева, семантика и архитектура его пророчества — эссенция этого драматического момента тайной истории России. Для Клюева Революция есть эсхатологический возврат к допетровскому периоду: отсюда поразительная формула — "Советская Русь". Этим все сказано-именно «Русь», а не «Россия». Клюев откровенен:

Есть в Ленине керженский дух, Игуменский окрик в декретах. Как будто истоки разрух Он ищет в Поморских ответах.

Сами по себе "Поморские Ответы" были кодексом норм Православия Святой Руси, ушедшей в бега. Это завет подпольщикам. Революция — восстановление. Ленин — продолжатель дела Аввакума и братьев Денисовых. Не сомневающийся тон, а радикальное утверждение. Более того — пророческое свидетельство.

Но, естественно, не только к большевизму сводится пророчество крестьянского поэта. Хотя нельзя забывать и о его важнейших словах: "Убийца красный святей потира". На самом деле, это отождествление не было полным. Но не было оно и чистым заблуждением (как считает антикоммунистическое литературоведение). Здесь все тоньше. Вторая Русь проявила себя в Революции. Дала о себе знать. Но не воплотилась полностью, как-то зависла между обнаружением и сокрытием. Проявилось как бы "половина Китежа". Это-платоновский «Чевенгур». Победа налицо, а смерть не исчезла. Враг уничтожен, но Пришествие запаздывает. Поиск этого зазора, его осознание, его скрупулезное исследование составляет главную проблему для постижения смысла истории России в XX веке. Клюев-пророк России — должен нам в этом помочь.

Личная драма имеет характер свидетельства

То, что "не уместилось" в большевизме в случае личного и творческого пути Клюева, предельно прозрачно. Большевики на официозном уровне воспринимали свой приход как очередной шаг вперед, а, следовательно, оправдывали и предыдущий «буржуазный» этап в сравнении с феодальным. Конечно, в оценке Энгельсом и Марксом феодализма в сравнении с капитализмом сквозит почти откровенная симпатия. Но на уровне рациональ-

ного дискурса марксизма это выражено не достаточно ясно, и даже, скорее, утверждается однонаправленная поступательность исторического процесса, а это входит в разрез с традиционным мировоззрением, основанным на идее циклического времени. Клюев был вполне солидарен с большевиками, пока дело касалось разрушения "романовской России". Для староверов это было "низвержение трона антихриста". Троеперстие виделось как десакрализация и глубинное извращение христианства, и поэтому антицерковная деятельность большевиков также часто воспринималась весьма положительно. Но когда дело дошло до модернизации, колхозов и откровенной агрессии против памятников далекой старины — возникло первое расхождение. Вначале это могло показаться недоразумением, искажением "основной линии". Постепенно, трагизм проявлялся все сильнее. Клюев тогда писал: "Я считаю, что политика индустриализации разрушает основу и красоту народной жизни..." Гонения на Клюева и на крестьянских поэтов в целом (Есенин, Васильев, Клычков, Карпов и т. д.) не были просто эпизодом. В них проявилась первый раз двусмысленность советского социализма, неопределенность его духовной миссии, странность его циклического и эсхатологического значения.

Возможно, что уже на новом витке и в новых формах светский бюрократизм «романовщины» исподтишка входил в советскую жизнь. — Через спецов, попутчиков, позже нэпманов... Потом появилась и чисто советская, марксистская бюрократия, для которой слово «революция» было скорее пугалом или данью прошлому. Темный дух собора 1666 года вошел в Советскую Русь, сделал ее Советской Россией.

Трагедия Клюева-свидетельство того тончайшего процесса, который завязал в далекие 20-е первопричины краха Москвы в наши 90-е.

Онтология русского национализма

Каковы основные силовые линии послания Клюева? Как он описывает тайную Русь? Сразу бросается в глаза, что Клюев просто отождествляет "пророческую реальность" с Русью. «Русь» для него то же самое, что «Меркаба» для ветхозаветных пророков, «Хуркалья» исламских эзотериков, "зеленая страна" для кельтских ваттов, «Гиперборея» для древних греков, «Светадвипа» для ведических брахманов. Поэтому Клюев называет «Русь» "Белой Индией", т. е. для него речь идет о магической стране истока, священной прародине человечества. Отсюда естественный универсализм. — Раз «Русь» — это "избяной рай", "изначальная прародина" и "прообраз Нового Иерусалима", то она является сходной

для всех народов земли, для всех рас, для всех языков. Национализм Клюева (как, впрочем, и всех крестьянских поэтов, а может вообще, всех представителей Второй Руси) трансцендентен. Поэтому он с нежностью и этнической близостью описывает негров, татар, египтян... Вспомним его знаменитого "черного Егория на белом коне".

Клюев с непосредственностью настоящего пророка (который в согласии с нормами традиции должен быть «неученым», "необразованным", т. е. спонтанно и естественно избранным духом) ясно проговаривает то, что предчувствовала, но не могла определенно сформулировать вся интеллигенция Серебряного века. — Русь это не страна, а русские не народ в обычном смысле этих понятий. Русь — рай, русские — ангелы. Но эта световая реальность как бы накладывается на ее обратный образ или проступает через него. Все двоится. Однако и имманентная, реальная Россия отмечена особым знаком. Она несет в себе тоску, всепоглощающее чувство лишенности, утраты. Даже в чертах светской России угадывается образ трансцендентной Руси, но не положительно, а отрицательно. Лишенность косвенно указывает на полноту, пронзительное чувство утраты, напоминает о том, что утрачено.

На этом основана онтология русского национализма. Получается почти по Хайдеггеру (теоретику немецкого онтологического национализма) — "Несчастье указует на счастье, счастье призывает священное, священное приближает к Божественному, Божественное открывает Бога". (По-немецки здесь еще и этимологические связи: Unheil-Heil- Heilige-Gottliche-Gott). "Ракитник рыдает о рае". Помимо поразительного поэтического совершенства этой строки из клюевского стихотворения, в ней фактически предвосхищается в свернутом виде эта формула гениального немецкого философа. "Ракитник рыдает о рае" только в России. Только русскому внятно его послание. Причем, чтобы не было никаких недоразумений, он рыдает не о далеком, что нужно искать где-то во вне, но о внутреннем, интимнейшем, ближайшем.

Отсюда типичная для Клюева «трансцендентализация» русского старообрядческого и сектантского деревенского быта.

В центре Святой Руси у Клюева стоит не Храм, а изба. Внешне, это типично беспоповский мотив. Но есть более глубокий аспект. Храм выделился в отдельное культовое сооружение на относительно поздних этапах истории. Некогда, в благословенные времена золотого века разницы между храмом и обычным жилищем не существовало. Всякий дом был святилищем. Вся реальность была священной, разграничения на священное и мирское не существовало. Так же должно быть в "веке грядущем". Апокалипсис недвусмысленно говорит, что в "Новом Иерусалиме", который

спустится на землю в миг Второго Пришествия, "храма не будет". Бог будет во всем и со всеми. Лишь Древо Жизни будет в центре Небесного Града. Русь Клюева — это совмещение древнейшего (золотой век) и грядущего (Новый Иерусалим). Изба здесь священна сама по себе. Она и есть храм. ("Изба — святилище земли, С запечной тайною и раем").

В пророческой надвременной Руси Клюева все объекты преображаются (в православно-богословском, исихастском смысле этого понятия), восходят к своим световым архетипам. Поэтому священными становятся печь, окна, растения, цветы, деревья. Особенно — печь. Она играет в поэтической вселенной Клюева важнейшую роль. Клюев восстанавливает всю полноту "эзотеризма Печи". В традиционном мире очаг, печь выполняли роль домашнего алтаря. Причем это был алтарь Женского Божества, греческой Гестии, римской Весты и т. д. Публичные культы были зоной доминации преимущественно мужских божеств, покровителей патриархальных социальных и религиозных систем. Но в частном жилище, куда с начала патриархата была вытеснена женщина, сохранялись в неприкосновенности древнейшие матриархальные атрибуты — культовые священные предметы, связанные с поклонением Великой Матери. Огненной Девы. Белой Дамы. Матери-Субботы, Великой Матери, которой Клюев посвятил свою великую поэму, полный текст которой, увы, не дошел до нас.

Это очень важный момент. Матриархат, как великолепно и убедительно показал Бахофен ("Mutterrecht"), предшествовал патриархату и соотносился у индоевропейцев с золотым веком. Позже женские божества были вытеснены мужскими, но следы древнейшей прарелигии сохранились в фольклоре, мифологии, быту и т. д. Отсюда многие сюжеты русских сказок — Марья-царевна, Царевна-лягушка и т. д., а также демонизированный образ Великой Матери в Бабе-яге и иногда в ее дочерях — амазонках-ягишнах. К этому же архаическому циклу относятся и сказки о путешествии Иванушки-дурачка на печи. В мифологии и коллективном бессознательном существует символическое тождество-Женщина-Печь.

И у Клюева в его "русской Меркабе", в "избяном раю" правит Мать. Его собственная мать (которую он безумно любил) сливается с Великой Матерью, а та, в свою очередь, с Русью, со святой страной. Это удивительно архаический мотив, который был особенно развит у некоторых старообрядческих толков, проповедовавших "спасение через жену". К той же тематике примыкает культ хлыстовских "богородиц".

Поразительно, что почитание духовной женственности мы снова находим в раннем христианстве, когда существовала прак-

тика женского священства и закладывались основы богородичной догматики. В рамках дохристианской иудаистической религии, основанной на строго патриархальных принципах, ничего подобного нельзя было и помыслить и христианство в таком отношении к женщине возвращалось к давно забытым изначальным принципам индоевропейской духовности. Как и в случае «харизматиков» русское сектантство возвращалось в вопросе полов к изначальным ранне-христианским нормативам и эзотерическим доктринам, поблекшим или даже отмененным позднее в официальной имперской церкви. Вторая Русь, пророком которой был Клюев, является, безусловно, матриархальной. В клюевских стихах почти не упоминается фигура Отца. Изредка дед. Но дед всегда описан в подчеркнуто белых тонах — он совершенно седой, одет в белые одежды и т. д. Дед не столько мужчина, сколько бесполый или сверхполый святой, чистый, безгрешный может быть "оскопленный".

Печь — алтарь избы, символ самой Руси или Великой Материи. Микромир избы вмещает в себя макромир планеты. Предметы сакрального крестьянского быта равновелики странам и цивилизациям.

От этой Печи расходятся святые пути, и снова сходятся к ней. Огонь ее — огонь староверческих самосожжений, благословленных Аввакумом. Протопоп писал об этом огне также как и Клюев связывая его с Концом Света и с онтологией русского национализма: "Так же и русаки бедные, пускай глупы, рады: мучителя дождались; полками во огнь дерзают за Христа Сына Божия-света". Или еще в другом месте:

"Русачьки же, миленькия, не так! — во огнь лезет, а благоверия не предает..."

Этот огнь не утопия. Он ужасен, но спасителен. Поэтому и сам Клюев равнодушен к страданиям и крови, принесенным Революцией. Абсолютной смерти нет. В этом он, пророк, пребывающий в надмирном мире, нисколько не сомневается. Этому он имеет экспериментальные подтверждения. Но есть проклятие души, ее потеря. Это во сто крат страшнее смерти, мук, пыток, страданий... Истинный ужас начинается тогда, когда крестьянский пророк ясно понимает, что большевики несут угрозу самой Печи, древнему духу, русскому крестьянину, святой земле. Модернизацию села Клюев воспринимает как чудовищную духовную катастрофу.

Великая Мать Клюева это грубо зримый, подлинно пророческий образ Женщины-России-Софии, который был в то же время неотвязной мыслью всей русской мистически ориентированной интеллигенции. От Соловьева до Блока. Но только у Клюева эта тема имеет оперативно-магический, эзотерический характер, то-

гда как у интеллигентов все остается на уровне смутно схватываемых интуиций или теоретических схем. Источник в обоих случаях, безусловно, один — сама ткань Китежа, Второй Руси, стремящейся вырваться из тонкого плена грезы и обрушиться в моменте эсхатологического триумфа в материальную реальность. Но никому из «образованных» не приходит в голову воспеть грубую крестьянскую Печь, причем с сакральной серьезностью и пророческой торжественностью-Клюеву вообще была совершенна чужды ирония и юмор. Он всегда мрачен и в стихах и в жизни.

Великая Полночь

Клюев жил в бедности, а последние годы в дикой нищете. В конце концов, чекисты расстреляли его в ссылке как " главного идеолога кулачества". Это не просто ошибка, недоразумение или неоправданное свинство. Путь поэта-пророка не может быть сладким. La suplice est sur (Рембо). Бедность-необходимое условие подлинности откровения. Упитанных молния ясновидения поразить не может. Более того, даже бытовые наслаждения — еда, пол, комфорт и т. д. — гораздо пронзительнее переживаются, когда они отсутствуют. Бедность-это богатство. Бедный поглощает окружающее бытие, питается стихиями, светлыми энергиями параллельной Родины. Клюев ясно видел свою нищету в старости и насильственную смерть ("и теперь когда головы наши подарила судьба палачу..." и еще "Но тальник чует бег сохатый и выстрел... В звезды или в темя"). Для пророка это не удивительно. В норме вещей. На самом деле, в нем не было ничего кулаческого. Ему горазды ближе была беднота или середняки. Капитализм он ненавидел люто, как каждый русский, русский родом из Второй Руси. Другое дело, что советские реформы на селе игнорировали сакральность и архаичность, привносили совершенно чуждые традиционной деревне рациональность, прагматизм, механизацию. Вместо органической и связанной сакральными узами общины, братства Великой Материи, марксисты искусственно создавали технические коллективы. Это лучше, чем столыпинское фермерство, но все же совсем не то, что предполагалось в эсхатологическом прозрении Клюева.

Клюев был крестьянским социалистом, национал-большевиком. В его судьбе, в его пути, в его стихах, в его пророчествах нет противоречий. Он стоял целиком за Революцию, как подлинный наследник Разина, Аввакума и Пугачева. Но то, что последовало дальше было с сильным изъяном. Если бы речь касалась только страданий или случайных отдельных несправедливостей, выросший на скептических практиках поэт, легко пережил бы. Но дело было серьезнее. Темный дух, хорошо знакомый староверам со

времен Никона, выглянул из-под революционной маски Советов. Мрачный лик. Первая Россия, привычный мертвенный свет в глазах воевод, жандармов, теперь-комиссаров.

"Мы стоим вплотную к точке полуночи. А может быть, еще нет. Всегда это "еще нет".

Так писал Хайдеггер. Его отношения с национал-социализмом структурно напоминают отношения Клюева (и, вообще, русских национал-большевиков) с Советской властью. Начальные энтузиазм, ангажированность и солидарность сменяются сомнениями, подозрениями, отдалением. Хайдеггер никогда публично не осудил нацизм. Это знаменитое "молчание Хайдеггера". Клюев также никогда не осудил бы Революцию. Если хорошее проявилось как не очень хорошее, это еще не означает, что плохое было не таким уж плохим. Петербургская Россия аномалия в священной истории нашего богоносного народа. В этом нет никаких сомнений. Кто думает иначе — в Баден-Баден. В Галиполь. Шоферами, князьями, джиголо. Vite, mesdames et messieurs!

Мировоззрение пророка Святой Руси глубоко и сложно. Но постигать и расшифровывать его надо не в свете современных плоских политических или литературоведческих штампов, а исходя из той реальности, от имени которой он выступал и чьим выразителем являлся.

Вторая Русь. Она никуда не делась и сегодня. Так же напитанная нездешней тоской, такая же нежная, ужасающая, жестокая и святая. Так же зовет она красками захватывающей дух русской осени, также торжествует величием белой русской зимы, так же пугает роскошью русского лета и зеленой яростью русской весны. Святая Русь стучит в наше сердце. Не официальная, не городская, не сиюминутная, не цивилизованная. Не «советская», но и не «демократическая». Клюевская. Смазанные русские лица... Татарщина... Пространство... Не фокусирующийся взгляд... Размытые мысли... И только эта страшная необъяснимая тяга... Сквозь тела и звуки родной речи...

Наша Белая Индия.

Наш Рай.

Статья написана в 1995 г., опубликована в газете “День Литературы» в 1996

418 МАСОК СУБЪЕКТА

(эссе о Сергее Курехине)

"72. У нас больше нет места в этом мире, где сердца людей ожесточились подобно железу или подобно цементу мертвого

храма.

72 . Чем более жестокими и дикими они будут, тем больнее будут им пытки и тем совершенней перемелет их смерть."

Луи Каттье "Вновь обретенная Весть", книга XXII

1. Два постмодернизма

Постмодернизм не есть нечто фиксированное и строгое, раз и навсегда данное и описанное. Речь идет лишь о прогрессивном осознании исчерпанности ценностных систем и художественных методов, свойственных эпохе «модерна». Постмодернизм единодушен в отрицании модернизма, в попытке его преодоления, но там, где речь заходит о новом, альтернативном утверждении, это единодушие мгновенно пропадает. Одни постмодернисты целиком наследуют сам дух "нового времени", видя в постмодерне только новый (хотя и особенный) этап непрерывного культурного развития. Но есть и иные носители того же постмодернистского импульса, понимающие, однако, постмодернизм как конец целого периода в цивилизации, связанного с "новым временем", как внезапно открывшуюся возможность обратиться (пусть в новой форме) к тем реальностям, на отрицании которых базируется эта цивилизация. Постмодерн — в своем сарказме и осмеянии серьезности авангардистской рефлексии — делает возможным духовную реабилитацию «премодерна», т. е. мира традиции, со свойственными ему культурой, аксиологией, этикой и т. д. Иными словами, можно определить этот второй вариант постмодернизма как разновидность Консервативной Революции...

Сергей Курехин, безусловно, принадлежал к этому консервативно революционному направлению.

2. Поп-механический "тоталитаризм"

Курехин собирает в своей «Поп-механике» практически все виды искусств — балет, музыку, мелодекламацию, цирк, театральные постановки или кукольный театр, эротический перформанс, живопись, декоративное искусство, кино и т. д. Причем, такое слияние разрозненных элементов проходит сквозь все его творчество — с навязчивостью, подчеркивающей неслучайность, глубинную обоснованность метода для самого художника. Кажется, что мы сталкиваемся с настоящим хаосом, с тотальным синкретическим смешением всех стилей и жанров в странном полусмешном-полусумасшедшем представлении (в котором непонятно, когда весело хлопать, а когда мрачнеть). На первый взгляд, такое смешение — чистый авангардизм, т. е. шаг *вперед* по отношению к распределению жанров даже в модернистском контексте, где самые радикальные попытки выйти за пределы стиля все

же подчиняются внутренней логике, присущей данной сфере искусств. У Курехина же — особенно в его масштабных, тотальных, массовых «Поп-механиках» — просматривается (впечатляюще) стремление сочетать именно *все*, все вместе взятое. По мере развития «Поп-механики» неумолимо расширялось не просто количество элементов, используемых в шоу, но и количество жанров, дисциплин... Самые последние этапы творчества Курехина (многих поставившие в тупик) характеризуются тем, что в этот контекст постепенно включается политика (естественно, экстремистская), ритуал, научные опыты. Единицы представления расширяются от личностей до коллективов, от объектов до видов, от стилей до жанров, от персоналий до дисциплин.

В этом стремлении к тотализации творчества — объяснение последних увлечений Сергея. Те, кто не поняли смысла этой ориентации, видимо, никогда всерьез не задумывались над сущностью того, что он делал и раньше. В противном случае, обращение к политике, геополитике, эзотеризму не воспринималось бы как нечто странное, «скандальное». Экспансия за пределы жанровой ограниченности, некоторый постмодернистский «империализм» в искусстве логично перетекли в область политического, где оперируют с особенно большими величинами — историей, социальными учениями, массами. Естественно, что «империалиста» в творчестве более всего привлекает евразийский масштаб в политике, а стремление к пределам в искусстве естественно трансформируется в увлечение политическим радикализмом...

3. Скоморохи — жрецы премодерна

Если в отношении «модерна» смешение всех видов искусства (шире, культуры) в нечто единое является, действительно, новым и беспрецедентным, то в более широком историческом контексте все выглядит иначе. Дело в том, что ортодоксальные виды современного искусства — как то: музыка, балет, живопись, театр, литература и т. д. — сложились как незыблемые самостоятельные жанры довольно поздно — начиная с Возрождения, а кристаллизовались и совсем уж недавно — с началом Нового времени. Оказывается «модерн» или современное искусство получили жанровую спецификацию (от которой они жаждут освободиться в постмодернизме) строго в момент перехода от общества традиционного к обществу профаническому.

А что же было до этого?

Здесь мы сталкиваемся с некоторым интересным обстоятельством. Все современное искусство в христианской (и постхристианской) цивилизации развилось из некоего общего комплекса, в котором сосредоточилось наследие дохристианского ("языческо-

го") религиозного и эзотерического культа. В Европе это была культура труверов или миннезингеров, в России (с еще большей наглядностью) эту же функцию выполняли *скоморохи*.

Христианство, и особенно строго Православие, осуждает всякое внерелигиозное искусство (особенно это касается музыки, плясок, светских песен, театральных представлений и т. д.), справедливо считая все это продолжением дохристианской сакральности. Позднее ставшие светскими развлечениями, игра на музыкальных инструментах, пляски, поэзия, театральные представления и т. д. изначально были инструментами магических и теургических ритуалов. Их исполняли специальные категории жрецов или пророков (вспомним кельтских «бардов» и «ваттов», бывших членами жреческой иерархии друидов). До сего времени некоторые примитивные народы, у которых распространен шаманизм, сохраняют такое же отношение к искусству. Пение, пляски, представления, рецитация мифов и т. д. — дело исключительно шамана, который и является центральной и основной фигурой в сфере того, что в профанической цивилизации стало называться «искусством». Даже в Ветхом Завете упоминается о подобной практике: например, пророк Елисей (ученик Илии) начинает пророчествовать, когда слышит игру на гуслях специально приглашенного музыканта. Но в самом изначальном обществе пророк и музыкант были не двумя различными персонажами, а одним и тем же лицом. Так, в ессейских кругах понятия "пророческая школа" и "музыкальная школа" были синонимами!

Христианство вытеснило эти дохристианские теургические культы из социальной реальности, но они не исчезли полностью и стали достоянием особых групп, довольно маргинальных, но сохраняющих вопреки всему основы древнейшего знания, принципы культовых практик. На Руси главным братством такого рода после окончательного искоренения волхвов и их традиций, стали «скоморохи», "веселые люди".

Скоморохи в своих представлениях фактически воплощали в себе в синтетическом состоянии все то, что позднее получит название искусства в модернистском смысле. Они *играли* на музыкальных инструментах, *плясали*, показывали *театрализованные* представления, рассказывали *предания* в стихотворной форме, водили с собой дрессированных *зверей* и т. д. Но все эти элементы их деятельности были объединены общим сакральным знанием космологического порядка — их шутки (даже самые грубые) были формой изложения символической доктрины, пляски представляли собой теургические магические жесты, в своих песнях они передавали инициатические секреты, вытесненные христианской догматикой. При этом и сами они и их зрители впадали в

состояние *транса*, т. е. особого духовного настроя (прелести), в котором ясно ощущается присутствие потустороннего мира. Не удивительно, что при это важную роль играло употребление алкоголя или иных психотропных веществ (возможно грибов).

Именно скоморохи (и их традиция) являются для России начальным автохтонным синтезом того, что позднее станет искусством и его жанрами. Пляска перейдет в балет, пение — в оперу, игра на музыкальных инструментах — в симфоническую музыку, пересказ мифов — в литературу, дрессировка зверей и шутовство — в цирк и т. д. Важно заметить, что в отдельную область — оккультные науки — выделилась и сакральная сторона учения скоморохов.

Единственно, что секуляризация русского общества шла под прямым воздействием Запада, поэтому на становление светской культуры больше повлияли продукты разложения *западных* эзотерических организаций (которые, тем не менее, были прямыми аналогами русского скоморошества). Это привело к некоторому культурному дуализму, сохраняющемуся и до сих пор: высшие классы русского общества считают «культурой» результаты расщепления единого комплекса европейских «труверов» или «жонглеров», тогда как народные массы во многом наследуют автохтонное «скоморошеское» понимание «развлечения» или «веселья» (с этим, в частности, связано культовое значение «пьянки», но это особая тема).

4. Зловещий смех

То, что всегда делал Сергей Курехин — не просто творческий поиск, это упорное и последовательное воссоздание того органического единства, которое предшествовало и классике, и модерну, и гипермодерну (рок-музыке, авангардизму и т. д.). Поражает, с каким постоянством он воспроизводил все основополагающие черты традиционного, «докультурного», "архаического" жречества. Будучи по образованию классическим музыкантом, пианистом и композитором (одним из лучших российских джазистов), он с самого начала тяготел к введению в свои концерты животных, зверей. Не одноразовый эпатаж — а настойчивая уверенность в осмысленности представления животного на сцене как в самозначимом глубоко символическом акте. Звери в традиции — календарные и космологические символы. Каждый вид — буква в священной книге, внятной жрецам. Кролики, львы, коровы, курицы Курехина (как медведи, собаки и козы русских скоморохов) суть тотемические и астрономические знаки. Подобно римским авгурам (предсказателям по птичьему полету) Курехин особенно интересуется орнитологическим символизмом — воро-

бьям, к примеру, он посвящает свою гениальную "Воробьиную Ораторию" (одно время он был воодушевлен проектом постановки монументального памятника воробьям).

В «Поп-механике» постоянно возникала тема театра, постановки. Иногда концерт фактически полностью превращался в спектакль. Внешняя абсурдность сюжета (как и у скоморохов) скрывает символические ряды. Так же объясняются и внешне странные (почти комические) телепередачи (знаменитые "Грибы") — под видимой нелепостью скрыты эзотерические доктрины. После публикации на русском текстов Теренса Маккены ("Пища богов") о влиянии на психику психоделических грибов и об их связи с сакральными культами у древних народов идея о том, что "Ленин был грибом", должна восприниматься далеко не так бредово. Магическая подоплека большевизма становится все более очевидной; Курехин лишь опережает строгие научные исследования, облекая серьезнейшие доктрины в гротескные формы, вызывающие смех.

Кстати, о смехе. Сам феномен смеха не так очевиден и прост, как кажется. Традиция считает, что это привычное в человеческом обществе действие на самом деле есть форма контакта с потусторонним, и поэтому в некоторых магических практиках с помощью смеха вызывают духов (сопоставьте с этим запрет на смех и улыбку во многих аскетических практиках, а также ритуальный характер смеха в средневековом обществе; например, алхимический и оккультный, оперативно-магический «мессидж» у Рабле).

Смех, который вызывал Курехин, странен и неоднозначен. Тот, кому казалось, что он понимает смысл его улыбки, заблуждался еще больше, чем тот, кто откровенно недоумевал. В этом смехе есть что-то изначальное, крайне невеселое. В принципе, и сами скоморохи часто предстают в истории как двусмысленные персонажи. Воплощая в себе архетип «пришельца», "иного", «чужого», скоморохи вызывали одновременно и интерес и отторжение (даже ужас). Они были как бы посланцами "с той стороны".

Есть мнение, что с годами «Поп-механика» становилась все мрачнее, от "лучезарного юмора" переходя к "зловещему мракобесию". На самом деле, лишь прояснялся изначальный проект Курехина. Становясь более понятным от полноты реализации, он начинал пугать.

5. Растворение личности

В «Поп-механике» участвовало множество знаменитых личностей — музыкантов, певцов, актеров, художников, поэтов, общественных деятелей. Но все становились своего рода манекенами

в странном действе Сергея Курехина, в сознании которого они приобретали особое культовое функциональное значение, совершенно отдельное от того статуса, который был присущ им сам по себе. Сквозь всех начинала просвечивать какая-то особая реальность, особое неопределенное существо... Причем это не личность самого режиссера, организатора и манипулятора странного хаоса, но нечто иное, "магическое присутствие", размытые, но довольно зловещие черты "кого-то еще". Улыбаясь, сам Курехин говорил о предчувствии рождения в космической среде "нового существа", которое должно вот-вот обрести физиологическую оболочку. И снова в этом слышатся нотки архаической теургии, волевой манифестации в привычном контексте грозной потусторонней реальности...

Слово «скоморох» произошло от слова «маска». В последней «Поп-механике» (октябрь 1995) все участники были в масках. У Курехина все становится масками, странным карнавалом, зловещим водоворотом, в котором растворяется личность, привычная реальность, где все ожидания неизменно обманываются. Персона исчезает...

Но вспомним этимологию слова «персона» — так назывались именно «маски» в греческих трагедиях. Генон подчеркивает инициатический смысл античного театра. — Смена масок одними и теми же актерами иллюстрирует инициатическую идею того, что индивидуум не есть вещь в себе, законченная и абсолютная реальность. Это — лишь игра высших духовных сил, временное образование, сотканное из грубых элементов, готовое в любой момент раствориться. А за всем этим — холодно и неизменно — стоит неподвижное небесное Присутствие, вечное «Я». Вовлекаясь в водоворот абсурдных и не имеющих самостоятельного значений ситуаций, в некоторую космическую «Поп-механику», вечное «Я» забывает о своей природе, начинает отождествляться с маской. Сакральный театр призван напомнить о том, что это заблуждение, что важно лишь грозное Присутствие, а люди — только тени потусторонних объектов. Поп-механика — как и раек скоморохов — модель мира, «римейк» архаического святилища.

6. 418

Жизненный проект Сергея Курехина амбициозен в высшей степени. Поп-механика должна стать до конца тотальной. По ту сторону модерна все яснее вырисовываются черты *новой реальности*. Искусство, каким оно было в эпоху «модерна», исчерпано. Вместе с ним исчерпана культура модерна, философия модерна, политика модерна... Человек модерна подошел к роковой (для себя) черте. Апокалиптические мотивы нынешней цивилизации

стали почти «рекламной» очевидностью.

А за гранью мрака пробиваются невидимые пока лучи. Новый эон, новый мир, новый человек.

Люди с психологией «soft» видят грядущее в тонах инфантильного оптимизма — нью-эйдж, экология, дзэн-буддизм, пережитки «хиппи». Курехину гораздо ближе апокалиптические краски Алистера Кроули. Новый эон будет жестоким и парадоксальным. Век коронованного младенца, обретения рун, космического буйства Сверхчеловека. "Рабы будут служить и страдать".

Восстановление архаической сакральности, новейшее и древнейшее одновременно синтетическое сверхискусство — важный момент эсхатологической драмы, "бури равноденствий".

Кроули утверждал в своей "Книге Законов", что только тот, кто знает смысл числа 418, сможет перейти в новый эон, в котором наступит эра подлинного постмодернизма — без стонов и компромиссов.

Последняя «Поп-механика» проходила под знаком 418. Фактически, это была кроулианская постановка, иллюстрирующая конец эона Озириса.

Что-то подсказывает, что скоро мы увидим вокруг нас странные знаки.

Буря равноденствий.

"Поп-механика" Сергея Курехина играла в пришествии нового эона особую роль.

Статья написана в 1996 г., впервые опубликована в «Независимой газете» в 1996

ИМЯ МОЕ — ТОПОР

(Достоевский и метафизика Петербурга)

1. Писатель, написавший Россию

Федор Михайлович Достоевский — главный русский писатель. К нему, как к волшебной точке, сводится русская культура, русская мысль. Все предшествующее предваряет Достоевского, все последующее — проистекает из него. Без сомнения, это величайший национальный гений России.

Наследие Достоевского огромно. Но практически все исследователи согласны относительно центральности романа "Преступление и наказание". Если Достоевский — главный писатель России, "Преступление и наказание" — главная книга русской литературы, основополагающий текст русской истории[16]. Следовательно, здесь нет и не может быть ничего случайного, ничего произвольного. Эта книга должна содержать в себе некий таин-

ственный иероглиф, в котором сосредоточена вся русская судьба. Расшифровка этого иероглифа равнозначна познанию непознаваемой русской Тайны.

2. Третья столица — Третья Русь

Действие романа происходит в Санкт-Петербурге. Сам этот факт, безусловно, имеет символическое значение. Какова сакральная функция Петербурга в русской истории? Поняв это, мы сможем приблизиться к системе координат Достоевского.

Санкт-Петербург приобретает сакральное значение только в сопоставлении с Москвой. Обе столицы связаны особой циклической логикой, символической нитью.

У России было три столицы. Первая — Киев — была столицей национального, этнически однородного государства, принадлежавшего периферии Византийской Империи. Это лимитрофное северное образование не имело особо важной цивилизационной или сакральной роли. Обычное государство арийских варваров. Киев — столица Руси этнической.

Вторая столица — Москва — это нечто гораздо более важное. Особое значение она получила в момент падения Константинополя, когда Русь осталась последним православным Царством, последней православной Империей. Отсюда: "Москва — Третий Рим". Смысл Царства в православной традиции сводится к особой эсхатологической роли: то государство, которое признает полноту православной церковной истины, является, в соответствии с традицией, преградой на пути прихода "сына погибели", «антихриста». Православное государство, конституционным образом признающее истину Православия и духовное владычество Патриарха, является «катехоном», "держащим" (из 2-го Послания послания св. апостола Павла к Фессолоникийцам). Введение Патриаршества на Руси стало возможным только в тот момент, когда пала Византия как царство, а следовательно, константинопольский Патриарх утратил свое эсхатологическое значение, сосредоточенное не просто в православной церковной иерархии, но в Империи, признающей авторитет этой иерархии. Отсюда богословский и эсхатологический смысл Москвы, Московской Руси. Падение Византии означало, в православной апокалиптической перспективе, наступление периода «апостасии», всеобщего «отступничества». Только на краткий срок Москва превращается в Третий Рим, чтобы еще на малое время отдалить приход антихриста, отложить тот миг, когда его пришествие станет всеобщим, универсальным явлением. Москва — столица сущностно нового государства. Не национального, но сотериологического, эсхатологического, апокалиптического. Московская Русь с Патриархом и

православным Царем — это Русь совершенно отличная от Киевской. Это уже не периферия Империи, но последний оплот спасения, Ковчег, площадка, расчищенная под нисхождение Нового Иерусалима. "Четвертого не будет".

Санкт-Петербург столица такой Руси, которая приходит после Третьего Рима, т. е. этой столицы, в некотором смысле, как бы не существует, не может существовать. "Четвертому Риму не быти". Санкт-Петербург утверждает Третью Россию, по качеству, структуре, смыслу. Это уже не национальное государство, не сотериологический ковчег. Это странная гигантская химера, страна post mortem, народ, живущий и развивающийся в системе координат, которая находится по ту сторону истории. Питер — город «нави», обратной стороны. Отсюда созвучие Невы и Нави. Город лунного света, воды, странных зданий, чуждых ритму истории, национальной и религиозной эстетике. Питерский период России — третий смысл ее судьбы. Это время особых русских — по ту сторону ковчега. Последними на ковчег Третьего Рима взошли староверы через огненное крещение в сожженных хатах.

Достоевский — писатель Петербурга. Без Петербурга он не понятен. Но и сам Петербург без Достоевского оставался бы в виртуальном состоянии. Достоевский оживил, актуализировал этот таинственный город, обнажив его смысл. (Любая вещь есть только тогда, когда сквозь нее проступает ее смысл.)

Русская литература появляется только в Петербурге. Киевский период — время эпоса, были. Московский — сотериологии и национального богословия. Петербург приносит в Россию литературу, десакрализованный остаток полноценной национальной мысли, превозносимый след того, что ушло. Литература — это скорлупа, поверхностный блик сидерических волн, стенающий от безысходности вакуум. Достоевский настолько глубоко внял этому зову пустоты, что ушедшее, стертое, забытое как бы воскрешается в его героическом духовном делании.

Достоевский — больше, чем литература. Он — богословие, эпос. Поэтому его Петербург взыскует смысла. Постоянно обращается к Третьему Риму. Мучительно и упорно смотрит в истоки нации.

Фамилия главного героя "Преступления и наказания" Раскольников. Прямое указание на раскол. Раскольников — человек Третьего Рима, заброшенный в навий Петербург. Страдающая душа, очнувшаяся, по странной логике, после самосожжения в сыром лабиринте питерских улиц, желтых стен, мокрых мостовых, угрюмых сизых небес.

3. Капитал

Сюжет "Преступления и наказания" — это структурный аналог «Капитала» Маркса. Пророчество о грядущей русской революции. Одновременно очерк новой теологии — теологии богооставленности, которая станет центральной философской проблемой XX века. Эта теология может быть названа "теологией Петербурга", навьими мыслями. Интеллектуализмом призраков.

Фабула предельно проста. Студент Раскольников пронзительно воспринимает откровение социальной реальности как зла. Особое чувство, столь характерное для некоторых гностических, эсхатологических учений. Цианистый калий цивилизации. Вырождение и порок, расцветающие там, где потеряны органические связи, духовные смыслы, анагогические спирали иерархий, беспрепятственно восходящих к небесам. Осознание десакрализации реальности. Невыносимость утраты "Третьего Рима". Ужас перед столкновением с универсальной стихией антихриста, с Петербургом.

Раскольников совершенно правильно угадывает символический полюс зла — извращенная женственность (Кали); ссудный капитал, проклятый религией, приравнивающий живое к неживому и созидающий монстров; ветшание, деградация мира. Все это — старуха-процентщица, баба-яга современного мира, женщина-зима, Смерть, убийца. Из своего грязного угла ткет она паутину Петербурга, посылая по его черным улицам лужиных, свидригайловых, дворников и мармеладовых, "черных братьев", тайных агентов капиталистического греха. Нити ада опутывают трактиры и дома терпимости, притоны нищеты и косноязычия, неосвещенные лестничные пролеты и грязные подворотни. София, Премудрость Господня, благодаря ее старушачьим чарам превращается в жалкую Сонечку с желтым билетом. Центр колеса петербуржского зла найден. Родион Раскольников завершает онтологическую рекогносцировку. Конечно, Раскольников — коммунист. Хотя ближе он к эсэрам, народникам. Конечно, он в курсе современных социальных учений. Он знает языки и мог познакомиться с «Манифестом» Маркса или даже с «Капиталом». Важно начало «Манифеста»: "призрак бродит по Европе". Это не метафора, это точное определение того особого модуса существования, который наступает после десакрализации общества, после "смерти Бога". Отныне мы — в мире призраков, в мире видений, химер, галлюцинаций, навьих планов[17]. Для России это означает "путешествие из Москвы в Петербург", инкарнация в город на Неве, в город-призрак. Она никогда не может быть полной.

Призрак коммунизма делает всю реальность призрачной. Поселяясь в сознании ищущего потерянного Слова студента, он ввергает его в поток искаженных видений: вот старый разврат-

ник тащит пьяную малолетку, вот истошно плачет пропивший последнюю шаль возлюбленной Мармеладов, вот бочком крадется к непорочной сестре Родиона демонический Свидригайлов, посланец паутинной вечности, опекаемой старухой-процентщицой. Но наваждение ли это? Призрак, овладевший сознанием, на самом деле излечивает от забытия. Открывшаяся реальность страшна, нестерпима, но истинна. Является ли злом познание зла? Является ли иллюзией обнаружение иллюзорности мира? Является ли безумием постижение того факта, что человечество живет не по логике? Призрак марксизма, наркотик разоблачений, гностический зов к восстанию против злого демиурга... Кровавая боль этих ран свежее и пронзительней залитого светом зала, полного нарядных, легко кружащихся пар.

Раскольников, убивая старушку, совершает парадигматический жест, осуществляет Дело, к которому архетипически сводится Праксис, как его понимает марксизм. Дело Родиона Раскольникова — это акт русской Революции, резюме всех социал-демократических, народнических и большевистских текстов. Это фундаментальный жест русской истории, который лишь развертывался во времени после Достоевского, уготовляясь задолго до него, в загадочных первоузлах национальной судьбы. Вся наша история делится на две части — до убийства Раскольниковым старухи-процентщицы и после убийства. Но будучи мгновением призрачным, сверхвременным, оно отбрасывает свои сполохи вперед и назад во время. Оно проглядывает в крестьянских бунтах, в ересях, в восстании Пугачева, Разина, в церковном расколе, в смуте, во всей стихии, сложной, многоплановой, насыщенной метафизикой Русского Убийства, которая растянулась от глубин славянских первородов до красного террора и ГУЛАГа. Всякая занесенная над черепом жертвы рука была движима страстным, темным, глубоким порывом. Это было соучастие в Общем Деле, в его философии. Убийство Смерти есть приближение Воскрешения Мертвых.

Мы, русские, народ богоносный. Поэтому все наши проявления — высокие и низкие, благовидные и ужасающие — освящены нездешними смыслами, лучами иного Града, омыты трансцендентной влагой. В избытке национальной благодати мешается добро и зло, перетекают друг в друга, и внезапно темное просветляется, а белое становится кромешным адом. Мы так же непознаваемы, как Абсолют. Мы апофатическая нация. Даже наше Преступление несопоставимо выше ненашей добродетели.

4. Не "не убий"

Между серединой XIX и началом XX века русское сознание странным образом было одержимо осмыслением одной ветхозаветной заповеди — "не убий". О ней рассуждали как о сущности христианства. К ней постоянно возвращалась мысль богословов, революционеров, террористов (ею бредил Савинков), гуманистов, прогрессистов, консерваторов. Эта тема и споры вокруг нее были настолько центральны, что в значительной мере повлияли на все современное русское сознание. Хотя с приходом большевиков значение этой формулы заметно поблекло, к концу советского периода она опять всплыла и стала «стужать» интеллигентские мозги.

"Не убий" — заповедь не собственно христианская, новозаветная, но иудейская и ветхозаветная. Это элемент Закона, Торы, регламентирующей в целом экзотерические, внешние, социально-этические нормы бытия народа Израилева. Никакой особостью эта заповедь не наделена. Нечто аналогичное встречается в большинстве традиций, в их социальных кодексах. В индуизме то же самое называется «ахимса», "ненасилие". Это "не убий", как и остальные пункты Закона, регламентируют человеческую свободу, направляя ее в то русло, которое, в соответствии с духом Традиции, принадлежит к благой части, к "правой стороне". При этом показательно, что "не убий" не имеет никакого абсолютного метафизического значения: как и все экзотерические постановления, эта заповедь лишь служит, наряду с другими, для упорядочивания коллективного существования, для предохранения общности от впадения в хаос ("ничто же совершил закон", по апостолу Павлу). В принципе, если сравнивать ветхозаветную реальность с современной, то формула "не убий" соответствует приблизительно табличке "не курить", вывешенной в фойе театра. Курить в театре не положено, это нехорошо. Когда кто-то подвыпивший закурит, для билетерш это ЧП. Таких осуждает общественность и репрессируют стражи порядка.

Очень показательно, что вся ветхозаветная история полна открытого несоблюдения этой заповеди. Убийства там повсюду. Их совершают не только грешники, но и праведники, цари, помазанники, даже пророки — особенно крут был ученик Илии пророк Елисей, не пощадивший даже невинных деток. Убивали на войне, убивали своих и чужих, убивали преступников и тех, кто убил, убивали женщин, не щадили малолетних, стариков, гоев, пророков, идолопоклонников, колдунов, сектантов, родственников. Крушили многое. В книге Иова сам Яхве безо всякой особой причины — кроме довольно легковесного спора с Денницей — садистически обходится со своим избранным праведником. Когда тот, покрытый лепрой, возмущается, Яхве запугивает его двумя геопо-

литическими[18] чудовищами — сухопутным Бегемотом и морским Левиафаном, т. е. убивает его еще и морально. Новые исследования Библии убедительно доказывают, что первоначальный текст книги Иова обрывался на пике трагедии, а наивно морализаторский конец левиты дописали намного позже, ужаснувшись примордиально жесткой природе этого самого архаического фрагмента "Ветхого Завета".

Иными словами, в контексте иудаизма, откуда напрямую заимствована заповедь "не убий", она не обладает ни абсолютностью, ни каким бы то ни было особым значением. О ней никто не спорил, и видимо, специально не размышлял. Не то что бы ее вообще не учитывали. Учитывали, старались попусту кровь не пускать. Остерегались и суда раввината. Если кого зря положили, то следовало возмездие. Закон как закон. Заповедь как заповедь. Ничего особенного. Правило человеческого общежития. В христианстве все иначе. Христос есть исполнение Закона. На нем Закон заканчивается. Миссия закона выполнена. В некотором смысле, он снят. Именно снят, но не отменен. Духовная проблематика переходит в радикально иную плоскость. Теперь начинается пост-Закон, эра Благодати. "Прейде сень законная". Строго говоря, наступление такой эры означает неактуальность заповедей. Даже самая первая заповедь о поклонении Единому Богу становится преодоленной Новым Заветом, Заветом Любви к Нему. Совершенно новые отношения между Творцом и тварью, между самими тварями привносит Бог-Слово через свое Воплощение. Все отныне проходит под знаком Иммануила, под благодатной формулой "С нами Бог". Бог не где-то далеко, не в роли Судьи, Законодателя, но в роле Возлюбленного и Любящего. Новая Заповедь не отвергает 10 прежних, но делает их ненужными. Человечество Нового Завета кардинально $иное#, нежели ветхое, иудейское (или языческое). Оно помечено стихией трансцендентной Любви, поэтому дихотомия Закона, — "поклонение-непоклонение", «единое-множественное», "укради-не укради", "обольсти-не обольсти", "убей-не убей", — наконец, не имеет более никакого смысла.

В христианской святости это проявляется однозначно положительно. Новый человек здесь не нуждается в правилах, он живет только одним — Любовью, трезвенной, непреходящей, неразбавленной, в молитве, созерцании, деле. Здесь не просто "не убей"; христианский святой посмеялся бы над таким предостережением, ведь в нем самом уже уничтожена двойственность, надломлена преграда между собой и не собой. Более того, он хочет быть убит, он стремится страдать, он жаждет мученичества. Как бы то ни было, полноценное христианское существование не имеет никакого отношения к 10 ветхим заповедям. Они раз и навсегда

преодолены во святом крещении. Далее лишь реализация благодати.

Но если рассмотреть христианина не в святости, не в монашестве, не в аскезе и подвижничестве. Будет ли для него сохраняться смысл ветхозаветного порядка? Тоже нет. Он крещен, а значит рожден свыше, значит Бог и с ним тоже. Внутри, а не во вне. Значит и он, грешник, недостойный, живет по ту сторону ветхого человека, в новом бытии, в потоке незаслуженной световой благодати. Соблюдение или несоблюдение ветхозаветного законодательства не имеют никакого отношения к интимной сущности христианского существования.

Конечно, для общества приятнее иметь дело с послушными и соблюдающими правила. Для христианского общества тоже. Но все это не имеет общей меры с таинством Церкви, с мистической жизнью верующего. Тут начинается самое интересное. Преступая какую-то ветхозаветную заповедь, христианин, на самом деле, показывает, что он не до конца реализовал в себе таинственную природу Нового Человека, потенциальную личность, навеянную Святым Духом в крещальной купели. Но кто может похвалиться, что достиг полного обожения? Чем более человек свят, тем ниже, грешнее, ужаснее кажется себе он сам перед ликом Сияющей Троицы. Следовательно, как и в случае юродивых, уничижение человеческого, падение, может быть парадоксальным христианским путем, таинством. Соблюдение 10 заповедей не обладает решающим смыслом для православного. Для него важно только одно — Любовь, Новый, совершенно Новый Завет, Завет Любви. 10 заповедей без Любви — путь в ад. А если Любовь есть, то они не имеют более никакого значения. Все это ясно осознавалось радикальными русскими интеллектуалами. У Бориса Савинкова в "Коне Бледном" террорист «Ваня» (литературный образ, написанный с Ивана Каляева) говорит перед убийством: "И другой путь — путь Христов ко Христу... Слушай, ведь если любишь, много, по-настоящему любишь, можно тогда убить или нельзя?" И далее — "...нужно крестную муку принять, нужно из любви для любви на все решиться. Но непременно, непременно из любви и для любви... Вот я живу. Для чего? Может быть, для смертного моего часа живу. Молюсь: Господи, дай мне смерть во имя любви. А об убийстве ведь не помолишься." Савинков жил, мыслил, писал, убивал после Достоевского. Но ничего не добавлено к Раскольникову. Раскольников убивает не просто ради человечества (хотя и ради него тоже). Он убивает во имя Любви. Ради того, чтобы пострадать, чтобы умереть, чтобы убить смерть в себе и других. Иван Каляев, да и сам Савинков — люди глубоко русские, глубоко православные, глубоко «достоевские», явно богоносные,

как весь народ, проникнутый такой высокой, парадоксальной и православной Мыслью, в сравнении с которой бледнеют самые изысканные и глубокие западные философские схемы. Русские не формулируют богословие, они его проживают. Это богословие, идущее через поры, через дыхание, через слезы, сны и гримасы гнева. Через муки и пытки. Через влажно-кровавую, плотскую, одухотворенную стихию Новой Жизни.

С Любовью и ради Любви можно все. Это не значит, что все нужно, что все заповеди надо опрокинуть, отвергнуть. Ни в коем случае. Надо лишь показать, жизненно показать, жестом, что есть — и главным является — иное измерение бытия, новый свет, свет Любви.

Место убийства старухи-процентщицы — Санкт-Петербург. Значит это место любви в России, locus amoris.

Родион заносит две руки, два угловатых знака, два сплетения сухожилий, две руны над зимним ссохшимся черепом Капитала. В его руках грубый, непристойно грубый, аляповатый предмет. Этим предметом совершается центральный ритуал русской истории, русской тайны. Призрак объективируется, мгновенье выпадает из ткани земного времени. (Гете немедленно сошел бы с ума, увидев, какое мгновение на самом деле остановилось...). Две теологии, два завета, два откровения сходятся в волшебной точке. Эта точка абсолютна.

Имя ее Топор.

5. Labris

Краткая генеалогия топора.

Самые блестящие гипотезы относительно этого предмета, его происхождения и его символизма дает, как всегда, Герман Вирт — гениальный немецкий ученый, специалист в области протоистории человечества и древнейшей письменности. Вирт показывает, что двойной топор был изначальным символом Года, круга, двух его половин: одной — последующей за зимним солнцестоянием, другой — предшествующей ему. Обычный (недвойной) топор, соответственно, символизирует одну половину Года, как правило, весеннюю, восходящую. Более того, утилитарное использование топора для рубки деревьев также, по Вирту, имеет отношение к годовому символизму, так как Дерево в Традиции означает Год: его корни — зимние месяцы, крона — летние. Поэтому рубка дерева соотносится в изначальном символическом контексте сакральных обществ с наступлением Нового Года и концом старого. Топор — это одновременно и Новый Год и инструмент, при помощи которого рушится старое. Одновременно это режущее орудие, раскалывающее Время, отрезающее пупови-

ну длительности в магической точке Зимнего Солнцестояния, когда вершится величайшая Мистерия смерти и воскресения Солнца.

Руна, изображающая топор в древнем руническом календаре, называлась thurs, была посвящена Богу-Тору и приходилась на первые посленовогодние месяцы. Тор был Бог-Топор или его символический эквивалент — Бог-Молот, Мьеллнир. Этим Молотом-Топором Тор размозжил голову Мировому Змею, Ермунганду, плававшему в нижних водах мрака. Снова очевидный солнцестоянческий миф, связанный с точкой Нового Года. Змей — Зима, холод, нижние воды Священного Года, куда спускается полярное солнце. Тор — он же солнце, он же дух Солнца — побеждает хватку холода и освобождает Свет. На поздних этапах мифа фигура Солнца-Света раздваивается на спасаемого и спасающего, а потом и утраивается с добавлением инструмента спасения, топора. В изначальной форме все эти персонажи были чем-то одним — бого-солнце-топором (молотом).

Первые начертания знака топора в древнейших пещерах палеолита и в наскальных рисунках разбираются Германом Виртом в свете всего ритуально-календарного комплекса, и он прослеживает поразительную устойчивость протосмысла топора в самых различных по времени и географическому местонахождению культурах и именах этого предмета. Он показывает этимологическую и семантическую связь слов, обозначающих топор, с другими символическими понятиями и мифологическими сюжетами, также относящимися к мистерии Нового Года, середины зимы, Зимнего Солнцестояния. Особенно любопытны указания на то, что символическая семантика «топора» строго тождественна двум другим древнейшим иероглифам-словам-предметам — «лабиринту» и "бороде".

"Лабиринт" — это развитие идеи годовой спирали, скручивающейся к Новому Году и тут же начинающей раскручиваться. «Борода» — особый чисто мужской свет солнца в осенне-зимней половине годового круга (волосы в целом — это лучи солнца). Поэтому в руническом круге другая руна — peorp — изображается в виде топора, но обозначает бороду. В центре Лабиринта живет минотавр, монстр, человеко-бык, эквивалент Ермунганда, мирового змея и... старухи-процентщицы. Достоевский выразил древнейший мифологический сюжет, тайную парадигму символического ряда, описал примордиальный ритуал, который практиковался нашими предками многие тысячелетия. Но это не просто анахронизм или разрозненные фрагменты коллективного бессознательного. На самом деле, речь идет о куда более важной эсхатологической картине, о смысле и жесте Конца Времен, о завет-

ном апокалиптическом миге, когда время сталкивается с Вечностью, когда полыхает огонь Страшного Суда.

Русские — избранный народ, а русская история — резюме мировой истории. К нам, как к временному и пространственному, этническому магниту, тяготеет с нарастающей силой судьбоносный смысл веков. Первый и Второй Рим были лишь для того, чтобы появился Третий. Византия была провозвестием Святой Руси. Святая Русь апокалиптически стянулась к городу-призраку Санкт-Петербургу, где появился величайший пророк России, Федор Достоевский. Главные герои его главного романа, "Преступление и наказание", действие которого происходит в лабиринте петербуржских улиц — главные герои России. Среди них самыми центральными являются Раскольников, старуха-процентщица и топор. Причем, именно топор — тот луч, который связывает Раскольникова с процентщицей. Следовательно, история мира через историю Рима — через историю Византии — через историю России — через историю Москвы — через историю Санкт-Петербурга — через историю Достоевского — через историю романа "Преступление и наказание" — через историю главных героев этого романа — сводится к ТОПОРУ.

Раскольников раскалывает голову капиталистической старухе. Имя «Раскольников» уже само по себе указывает на топор и действие, им осуществляемое. Раскольников отправляет ритуал Нового Года, тайну Страшного Суда, празднества воскрешения Солнца.

Капитализм, ползущий в Россию с Запада, с закатной стороны, плотски изображает мирового змея. Его агент — старуха-паук, плетущая сеть процентного рабства; она же часть его. Раскольников несет топор Востока. Топор восходящего солнца, топор Свободы и Новой Зари. Роман должен был бы закончиться триумфально, полным оправданием Родиона; преступление Раскольникова является наказанием для процентщицы. Объявлена эра Топора и пролетарской Революции. Но... В дело вступили дополнительные силы. Особенно коварным оказался следователь Порфирий. Этот представитель кафкианской юриспруденции и фарисействующий псевдогуманист начинает сложную интригу по дискредитации героя и его жеста в его собственных глазах. Порфирий подло подтасовывает факты и заводит Раскольникова в лабиринт сомнений, переживаний, душевных терзаний. Он не просто стремится засадить Родиона, но ищет подавить его духовно. С этой сволочью надо было бы поступить так же, как со старухой. "Проломи голову змею". Но силы оставили героя...

Затем замутняется и остальная ткань мифа. Раскольников, в соответствии с примордиальным сценарием, должен был бы спа-

сти Софию-Премудрость из дома терпимости, как Симон-гностик Елену. И сцена чтения евангельского повествования о воскресении Лазаря осталась от изначального (виртуального) варианта: спасенная Любовью София, освобожденная от оков процентного рабства, проповедует всеобщее воскресение. Но тут она почему-то вступает в заговор с "гуманистом-змеепоклонником" Порфирием и начинает внушать Раскольникову, что старуху надо было якобы пожалеть, что она — "не вошь дрожащая". Общество любви к животным, включая мирового змея кромешной тьмы. Забота о слезинке капиталиста.

Как все это объяснить?

Достоевский был пророком и обладал даром предвидения. Он прозрел не только Революцию (топором по черепу), но и ее вырождение, ее предательство, ее продажу. София социализма постепенно выродилась в гуманистическое фарисейское слюнтяйство. Порфирии проникли в партию и подточили основы эсхатологического царства советской страны. Отказались от перманентной революции, потом от чисток, потом Соня в лице позднесоветской интеллигенции опять заныла о своем глупейшем "не убий"... И кровь хлынула рекой. Причем кровь не старух-процентщиц, а по-настоящему невинных детей.

Существует виртуальная версия "Преступления и наказания", где совершенно иной конец. Она относится к новому, грядущему периоду русской истории.

Пока мы проживали первую версию. Но теперь все кончено. Новый миф обретает плоть, алый меч Бориса Савинкова обжигает ладони юной России, России Конца Времен.

Имя этой России — Топор.

Статья написана в 1996 г., впервые опубликована в «Независимой газете» в 1996

КРОВУШКА-МАТУШКА

(о забытом писателе Пимене Карпове)

1. Тотальный неудачник

Имя Пимена Карпова прочно отсутствует в нашей культуре. Это правильно. Писатель он был из рук вон плохой, поэт — ниже среднего, жизнь его — серия сплошных неудач. Когда поэт-Карпов пришел знакомиться к Блоку, тот принял его за трубочиста: темная степная рожа, дикий взгляд — законченный чухонец.

В 1909 году он опубликовал свой сборник статей "Говор зорь", малоосмысленный и бестолковый. В нем он наивно защищал русских крестьян от высокомерия интеллигенции. Сборник по-

нравился только одному человеку — Льву Толстому, находившемуся в то время в пике своего опрощенчества.

В 1913 году вышла главная книга его жизни "Пламень (роман из жизни и веры хлеборобов)".

Рискну утверждать, что ничего подобного по дикости, оголтелости и откровенному безумию, перемешанному с дурным вкусом, тяжелым псевдонародным языком и полной художественной бездарностью, в русской литературе не существует. Этот инфернальный шедевр огорошил и критику и цензуру. Роман был признан официальными органами «сектантским», "порнографическим" и «святотатственным». Против автора возбудили уголовное дело, от тюрьмы его спасло лишь хлипкое здоровье и наступившая вскоре революция, до которой он еле-еле дотянул, прикидываясь неполноценным. Карповым были возмущены как левые, так и правые. И те и другие видели в его романе карикатуру — на государство, на народ, на пролетариат, на крестьянство, на помещиков, на церковь — короче, на все, что можно.

Но что еще более неприятно — Карпов не получил даже скандальной известности, промотав ее за счет полной неспособности извлекать выгоду для себя из критической (но чреватой популярностью) ситуации. После революции роман был переиздан в 1924 году, но внимание на него тогда никто не обратил (скорее всего из-за художественной бездарности). Карпов еще долго скитался по России с просьбой выдать комнату или какой-нибудь гонорар (так как работать не умел и не любил), но везде наталкивался на совершенное равнодушие. Так он перебивался неизвестно чем до 1963 года, когда умер в полной безвестности.

В 1991 году издательство "Художественная литература" опубликовала (непонятно зачем) «Пламень», стихи и отрывки из биографической повести "Русский ковчег", в которой Карпов описывал свое знакомство с футуристами, Хлебниковым, Сологубом, Блоком, Толстым, Северянином, Грином и другими известными богемно-литературными персонажами предреволюционной России.

Этой «перестроечной» публикацией была отдана формальная дань третьесортному нелепому писателю, и его тема на этом была закрыта.

Но самое интересное как всегда пропущено.

Дело в том, что Пимен Карпов зашифровал в своем романе уникальное эзотерическое послание, грандиозный гностический миф, предвосхищающий самые яркие прозрения Платонова или Мамлеева. Карпов обнародовал тайны глубинной русской сакральности, сделал достоянием публики секретные национальные учения, которые с предельной ясностью вскрывают самые

темные и загадочные аспекты духовной истории нашего народа.

2. Главарь злыдоты

Внешне роман «Пламень» — нагромождение мракобесия, кровавых преступлений, исступленного садо-мазохизма, перверсий, смертей, гниений, черных месс, святотатств, богохульств и ничем не оправданной танатофилии. Извращения, матереубийства, коллективные изнасилования, пытки — все это наползает друг на друга в бесконечном количестве до конца романа, игнорируя сюжет, последовательность, логику. Создается впечатление, что автор механически добавляет кровавое изнасилование или удушение тогда, когда его перо касается нового чистого листа. При этом нескончаемый ужас описывается совершенно безо всякого юмора и, напротив, перемежается серьезнейшими метафизическими и богословскими рассуждениями. При внимательном рассмотрении оказывается, что кровавые и порнографические картины призваны лишь проиллюстрировать некие сложные гностические концепции, которые составляют ось всего произведения. Мало помалу начинает проясняться замысел Карпова: то, что он пишет, это не художественное произведение, это эзотерический текст, закамуфлированный под литературу и предпосланный особому читателю, носителю русской тайны, который, однако, не узнает себя в интеллигентском дискурсе образованных мистиков (типа Мережковского).

В романе речь идет о нескольких сектах, распространенных среди обычного крестьянского населения в окрестностях поместья зловещего барина — Гедеонова. Позднее выяснится, что главные герои произведения вообще не люди — один "посланец Высшего Света, возлюбивший землю", другой — "сын черта", третий — "пророк Солнца".

Одна из сект — секта злыдотников или «злыдота» — возглавляется неким Феофаном, "духом низин". В определенный момент романа обнаружится, что речь идет о парадоксальном «богоявлении», так как этимологически «Феофан» на греческом и означает "богоявление".

Вначале Феофан был благочестивым отшельником, но столкнулся с вопиющей несправедливостью «Сущего». В один момент его судьба изменилась. Он долго молил Сущего спасти от смерти двух больных малых ребятишек убогой нищенки, которую из милосердия приютил в своем скиту, но вернувшись с изнуряющей, многодневной, одинокой молитвы, обнаружил их трупы "черными, осклизлыми, гниющими". После этого случая, все за кого молил Феофан, умирали. Он понял тогда, что его путь — черный путь земли, призванной восстать на "светлый огонь не-

ба". Тогда Феофан вступает на стезю немыслимо отвратительных преступлений — убивает гирей собственную мать, отдает сестру на разврат стражникам, родную дочь продает за рубль на эротические пытки извращенцу Гедеонову. При этом он действует так не из вульгарного «сатанизма». Накопление грехов и принятие в душу тяжести Феофан рассматривает как особый путь к парадоксальной святости — к Граду, который лежит по ту сторону Сущего. Сам Сущий в такой оптике предстает довольно двусмысленным персонажем. Карпов пишет: "Но — лют Сущий, ревнив. И смрадными непереносимыми казнит казнями тех, кто милосерднее и любвеобильнее Его. Ангела жизни, молившего о прощении Евы и Адама, он, отвергнув, сделал ангелом смерти."

Феофан сочетает в себе крайнее зло и крайнюю святость. Но его путь — путь тяготы, муки, накопления грехов, страданий, мучений, пыток и зла для того, чтобы заставить самого Сущего отойти в сторону и обнажить тайное солнце Светлого Града. В этом — смысл гностической традиции, "пути левой руки" (как называет это индуизм). Не удивительно, что "путь тягости" сопрягается и с сексуальными ритуалами, это погружение в «низины», в темный свет земли. Вначале Феофан выступает как глава секты злыдотников, а потом исчезает и снова появляется уже как аскет-отшельник, пророк. Тогда-то и открывается, что речь идет о "вестнике неба", который не исполнил приказания Сущего о наказании вочеловечевшегося Христа и "взяв его воскресшим от земли, соединил небесных с земными, дух с плотью, любовь с ненавистью".

Когда мужики, сектанты и крестьяне собираются подняться на бунт против властей, Феофан напутствует их словами:

"Кто мне верит?.. Кто меня любит?.. За мною!.. В низины!.. То-то любо будет!.. В сердцевину земли!..." И далее (совсем по Ницше):

"Любите сердце земли! — суровый и вещий раздавался в глубине пещеры клик. — Кто не познает земли, тот не увидит и неба... Не бойтесь зла! Не бойтесь ненависти! Это зажигает любовь... Вы мне верите?.. Дети!.. Верьте всему и всем... То-то любо будет!.. То-то верно..."

(Вдумайтесь в этот странный завет "верьте всему и всем" — это пострашнее чисто сатанинских коннотаций других откровенно еретических пассажей. Явно Пимен Карпов очень не простой был автор.)

3. Пламенники

Второй сектой, во многом противоположной «злыдоте», является «Пламень» или «пламенники». Здесь так же, как и в первом случае, очевидны типично хлыстовские мотивы, хотя возможно,

речь идет о разных ветвях хлыстовства. И пламенники взыскуют Светлого Града, а их отношение к Сущему тоже парадоксально. Но их путь иной, не манихейско-дуалистический, но язычески-пантеистический. Они — солнцепоклонники. Их глава — Крутогоров, который в последствии окажется потерявшимся родным сыном Феофана.

Крутогоров — пророк солнца, пророк любви, пророк единства. Он отвергает моралистические дилеммы — грех-святость, так же как и Феофан утверждая единство «любви-ненависти», "жизни-смерти" и т. д. Но путь его светел. Он идет к недуальному Абсолюту через свет, одухотворенность русской природы, телесную любовь, политическое восстание, вечные хороводы (Карпов пишет, что "мужики в этих местах больше плясали, чем работали"). Крутогоров постоянно занимается промискуитетными формами эротизма, проповедуя общность жен и имущества. В конце романа он становится во главе восстания крестьян и сельчан против помещиков и города, символа отчуждения. Если Феофан идет через грех к безгрешности, то тотальная солнечная безгрешность Крутогорова заведомо отпускает ему все грехи.

Главный принцип секты пламенников — вездеприсутствующий Огонь, вестник Светлого Града. В конце романа именно в огне гибнут радеющие сектанты.

"Горят — счастливые! Горят!"

"Над горным долом неведомый высился, маня огнями, словно корабль в море, Пламенный Град."

Это сравнение с кораблем не случайно. Так сектанты-хлысты называют свою церковь. Огненный корабль — святая святых хлыстовства — их "внутренняя церковь".

4. Дева Светлого Града

Важную роль в доктрине Карпова играет женское начало. Описанные в высшей степени неубедительно и схематично, женщины романа «Пламень» чрезвычайно важны в доктринальном аспекте. От них идет спасение, в них высший духовный парадокс, смешение порока и святости достигает максимального напряжения. Они несут в себе темный и умерщвляющий жар неутихающей плоти, но вместе с тем трагический намек на трансцендентный свет утраченной солнечной прародины. Праматерь Ева, бывшая инструментом падения, должна стать, согласно универсальному сценарию ересей, путем спасения. Это точно соответствует учению индусских Тантр.

Главную роль играет Мария, дочь Феофана, проданная им когда-то Гедеонову. Она — кликуша, пророчица-блудница, участвующая во всех формах кровосмесительных грехов и групповых

радений. Вместе с тем, именно она несет в себе тайну искупительной жертвы. Она находится посредине между злыдотником Феофаном, активным творцом искупительного зла (ее отцом) и солнцепоклонником, пророком Пламени Крутогоровым (братом). Жертва различных гностических воль двух родственников, она сгорает вместе с другими сектантами в момент кульминации сакральной оргии. И получает корону света.

Вся эта группа (Феофанов, Крутогоров, кликуша Мария) странно напоминает богомильскую иерархию, во главе которой стояли фигуры, соответствующие трем лицам Троицы. Феофанов — отец, Крутогоров — сын, кликуша-Мария — дух, так как в гностицизме дух представляется женским началом. Если эта догадка верна, то в случае с Карповым и его романом мы имеем дело с пережитком богомильской традиции в России, которая официально считается прерванной много веков назад.

5. Сатанаил Гедеонов

Помещик Гедеонов является вождем иной секты — «сатанаилов» или поклонников «Тьмяного», т. е. «Темного», люцифера. Имя «сатанаил» снова отсылает нас к богомильству, где этим термином назывался люцифер до своего падения, так как частица «ил», входящая во все ангельские имена, означает на иврите «бог»; денница утратил ее, после того, как ниспал. Казалось бы, что на этот раз мы имеем дело с абсолютно негативным персонажем — Гедеонов воплощает в себе тотальное зло, зло ради зла. Он мучает мужиков, насилует и пытает женщин и детей, вырезает целые селения и устраивает на поле публичную казнь через отрубание голов; он убивает свою мать, свою дочь, свою жену и т. д. Его незаконнорожденный сын «чернец» Вячеслав, настоятель Загорского скита является его заместителем и справляет черномагические сатанинские обряды в честь Тьмяного и самого Гедеонова.

Это — антипод Крутогорова. В нем нет любви и жизни, только похоть, зависть и яд.

Но не все так просто. Гедеонов личность точно соответствующая русскому де Саду или Мальдорору. Вспомним, как глубоко понял смысл садизма Жорж Батай, описавший тип "суверенного человека". Гедеонов, "князь тьмы" абсолютизировал свое «я», вышел за узкие границы человеческого, открыл для себя просторы абсолютного безумия, простирающиеся по ту сторону добра и зла.

"Говорил ему неведомый, несуществующий, говорил из темноты: — Надо найти то, что за Сущим… Или создать."

Снова от простого зла мы переходим ко злу непростому, гностическому, сходному с линией Феофана. Найти трансцендентное,

лежащее по ту сторону... Гедеонов, "суверенный человек", крайне правый мистик, странным образом напоминающий одновременно Унгерна, Кроули и Эволу, тоже взыскует на свой манер Абсолют. Он говорит:

"Человек — вообще ублюдок: ни черт, ни бог." (Очень верное замечание — А.Д.).

И далее:

"Два стана сражаются, мать бы... один — во имя бога, но дьявольскими средствами (исторические религии, священные монархии, пропитанные кровью); другой — во имя дьявола и тоже дьявольскими средствами, впрочем иногда и божескими... Так вот — кто лучше? ОБА ЛУЧШЕ! (разрядка наша — А.Д.)"

Заметьте это гениальное — "оба лучше" и вдумайтесь в его смысл. Созвучно идее Мережковского, изложенной в трилогии "Царство Зверя", о тайном притяжении монархического консерватизма и прогрессивной революционности.

Также Максимилиан Волошин:

"Что менялось? Знаки и возглавья?
Тот же ураган на всех путях:
В комиссарах — дух самодержавья,
Взрывы революции в царях."

Гедеонов развивает мысль:

"Через определенные периоды станы эти меняются ролями, но суть остается та же: толпа жаждет избавления от страданий и этим самым нагромождает гору еще больших страданий, мать бы... А бог и дьявол — это только лики двуединой правды жизни, стороны одной и той же монеты — орел и решка. Кто же выигрывает, мать бы?.. Тот, у кого монета с двумя орлами по обе стороны — или там с двумя пентаграммами, с двумя, словом, знаками выигрыша по обе стороны, мать бы..." (...)

"Вот оне, обратные стороны медали, мать бы... В космосе: начало есть конец, конец есть начало (замкнутый круг); в религии Бог есть дьявол, дьявол есть Бог; в общественности: деспот есть народоизбранник, народоизбранник есть деспот; в морали: ложь есть истина, истина есть ложь, и т. д. Так что в известный период и в известной мере грех будет святостью, а святость грехом. Вы поняли к чему я клоню?.."

Те, к кому был обращен вопрос Гедеонова явно не поняли. Нам с нашим историческим опытом и знаниями по истории религий, гетеродоксии и политических учений, это более понятно. Гедеонов клонит к тому, что грань между ним и Феофаном очень тонка.

Есть ли она вообще?

6. От ересиологии к политологии

В какой-то момент повествования чисто мистическая реальность сливается у Карпова с социальной. Мужики, злыдота, красносмертники, скопцы, хлысты, пламенники, скрытники и т. д. окончательно отождествляют свой мистический бунт против "злого демиурга" (Сущего) с социальным восстанием пролетариата и крестьянства против господ.

Крайне правый лагерь сатанаилов Гедеонова, — сам Гедеонов о себе постоянно говорит "я — железные тиски государства" — подвергается атакам социалистически ориентированных садомазохистов-хлеборобов, поднявшихся на взыскание Светлого Града и земли в политическом аспекте. Потрясающее пророчество: мистический "фашист"("суверенный человек", Мальдорор) Гедеонов схлестывается с мистическими коммунистами богомильской секты. Предвосхищение гражданской (и Второй мировой) войны. Не случайно «Пламенем» так возмутился большевик Бонч-Бруевич, который сознательно занимался делом соединения русских сект с революционным движением — Пимен Карпов слишком откровенно обнародовал запретные планы (к счастью, его никто не понял). Великое и страшное «я» Гедеонова, говорящего с собой в гулкой пустоте по ту сторону Сущего, и всеобщий, коллективистский, промискуитетный, оргиастический экстаз революционных ересей, где «я» растворено в едином порыве к Светлому Граду. — Парадоксально, но между ними гораздо меньшая дистанция, чем та, что отделяет гностика (любой ориентации) от прохладного полутрупа-обывателя (у которого нет ни ярко выраженного «я», ни ярко выраженного "мы").

Два типа мистицизма, стоящие за двумя наиболее интересными политическими реальностями XX века.

Но дуализм, который сам Карпов явно стремился акцентировать, постоянно подходит к какой-то головокружительной, опасной черте, где парадокс открывается в еще более страшном, непредсказуемом свете, пугающем и самого автора. Оправдание зла у простонародных сектантов оправдывает и тех, против кого направлен их бунт. Оправдано зло, оправдана борьба против зла, оправданы методы зла, оправдана победа любой стороны. Высшая ценность не имманентный успех, но праздник бытия, торжество красной смерти, триумфальная весть мучимой плоти, кровушка, кровушка-матушка...

Крутогоров говорит: "Вы пришли в мир, чтобы гореть в солнце Града... А чем лютей зло, тем ярче пламень чистых сердец!" и в другом месте: "Не будь зла, люди не стали бы искать Града..." Ясно, что все теснее сближаются обе линии на метафизическом уровне. Так сын Гедеонова «мерзкий» доносчик, убийца (но в романе вообще все убийцы!) и грабитель «чернец» Вячеслав, «кается» и

заканчивает свою жизнь в очистительном огне среди пламенников.

Но видимо, родство еще глубже. Оно не исчерпывается внешним сходством методов духовной реализации у (позитивной в романе) «злыдоты» и (негативных) «сатанаилов». По ту сторону основной линии фронта духовно-метафизической и социально-политической войны смутно мерцает парадоксальная возможность нового политико-идеологического синтеза.

Пимен Карпов вплотную подходит к теме магического национал-большевизма, которая преследовала сознание самых парадоксальных и нонконформных умов XX века (вспомним Дрье Ля Рошеля: "проблема не в том: царь или революция; проблема в том, как соединить эти понятия, как реализовать формулу: Царь плюс Революция, предельный консерватизм плюс предельный модернизм").

7. Национал-большевизм: договор крови

Идея объединения коллективистского гнозиса русских сектантов, взыскующих Светлого Града, с крайне правым «сатанаильством» Гедеонова ("железные тиски государства") яснее всего изложена в диалоге «чернеца» Вячеслава (верного консервативному мракобесию) с братом Андроном, красносмертником, ушедшим в социальную Революцию. (Показательно, что в ходе повествования выясняется, что оба они — родные сыновья Гедеонова, т. е. внуки черта по прямой линии, так как сам Гедеонов сын черта). Формально Карпов описывает предложение «сатанаила» Вячеслава хлысту-большевику Андрону как искушение. Но возможно, это уже вопрос моральной самоцензуры, следствие неспособности до конца признать головокружительный метафизико-политический синтез, к которому сам Карпов приближается вплотную.

Весь диалог крайне важен. Большевик Андрон, встретив брата, говорит ему:

" — Конец вашему свету!... Мир весь — наш, трудящихся, которые, пролетаристы. В вы — смерды, дармоеды и тля. За кого ты теперь?.. Говори. А я скажу тебе сам, как тебе, скоро всем вам — и тебе — красная смерть. Но ежели перейдешь к нам — помилуем...

— Да ведь я же ваш, брат Андрон... — заюлил чернец... — Одному Тьмяному все служим... Сообща всем миром владеть будем... Только — через русского бога — Тьмяного... Нет бога, равного ему! Скоро весь мир уверует в него! Планета будет наша! У нас есть союз... (...) Хо-хо! Шар земной будет — одна сплошная держава! А во главе — русские... Ты разве не слыхал про союз шара земного? Это ж — наш русский союз!.. Дух живет, где хощет..."

В данном случае Вячеслав намекает на существование секретной крайне правой организации гностического толка и подчеркивает ее связь с Россией. (Вспомним специалиста по альбигойской ереси полковника СС Отто Рана; его катарские книги указывались в перечне необходимых для изучения в войсках СС; французский историк Жан-Мишель Анжебер в своей книге "Гитлер и традиция катаров" вообще утверждает, что влияние альбигойской гностической мысли на национал-социализм было решающим). Это становится еще более ясным из других слов Вячеслава: "Мы уловили ужо Европу, теперь черед — за Америкой. А почему? Потому — Тьмяному поклонилась Европа... Русскому богу скрытых сил и наслаждений, богу жизни, а не смерти... А Восток давно уже наш... Там Дракон и Магомет — суть ипостаси Тьмяного..." Фраза "Тьмяному поклонилась Европа" забегает вперед на 20 лет, так как книга Отто Рана "Двор Люцифера" (она-то и была рекомендована для обязательного изучения в СС Гиммлером и Вилигутом-Вайстором) появилась только в 1935 году.

Далее следует ключевой пассаж, являющийся осью национал-большевизма:

"И вы, пролетаристы, не осознавая того, поклонились Тьмяному — материи. Так о чем же спор?"

Тьмяной, бог крови и жизни, объединяет крайне правых и крайне левых в едином фронте против остывшей либеральной цивилизации. К такому же выводу пришли немецкие консервативные революционеры 20-30-х годов и русские евразийцы. Но Андрон явно воспринимает все как провокацию. Его мировоззрение, несмотря на всю глубину вовлеченности в гностический парадокс, остается обусловленным моралистическим дуализмом. Поэтому он не понимает головокружительной глубины, предлагаемого "черным братом" альянса. И долбит свое:

"— Богатеев предавать красной смерти, и русских, и прочих!... - гукал Андрон, тряся красной бородой. — А вы, тля, прихлебатели богатеев, — своего же брата... — Отнюдь! Наградить бедноту! Только сперва — русскую бедноту, потому как бог — русский, а не чей иной... Американская беднота сама о себе промыслит... и прочая европейская. Пойми голова! Тут не один хлеб, тут глубина глубин... Свобода, какой не ведал человек от начала мира... Што хлеб?.. Набил брюхо, — а от скуки — издох.." Вячеслав в емких терминах высказывает здесь сущность национал-большевистской идеологии ("сперва — русскую бедноту" и "набил брюхо, — а от скуки — издох").

Андрон все равно упорствует:

"— Не миновать тебе красной смерти, пес, с твоими русскими костоглотами...

— Договор крови — идет?
— Какой договор крови?
— А вот: отдадим всю власть пролетаристам, фабрики, заводы... Мужикам — землю, — только чтоб предавать красной смерти не русских, а иных прочих... Передай это вашим комитетчикам... Согласятся — мирный договор на крови... Не согласятся — кровь за кровь, до седьмого колена... месть на истребление! Но ежели ты уладишь все — министром сделаем... Простой водовоз в министрах — это и будет первый пункт мирного договора... А дальше, шаг за шагом — бедноту наверх, а богатеев — вниз. Сделать это бате — как пить дать. И там и восток, и запад, небо и земля, подземная Америка — весь земной шар во власти русских... то бишь русского бога, Тьмяного. Избавление миру! Свадьба без меры, без предела!"

Тупой Андрон все свое повторяет:
"Жди избавленья от псов."

На это символическое замечание, сакральный смысл которого ускользает от самого говорящего ("псы" обозначают "водителей душ", магических сущностей границ, которые позволяют избранным пройти через критическую точку бытия — зимнее солнцестояние духа), Вячеслав дает гениальный по краткости и судьбоносности ответ, чье своевременное понимание и расшифровка могли бы кардинально изменить ход русской истории:
"— ЖДИ."

Действительно, этого вполне можно было бы ждать, более того, только это и могло бы принести "избавление миру", дать "свадьбу без меры".

Но печален пророческий конец всей сцены: "Так и ушел чернец ни с чем."

"Подземная Америка", оплот нерусского и антирусского, антигностического мрака так и была завоевана. Национал-большевистский синтез не совершился, нация осталась расколотой по тонкой, парадоксальной, глубочайшей, но все же моралистически дуальной линии — "белый террор/красный террор", "черная сотня/красные комиссары", "большевики/монархисты" и т. д.

Свадьба «красных» и «коричневых», дающая ключ к мировому господству имманентного духа, не состоялась.

8. Отомсти, Русь!

Пимен Карпов раскрывает множество тайн. Описывает секретные ритуалы — постановку "великой печати" скопческой бритвой, выжигание собственных глаз гностиками "внутреннего пути", женские распятия и коллективные оргии русских тантристов, искупительные жертвоприношения юношей на темном ал-

таре «сатанаилов», "нашептывание на хлебе и вине" в колдовском заговоре, курение "еретических трав", кровосмешение и отце- и матереубийства «злыдотников» и т. д. Но во всем этом главную роль играет Кровь.

Кровь в Традиции считается главным жизненным началом, она связывается с огнем, с пламенем — особенно в его тепловом аспекте. Поэтому название романа «Пламень» является синонимичным понятию «Кровь». В полноценном традиционном контексте отношение к крови (человеческой и животной) крайне нюансировано, окружено многими священными запретами, табу. В Библии вообще запрещается употреблять кровь животных в пищу. Именно ритуальное выпускание крови животного резником отличает "чистую пищу" евреев (кошер) от нечистой (трефа). Но в целом, речь идет преимущественно не о проклятии крови, а о запрете на злоупотребление ей, приравненное к святотатству.

В современном мире, когда от священной традиции почти не осталось и следа, картина совершенно иная. Этому миру фатально не хватает внутренней жизни. Цивилизация, становясь все более технологичной, эффективной, автоматизированной, стремительно остывает. Сочная ткань реальности подменяется ее плоским изображением, система репрезентаций вытесняет плоть вещей. Человечество впадает в апатию. Прагматизм вымывает страсть. Действительность становится «кошерной», пустой, обезжизненной, прошедшей через хирургические руки гигантского невидимого и всемогущего резника. Отсюда как чудовищная компенсация — взрывы мировых войн, море преступности, иллюзорная жестокость молодежной культуры, обилие крови в телевизорах (боевики, фильмы ужасов, репортажи с мест конфликтов и катастроф). Но это $не та кровь#. Разбавленная, не красная, холодная, не способная ни ужасать, ни обновлять, ни воскрешать. Это — кровь фиктивного света, унылые секреции угасающей планеты. Это — кровь искусственная, немая, поддельная...

"Союз земного шара", о котором говорит Вячеслав в романе Пимена Карпова, это мировой заговор против остывания. Это согласие пламенников, "договор крови". В нем участвуют те, кто изнутри мучимы голосом не исчезнувшего бытия, кто восстают на лед, не взирая на его тотальность.

Безусловно, это пароксизм ереси, гетеродоксии, путь неправомочного, запретного, недопустимого восстания. (Отсюда люциферические черты). Но индусы утверждают, что в конце темного века (кали-юги) обычные нормальные дороги духовной реализации более не пригодны; что проблематика последних времен исключает метафизические гарантии; что только рискованный, опасный, не гарантированный, парадоксальный путь "левой ру-

ки", "путь крови" остается единственной надеждой на осуществление заветного брака с Абсолютом. Ортодоксальные традиции вырождаются, конформируя с остывающим миром, становятся пустым морализмом, "теплым тлением", извращающим ту изначальную огненную истину, на которой основаны. Этим бескровным вампирам ортодоксии противостоят кровавые вампиры ересей. Фиктивному электрическому свету плоской вербальной демагогии — живой, страстный, болезненный, отчаянный Пламень рискованного духовного восстания.

Нет сомнений, путь крови, тайная доктрина, описанная у Пимена Карпова, очень, очень опасны. Но риск не в чудовищной необратимости преступления; риск в том, что на каком-то этапе может отказать ум, и тогда существо восставшего навсегда потеряно в безысходных лабиринтах внешних сумерек. Глупость — самая страшная преграда на опасном пути к Светлому Граду. Но настоящий "пламенный ум", "ум-фиолетовый свет" рождается из брака сознания с безумием; простое рациональное мышление, здесь также бесполезно, как и укороченные мозги обывателя. И последний вывод из Пимена Карпова: нет духа без политики; политическое — поле развертывания глубинных духовных сил, страстного схождения кровавых донных небесно-подземных энергий.

Россия — удивительная страна, и населяющие ее существа ("хлеборобы", «красносмертники», "простецы", «убийцы», "пролетаристы", «консерваторы», "железные тиски государства" и прочие) осенены нездешним метафизическим значением, наитием "глубины глубин". Это обязывает, дает надежду, ужасает... Заветы Пимена Карпова обращены к нам, актуальны (как нельзя больше) и сегодня:

"У всех нас, братьев по Тьмяному, есть свой свет — темный, невидимый, по-ученому — ультрафиолетовый... Его-то мы и водрузим над нашей и вашей — общей планетой... Только чтоб во главе — русские..."

Кровь против остывания. Россия хороводов и ангельского безумия против "подземной Америки". Оглушающий вопль тоски по Традиции против смирения с тихим вырождением охладелых покойников. Мировой Революции не избежать. Как не избежать Страшного Суда и огненного причастия.

"Только чтоб во главе — русские..." И снова слышится тайный голос — голос "глубины глубин", Пимена Карпова:

"Запомни, Русь! Отчизна! Запомни! Отомсти! Горы растерзанных, отравленных свинцом сынов твоих, горячей, смертной напоивших кровью досыта поля твои, стучат из могил костьми: "Отомсти!"

Тучи сынов твоих, изуродованных, ослепших, сошедших с ума, с оторванными руками и ногами, ползают по площадям и дорогам, немой посылая тебе, отчаянный крик-вопль, смешанный с кровью:

"Отомсти!"

За обиду смертную! За отравленный свинец! За бойни раненых и безоружных! Миллионы отцов, матерей, сирот, вдов, в тоске и горе неизбывном, клянут тебя, Русь. Зачем, зачем простила поругание, проклятая Родина?!

О Русь, так отомсти же! Кровью отомсти, солнцем Града, муками! Подобно Светлому, неслыханными муками своими отомстившему поругателям своим..."

Статья написана в 1996 г., впервые опубликована в 1996

"МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО ГУБЕРНАТОР ВСЕ ЕЩЕ ЖИВ..."

"Есть заветные рубежи
Мой рубеж — алый меч."

Б. Савинков

Мало кто интересуется сегодня эсэрами, радикальными революционерами-террористами, которые были главными действующими лицами русской истории конца XIX — начала XX веков. Правые причисляют их к агентам русофобского иудео-масонского заговора, либералы обвиняют их в радикализме и потенциальном тоталитаризме (видя в них зародыш сталинской системы), и даже сами коммунисты и крайне левые открещиваются от них как от дискредитирующих идею экстремистов. Сдается, что у русского террора нет наследников, так же, как нет отцов у поражения.

Но кто-то новый, еще не открывший своего лица перелистывает книги Савинкова и жадно вчитывается в его написанные кровью (своей и чужой) строки.

"Конь Бледный". Гениальный текст, где экзистенциальные, мистические, философские и социальные мотивы сплетаются в одно органичное целое. Это — свидетельство. Это — литература. Это — руководство к действию. Что хотел сказать этот парадоксальный, загадочный человек, отправивший на тот свет не один десяток белых, красных, зеленых, бесцветных? В Савинкове явно доминирует апокалиптический мотив. "Я дам тебе звезду утреннюю". Гипнотически повторяется эта строчка у автора дневника террориста. "Утренняя звезда" по-латински Lucifer, Денница. Павший, но несломленный ангел, первотворение Божие, вневременной архетип истинного революционера.

"Утренняя звезда", двусмысленное обещание, символ избранничества и проклятости. Он преследует сухое воображение человека, который сделал смерть своей профессией, своим предметом изучения, своей судьбой. "Утренняя звезда" — награда для безжалостного карателя, для носителя таинства абсолютной мести, которая должна поразить и правого и виноватого.

Террор оправдывается у Савинкова не апелляциями к "общественному благу", «справедливости». Воспаленная душа террориста ставит вопрос более глобально, более радикально — что такое смерть? Если она неизбежна для живых существ, в праве ли мы откладывать далее свидание с ней? Савинков блистательно описывает духовный портрет своего друга, террориста Каляева. Тот воспринимал теракт как жертву, как принесение в первую очередь своей (и лишь в последнюю очередь чужой!) жизни на алтарь великого метафизического вопроса. Каляев — «Ванечка» — хочет «пострадать», хочет умереть — поэтому он убивает:

"Вот идет дело крестьянское, христианское, Христово. Во имя Бога, во имя любви... Верю в наш народ, народ Божий, в нем любовь, в нем Христос... Иду убивать, а сам в Слово верю, поклоняюсь Христу. Больно, мне больно..."

Гениальная интуиция единства Смерти по ту сторону фиктивного дуализма палача и жертвы. Убивать и умирать — это одно и то же. Но добровольно убивать-умирать означает не просто подчиниться всепоглощающей стихии смерти в качестве объекта, но вступить в активный диалог с Ней, начать ухаживание, сватовство, в пределе осуществить Брак.

"Убить" для русского террора значит разрешить глубинный мучительный философский вопрос Бытия.

Революционный террор существовал и на Западе. Но французские (шире, европейские) анархисты — это нечто совсем иное. У них иная культурная, духовная среда. Зная фатальную ограниченность французов, да и вообще людей Запада, — их одномерность, мелкоту, убогую рациональность, — можно себе представить, что и террор в Европе имеет столь же поверхностный, узко рациональный смысл. Убить, чтобы решить социальные вопросы; убить, чтобы заявить о своих политических взглядах.

И только.

Русский убивает иначе. За ним глубинный пласт национальной православной метафизики, вся трагическая драма апокалипсиса, раскола, страдания, истерически и пронзительно осознанного христианского парадокса.

Русский террорист — жертва. Он совершает магический акт, призванный спасти не только общество, народ, класс, но всю реальность. Савинков в "Коне Бледном" подробно описывает по-

кушение на губернатора. Оно проходит тяжело, муторно, со сбоями. Его сопровождают истерики, любовные драмы, психологические срывы, классовые трения. Всполохи трусости и нерешительности несколько раз почти губят все дело. В одной неудачной попытке теряются лучшие кадры — рабочий Федор, до конца отстреливавшийся из-за поленницы, но сраженный жандармами. Но в конечном итоге план реализуется. Православному студенту-мистику удается швырнуть самодельную бомбу в карету губернатора. Служителя Системы разрывает взрывом. Радостно и покорно, жертвенно и прекрасно, торжествующе убийца сдается палачам. Казалось бы, цель достигнута. Меч темного ангела упал. Тиран повержен. И в этот момент самому Савинкову, готовившему всю операцию, в голову приходит страшная мысль. Ему кажется, что "губернатор все еще жив". Конечно, жив. Дурацкая личность монархического чиновника, подонка и угнетателя — лишь маска. Сущность Системы не в нем, и даже не в Царе. Злой Демиург неуловим. Он — по ту сторону социальных марионеток. Достать его не так просто.

Страшное прозрение ведет Савинкова во все новые и новые политические группы. Он, ревностный сторонник свободы Труда, героический мститель за обездоленных и угнетаемых крестьян и рабочих, в какой-то момент приходит к белым, к «барам», которых он сам в свое время взрывал и резал десятками. Потом его влечет к фашизму, к Муссолини. Потом в большевистской России он обнаруживает свою близость к коммунистам. Смена политических пристрастий выдает в нем органического национал-большевика. Он по ту сторону узко партийных доктрин. Герой, преданный метафизической идее. Палладин Смерти. Холодный убийца с душой агнца.

Его Враг — за пределом обычных политических баррикад. Это — Система и ее скрытая сущность. Злой Демиург, тайный агент Отчуждения. Чтобы понять это, надо обойти весь политический спектр по кругу. Причем ценностью это станет лишь в том случае, если за каждый шаг будет заплачено кровью.

"Белые", «красные», "черные", «коричневые», "зеленые"… Какая, в сущности, разница?! Главное — переступить черту.

"Если вошь в твоей рубашке крикнет тебе, что ты блоха, выйди на улицу и убей!"

Убей, чтобы потом страдать.

Убей, чтобы погибнуть.

Убей, чтобы быть проклятым.

Убей, чтобы убить. Чтобы умереть. Чтобы жить.

Борис Савинков — это практик той глубокой мысли, которую развил великий Достоевский. Той в принципе нерешаемой про-

блемы. Той великой мечты. Родион Раскольников убийством старухи-процентщицы нанес удар по черепу Капитала, космополитической банковской системы, разрубив цепи "процентного рабства"... В эту же «старушонку» всаживал свои пули Борис Савинков.

Большевики посчитали в какой-то момент, что они окончательно "убили губернатора". Что Отчуждение преодолено. Что Демиург повержен. Но дух тления вселился в них самих. Боль и риск забылись в наивном оптимизме. Революция и кровь были преданы, проданы, сданы. С каким непониманием, омерзением, презрением и безразличием писали они в последние десятилетия своего правления о терроре, о Савинкове, об эсэрах, о народниках. Имена улиц — «Каляевская», "Бакунинская" и т. д. — никому ровным счетом ничего не говорили. Бюрократы стерли память о зигзаге плеча, метающего бомбу. Они поплатились за это.

И снова сволочь празднует на развалинах социализма свой триумф. Снова сияет рожа торговца; лениво потягивается сутенер, торгующий девочками-малолетками; потирает руки гадина, вырубившая последний вишневый сад...

Мы открываем книги Бориса Савинкова. "Конь Бледный". Вдыхаем описание его жизни, его эротизма, его борьбы.

Мы так хотим, так страстно желаем *Утреннюю Звезду.*

И нам снова и снова кажется, что... губернатор все еще жив

Статья написана в 1996 г., впервые опубликована в 1996 в газете «Лимонка»

Примечания

1

В последние годы советского режима термином «национал-большевик» характеризовались некоторые консервативные круги КПСС, т. н. «государственники», и в этом смысле слово приобрело несколько уничижительный смысл. Но такие позднесоветские «национал-большевики», во-первых, никогда не соглашались с подобным названием, а во-вторых, никогда не пытались связно изложить свои взгляды в каком-то хотя бы отдаленном приближении к мировоззрению. Конечно, подобные «национал-большевики» определенным образом связаны с линией 20х-30х годов, но эта связь, скорее, основана на инерции и чаще всего рационально не осмыслялась.

2

Если первые три понятия ("объективный материализм" или просто «материализм», "объективный идеализм" и "субъективный идеализм") довольно широко используются, термин "субъективный материализм" предполагает дополнительные пояснения. "Субъективный материализм" — это мировоззрение, типичное для общества потребления, где основной мотивацией человеческих поступков является удовлетворение индивидуальных потребностей в основном материального, физического характера. При этом вся реальность полагается не в структурах индивидуального сознания (как в субъективном идеализме), а в комплексе индивидуальных ощущений, низших эмоций, страхов и наслаждений, самых донных пластов человеческой психики, связанных с вегетативными, телесными уровнями. В философском плане этому соответствуют сенсуализм и прагматизм, а также некоторые школы психологии, например, фрейдизм. Кстати, все попытки политического ревизионизма в коммунистическом движении, начиная с «махизма» и бернштейнианства и кончая еврокоммунизмом, сопровождались на философском уровне обращением к субъективистской линии и разнообразным версиям "субъективного материализма", одним из последних проявлений которого был "фрейдо-марксизм".

3

С противоположной стороны происходит обратный процесс: кантианские ревизионисты от социал-демократии, левые либералы, прогрессисты обнаруживают свою близость правым консерваторам, признающим ценности рынка, свободу обмена и права человека.

4

Катастрофичность победы гитлеровской баварско-австрийской, славянофобской линии Никиш пророчески распознал уже в 1932, что и высказал в книге "Гитлер — злой рок для Германии". Поразительно, что уже тогда Никиш предсказал все трагические последствия победы Гитлера для России, Германии и идеи Третьего Пути в целом.

5

Отметим, что описание тантрических сект удивительно напоминает европейские эсхатологические течения, русские раскольничьи толки, хлыстовство и… революционные организации!

6

По этому поводу см. исследование А.Дугина "Le complot ideologique du cosmisme russe" в "Politica Hermetica" N 6, Paris, 1992.

7

Полный английский вариант его книги так и называется — "The Third Rome"

8

см. Карл Шмитт "Напряженность между землей и морем", «Элементы» № 8, 1996

9

Обратим внимание, что, строго говоря, смысл имеет только имя из двух слов — "Господь Саваоф", так как просто «Саваоф» будет означать только «воинства» или "звезды".

10

Алистер Кроули, впрочем, считал, что ценность алкоголя крайне ограничена, и что наркотики гораздо предпочтительней. Единственное исключение он делал для «абсента», который называл "зеленой богиней".

11

Реинкарнационистские теории основываются именно на эксплуатации этого магического состояния "растворенности я", но они стремятся подменить истинную и спонтанную королевскую фиксацию магического триумфа обретения Имени обращением к истории, к прошлому (есть ли в мире Воды прошлое?) и психическим элементам мертвецов и "бродячих влияний", сохраняющимся на тонком плане.

12

Венера Победительница

13

Напомним, что отличие положений Венеры и Меркурия на сферах традиционной астрологии и в астрономической реальности связано с тем, что скоростьо вращения Меркурия вокруг солнца выше, чем скорость вращения Венеры, а древние прямо связывали эту скорость вращения с удаленностью от солнца: чем выше скорость, тем ближе планета к земле. В такой «скоростной» перспективе Венера симметрична Марсу, тогда как в астрономии ему симметричен Меркурий. Любопытно, что греки приписывали Гермесу (Меркурию) андрогинные характеристики. Среди всех мужских планет именно Меркурий ближе всех к женскому началу, хотя и остается все же мужским.

Еще один важный момент. Исходя из ассиметрии между скоростью вращения и близостью к солнцу, следует рассмотреть возможность взаимозаменяемости и зодиакальных домов Венеры и Меркурия. И здесь сталкиваемся с крайне интересной перспективой: Близнецы и Дева гораздо более точно соответствуют именно Венере, так как близнечные мифы очень часто относятся именно к Венере, а сама она является Девой в гораздо большей степени, чем женоподобный мужчина Гермес. Нет ли астрологического подтекста и в мифе о Гермафродите, двуполом ребенке от связи Гермеса (Меркурия) и Афродиты (Венеры)?

14

Занятное совпадение — немецкое Doenitz и русское "денница"...

15

Что думать о телеграфном сообщении адмирала Берда "Полюс лежит между нами и нашими противниками"? Какими противниками?

16

Сразу заметим, что на многие соображения этой статьи нас навело чтение очень интересного труда В.Кушева "730 шагов", где автор разбирает парадигму "Преступления и наказания".

17

Штирнер в "Немецкой идеологии" писал: "Mensch, es spukt in deinem Kopfe!", что можно приблизительно перевести как "Человек, твоя голова одержима призраками!" Относительно точного перевода немецкого глагола spuken от der Spuk (призрак) — аналогом которого является французское «hanter», английское "to haunt" — любопытную аналогию указал нам о. Серафим, напомнив, что в старо-славянском существовал глагол «стужать», означающий то же, что и немецкое spuken — "быть одолеваемым нечистой силой, одержимым, беспокоимым невидимыми существами". Жак Деррида в своем тексте "Гамлет и Гекуба" (1956)

указывал на сходство между драмой Шекспира и «Манифестом» Маркса. В обоих случаях все начинается с призрака, с ожидания его появления. Деррида точно подмечает, что "момент призрака не принадлежит обычному времени". Иными словами, время в мире призраков не имеет никакой общей меры со временем мира людей. Это имеет прямое отношение к самой сущности Петербурга, города-призрака, живущего вне сакрального времени русской истории, в некоем субтильном сне, звездном опьянении. Это призрачная вечность Свидригайлова. Это город-"Летучий Голландец", его огни, его люстры, свечи и лампочки, его Просвещение не что иное, как огни святого Эльма, фиктивные свечения болотного квазисуществования. Стужалый город, haunted city, la ville hantee… Место сумасшествия, болезни, лихорадки, перверсий, порока и… озарений.

18

В современной геополитике Левиафан и Бегемот обозначают, соответственно, морскую державу и сухопутную. Левиафан — это атлантизм, Запад, США, англо-саксонский мир, рыночная идеология. Бегемот — это евразийский, континентальный комплекс, связанный с Россией, иерархией и традицией. См. подробнее А. Дугин «Конспирология» (М. 1992).